

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

23 2020
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 23 (313) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр Иванович Горшков* (1923), советский и российский лингвист-русист, специалист по истории русского языка и теории литературного языка.

Александр Иванович родился в г. Ярцево Смоленской области в семье ткацкого мастера.

Он окончил факультет русского языка и литературы Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина и аспирантуру этого института по кафедре русского языка. После защиты кандидатской диссертации на тему «Народно-разговорная лексика и фразеология в сатирических журналах Н. И. Новикова 1769–1774 гг.» Горшков был направлен в Читинский государственный педагогический институт.

Находясь в командировке в КНР, Александр Иванович был руководителем группы специалистов в Харбинском институте иностранных языков. Позднее, уже работая в Коломенском педагогическом институте, он защитил докторскую диссертацию «Проза Д. И. Фонвизина в истории русского литературного языка».

За время своей научной и педагогической работы Александр Иванович преподавал почти все лингвистические дисциплины, предусмотренные учебными планами филологических факультетов, но прежде всего — историю русского литературного языка, стилистику и старославянский язык. В своей научной работе Горшков — убежденный последователь филологической концепции своего учителя академика В. В. Виноградова. Основное внимание он уделял проблемам употребления языка, в частности — изучению языка как материала словесности.

Горшков впервые последовательно изложил теорию русского литературного языка. На основе разграничения уровней языковых единиц, текста и языка как системы разновидностей его употребления показал нетождественность различных «языковых программ» (теория трех стилей, декларации Карамзина, дискуссия «о слоге» и т. п.) и реального развития русского литературного языка во второй половине XVIII — начале XIX в., раскрыл большое значение языка просветительской прозы (М. Д. Чулков, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов, А. Н. Радищев) в подготовке пушкинской языковой реформы. Он разработал курс стилистики текста, обосновал ее принципиальное отличие от так называемой лингвистики текста. Он также проделал стилистический анализ ряда произведений русской классической и новейшей русской словесности. К тому

же Горшков разработал виноградовское понимание словесной композиции текста как «системы динамического развертывания словесных рядов в сложном единстве целого», рассматривая словесные ряды как главные компоненты композиции. Он выступает сторонником положения, что стилистика не делится на лингвистическую и литературоведческую, а является самостоятельным разделом филологии.

Горшков — автор учебников, учебных пособий, монографий и статей. Им написано около 140 научных и научно-методических работ, из них 20 — учебников и монографий по старославянскому языку, теории и истории русского литературного языка, стилистике, «языку художественной литературы», теории словесности. Несколько статей опубликованы в Польше, Германии, Югославии.

Среди его работ — первый после 1917 года научно-методический и учебный комплект (программа, учебник, сборник задач и упражнений, методические рекомендации к ним) «Русская словесность», за который ему была присуждена правительственная премия. Учебник «Русская словесность: от слова к словесности» издавался девять раз.

Горшков уделял много внимания работе со студентами, аспирантами, соискателями, стажерами. Он подготовил 15 кандидатов филологических наук, из которых трое в дальнейшем при его консультативной помощи защитили и докторские диссертации.

В настоящее время, находясь на пенсии, Александр Иванович Горшков продолжает консультировать своих коллег; увлекается фотографией.

Он заслуженно имеет государственные, отраслевые и общественные награды: орден «Знак почета», орден Ломоносова, медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд», «В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» и др., почетные значки «Отличник просвещения РСФСР», «Отличник просвещения СССР», «За отличные успехи в работе высшей школы СССР», Почетную грамоту Министерства просвещения СССР, благодарности Правительства РФ и Президента РФ В. В. Путина. Занесен в книгу «Москва первопрестольная» в номинации «Политическая и культурная элита». Правительством КНР награжден медалью китайско-советской дружбы.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Лысова А. М.**
Значение антимонопольного контроля за сделками слияния и поглощения 259
- Лысова А. М.**
Терминологические проблемы правового регулирования слияния и поглощения компаний 260
- Медведева Е. С.**
Брачный договор в России 262
- Медведева Е. С.**
Имущественные правовые отношения супругов в РФ 263
- Меркуль С. Е., Шмачкова К. Т.**
Исковая давность в гражданских правоотношениях 265
- Молодавкин В. И.**
Негативные обязательства: некоторые проблемы правового регулирования 266
- Молодавкин В. И.**
Отграничение негативного обязательства от отказа от права и ограничения в правоспособности 268
- Морохова О. А., Малашенко Н. А.**
Мониторинг нарушений прав человека в уголовно-исполнительной системе 270
- Насырова Д. М., Филина А. Е.**
Проблемы назначения несовершеннолетним наказания в виде ограничения свободы 271
- Обжерина К. А.**
Некоторые проблемы определения социально ответственной семьи 273
- Осипова А. А.**
Правовое регулирование социального предпринимательства в России 274
- Помелова С. Ю.**
Правовые проблемы регулирования малого и среднего предпринимательства в России 276
- Пшеничный В. И.**
Крайняя необходимость в уголовном праве 278
- Резниченко Р. Н.**
Обеспечение права на судебную защиту гражданами своих прав и законных интересов 279
- Санджиева Ц. В.**
Современные тенденции использования процедуры медиации в суде 281
- Семлёв А. А.**
Признание и порядок исполнения решений иностранных судов в России, а также решений российских судов за рубежом 286
- Симонян А. А.**
Уголовно-правовая юрисдикция в отношении преступлений в сфере компьютерной информации 288
- Смирнова Ю. А.**
Криминологическая характеристика налоговой преступности 291
- Смирнова П. В.**
Отдельные ошибки при производстве следственных действий, оказывающие влияние на качество и полноту расследования 293
- Соболь А. Е., Сахарова Е. Г.**
Проверка показаний на месте и следственный эксперимент: проблемы разграничения 295
- Созонова О. А.**
Правовой статус государственных учреждений 297
- Степаненко О. Г., Кузнецова А. П., Минтаева В. Е.**
Органы и ткани человека — объекты гражданских прав? 299
- Степаненко О. Г., Кузнецова А. П., Минтаева В. Е.**
Наследование авторских прав 301
- Тимофеева А. В.**
Некоторые актуальные проблемы правового регулирования взаимоотношений Центрального Банка Российской Федерации с кредитными организациями 303
- Тодосейчук Д. О.**
Проблемные вопросы правоприменения статьи 145.1 УК РФ 305

Тодосейчук Д. О. Некоторые вопросы невыплаты социальных пособий по статье 145.1 УК РФ.....	307
Третьякова А. В. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве	310
Унагаев Е. И. Причинение смерти по неосторожности: теория и практика	312
Фалькова В. А. Уголовно-правовая характеристика торговли людьми	314
Федорова А. А. Актуальные проблемы определения объекта преступления в механизме уголовно-правовой охраны жизни и здоровья пациентов	315
Цаликова М. Б., Лолаев Э. Ч. Правовой статус обществ с ограниченной ответственностью по современному российскому законодательству.....	317
Цыбикова С. А. Особый порядок судебного разбирательства уголовных дел в отношении несовершеннолетних: Пекинские правила и национальное законодательство	319
Шалыгина Л. С. Уголовная ответственность и ее основание	321
Шаравара Н. О. Использование блокчейн-технологий при реализации государственной регистрации прав на недвижимое имущество	323
Шевченко С. В., Худобалян М. Р. Проблемы установления возраста уголовной ответственности.....	325
Щербакова В. Д. Понятие правосудия	327

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Значение антимонопольного контроля за сделками слияния и поглощения

Лысова Анна Михайловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Павлова Ольга Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В современных экономических условиях глобализации экономики слияния и поглощения компаний являются важными инструментами, необходимыми для развития гражданско-правового оборота. В условиях развития экономических отношений и усиления конкуренции компании стремятся искать наиболее эффективные стратегии развития и расширения своей деятельности, чтобы получить преимущества в каком-либо секторе экономики. С точки зрения экономического анализа, слияния и поглощения являются способами установления контроля над компанией и ее активами, которые могут быть осуществлены путем проведения различных операций. Таким образом, основной целью слияния и поглощения организаций является их интеграция, позволяющая обеспечивать контроль над другими компаниями [3]. Анализируя статистику последних лет, можно наблюдать рост количества сделок слияния и поглощения [4]. Несомненно, увеличение сделок по слиянию и поглощению неизбежно ведет к появлению на рынке более крупных компаний, что наряду с положительными факторами, такими как: оптимизация производственных и управленческих расходов, консолидация инвестиционных средств, может оказать и негативное влияние, ограничив конкуренцию на рынке и создав объединенной группе компаний монопольные преимущества. Таким образом, создание в результате слияния компаний крупных концернов, отвечающих признакам монополии, может создать серьезную угрозу для конкуренции как одной из фундаментальных ценностей современного демократического общества.

Однако, необходимо отметить, что наличие самого по себе доминирования на рынке не является нарушением антимонопольного законодательства. Слияния и поглощения организаций, в случае их совершения без установленного антимонопольным законодательством одобрения, само по себе также не является нарушением, но может в последующем привести к ситуации на рынке, способствующей нарушениям антимо-

нопольных требований. По своей сути контроль за совершением сделок слияния и поглощения и получение компаниями согласия на их совершение является ограничением принципа свободы договора и превентивной мерой защиты конкуренции. Совершение сделки слияния и поглощения может существенно увеличить долю участия отдельных организаций как на рынке в целом, так и в определенных секторах экономики.

Согласно законодательству России, под экономической концентрацией понимаются такие сделки и иные действия, осуществление которых влияет на состояние конкуренции [1]. Статьями 27 и 28 Федерального закона «О защите конкуренции» (Далее — ФЗ № 135-ФЗ) предусмотрен широкий перечень сделок, заключение которых требует предварительного согласия Федерального антимонопольного органа. Однако, несмотря на наличие такого широкого перечня сделок, требующих предварительного согласования, проблемы, связанные с ограничением конкуренции на рынке в результате заключения сделок слияния и поглощения, остаются актуальными по сей день. Это отчасти происходит от того, что финансовый и управленческий контроль одних участников рынка над другими не всегда сопровождается юридическим оформлением перехода права собственности на активы этих компаний, поскольку существуют и иные более завуалированные и юридически не оформляемые способы приобретения контроля над коммерческими организациями, такие как: введение аффилированного другой компанией члена совета директоров или наблюдательного совета, установление контроля над управленческим менеджментом, контроль за расходованием и движением денежных средств компании, которые выпадают из перечня ограничений, установленных ФЗ № 135-ФЗ.

Следует, однако, отметить, что не всегда слияние и поглощение компаний на рынке, создающее преимущество на рынке, является негативным фактором для экономики страны. В ряде случаев такие сделки становятся необходимыми для консоли-

дации технологических мощностей и финансовых возможностей различных компаний для решения стратегических задач экономики страны. Данная позиция нашла свое отражение в подпункте 1 части 1 статьи 13 ФЗ № 135-ФЗ. Контролируемые государственным антимонопольным органом сделки и иные действия, могут признаваться допустимыми, если имеют своим результатом технологический и экономический прогресс, способствуют повышению конкурентоспособности российских товаров на мировом рынке или ведут к получению соразмерных преимуществ покупателями.

Наряду с функцией одобрения сделок антимонопольный орган также обладает и иными инструментами, направленным на предотвращение роста экономической концентрации, такими как: выдача предписания, содержащего установленные органом определенные поведенческие требования, а также отказ в согласовании конкретной сделки. Следует отметить, что КоАП РФ [2] не содержит статьи, предусматривающей ответственность за несоблюдение процедуры одобрения сделки или

иных действий, установленных статьей 27 ФЗ № 135-ФЗ, ответственность наступает лишь в случае возникновения в результате таких сделок определенных последствий.

В настоящее время критерием вмешательства антимонопольных органов в заключение сделок слияния и поглощения компаний выступает их стоимость. Однако, необходимо проработать правовой механизм оценки воздействия таких сделок на конкурентность рынка. В настоящее время законодательство не уделяет достаточного внимания иным экономическим критериям оценки влияния сделок слияния и поглощения на конкуренцию рынка и усиление экономической концентрации крупных компаний.

Таким образом, контроль антимонопольного органа за совершением сделок слияния и поглощения, которые могут создать угрозу конкуренции в определенных секторах рынка является актуальным вопросом современной российской правоприменительной и антимонопольной деятельности, нуждается в подробном анализе, исследовании и совершенствовании.

Литература:

1. О защите конкуренции: Федеральный закон от 27.07.2006 № 135-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.
2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 18.12.2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1. Ст. 1.
3. Брагин Дмитрий Викторович. Организационно-экономические механизмы слияния и поглощения предприятий корпоративного типа в Российской Федерации: Дис... канд. экон. наук: 08.00.05 СПб. 2006.
4. Сайт КМРГ. Рынок слияний и поглощений в России в 2019 г. Февраль 2020 г. [Электронный ресурс] / URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2020/02/ru-ru-ma-survey-2019.pdf>.

Терминологические проблемы правового регулирования слияния и поглощения компаний

Лысова Анна Михайловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Павлова Ольга Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В настоящее время гражданско-правовому регулированию института слияния и поглощения компаний в российском законодательстве уделено явно недостаточно внимания. Современные экономические реалии диктуют необходимость развития нормативно-правовой базы совершения сделок слияния и поглощения, которая бы отражала понятийный аппарат и способствовала оптимизации гражданско-правового оборота. Потребность развития нормативно-правового регулирования обусловлена тем, что на современном этапе как в научной литературе, так и в действующем законодательстве не существует единого подхода к определению понятий «слияние» и «поглощение», зачастую данные термины необоснованно трактуется слишком узко.

Главная проблема, возникающая при анализе нормативно-правовых актов, связана именно с отсутствием термино-

логии на нормативном уровне, что допускает различное толкование понятий в современной правоприменительной практике. Таким образом, в современных условиях институт сделок слияния и поглощения в российском гражданском праве требует комплексного исследования, анализа опыта зарубежного нормативно-правового регулирования и поиска возможных путей решения возникающих теоретических проблем с учетом опыта их реализации в правоприменительной деятельности.

Современное гражданское законодательство России не содержит таких понятий как «слияние и поглощение» или «сделки слияния и поглощения». В общемировой практике данные термины используются в совокупности как собирательная категория. Так, в западной практике категория «слияния и поглощения» аналогична термину, пришедшему из англосаксонского права: «mergers and acquisitions» (сокращенно —

M&A) [4]. В научных работах как в области экономики, так и в сфере права большинство зарубежных и российских авторов не ограничивают использование данных терминов лишь реорганизационными процедурами, а подразумевают под ними совокупность операций по приобретению (одна организация за установленную сумму покупает акции другой организации, в результате чего новообразованная организация приобретает новое наименование), объединению (одна организация возникает путем объединения двух или более организаций) и консолидации (несколько организаций вносят активы в уставный капитал новообразованной организации, тем самым меняя акции прекращающих действие компаний на акции новообразованной компании) корпоративного контроля [12]. Таким образом, понятие «слияния и поглощения» больше представляет из себя экономическую категорию, что создает трудности в ее правовой регламентации. Экономическая сущность термина «слияния и поглощения» состоит в ее трактовке как способа установления контроля над организацией (или организациями) и активами, который может быть осуществлен, например, при помощи объединения организаций, путем приобретения компании или изменения в структуре собственности организации. Следовательно, слияния и поглощения компаний всегда предполагают собой объединение активов и управленческих функций компаний. В России в отличие от практики зарубежных стран ввиду недостаточной разработанности правового регулирования, термин «слияние» используются лишь в качестве формы реорганизации, а понятие «поглощение» не имеет юридической регламентации вовсе. Отсутствие иного определения упомянутых терминов на законодательном уровне сужает их понимание в сравнении с зарубежным опытом.

В странах англо-саксонской правовой системы термин «слияния» («mergers») по своей сути определяется как объединение компаний с соблюдением условия, что одна из них прекращает свою деятельность, «растворяется в другой компании» [14]. Таким образом, слияние может сопровождаться прекращением деятельности как одной, так и всех организаций, участвующих в процессе слияния, а также образованием новой организации. Следовательно, в зарубежной практике слияние определяется более широко как любое объединение хозяйствующих субъектов путем образования единой экономической единицы из ранее существовавших организаций (это может быть как реорганизация в форме слияния или присоединения, так и покупка или обмен акций), в то время как согласно Гражданскому кодексу РФ [1], слияние как форма реорганизации подразумевает появление нового юридического лица в качестве обязательного условия. Необходимо отметить дуалистический характер категории «слияние» в зарубежной практике, объединение организаций может происходить как путем присоединения, так и путем создания нового юридического лица.

Термин «поглощение» («acquisitions») в практике зарубежных стран определяется установлением контроля и управления одной организацией над другой путем приобретения полного либо частичного права собственности без преобразования в единую компанию [3]. Ряд российских авторов придерживается точки зрения, согласно которой установленная Граждан-

ским кодексом РФ форма реорганизации в виде присоединения по своей сути является аналогией зарубежного термина «поглощение» [13]. Однако, данная позиция недостаточно отражает сущность процесса поглощения, которая состоит именно в приобретении контроля и управления. Слияние компаний же само по себе в практике правового регулирования большинства западных стран не предполагает отношения подчиненности, поскольку после слияния организации представляют собой как в экономическом, так и в юридическом смысле единый субъект права.

Существует также точка зрения, что синонимом понятия «поглощение» в российском праве является такой термин как «приобретение» [7]. Исходя из данного понимания, аналогом понятия «поглощение» будет, к примеру, покупка контрольного пакета акций или долей компании. Такая трактовка более схожа с определением поглощения в зарубежном праве. Так, согласно праву Европейского Союза под поглощением понимается сделка на приобретение контрольного пакета акций [2]. Особенностью поглощения в англо-саксонском праве является такое понимание поглощения, при котором поглощаемая компания, хотя и остается формально юридически самостоятельной, однако, в сфере управления и менеджмента она переходит под контроль другой компании, способной навязывать поглощенной компании свою волю, определять ее стратегию развития и диктовать ей управленческие решения. Такого рода контроль в ряде случаев достигается даже без приобретения контрольного пакета акций, а путем введения своего представителя в состав совета директоров, наблюдательного совета или в исполнительный орган компании [5]. Таким образом, понятие «поглощение» в зарубежных странах имеет более широкое и экономически адекватное представление, чем понятие «присоединение» в российском праве, поскольку имеет своей целью установление компаниями контроля над определенными сферами рынка. Таким образом, в зарубежном праве термин «поглощение» является более адекватным и соответствующим экономическим реалиям современного рынка.

Нормативное и доктринальное исследование категории «слияния и поглощения компаний» в зарубежной и отечественной практике позволяет выделить несколько ее значений: как определенный вид сделок, имеющих своей целью передачу корпоративного контроля; в качестве реорганизации юридических лиц в виде слияния и присоединения; как способ установления контроля над организацией, а также ее активами.

Таким образом, терминологические проблемы правовой регламентации слияния и поглощения в российском современном праве до сих пор не находят достаточного отражения и решения, что способствует неблагоприятному климату для развития и функционирования корпоративных отношений. Институт поглощения и слияния в российском праве остро нуждается в дальнейшем совершенствовании и тщательной проработке. Для решения данных проблем, несомненно, необходимо обратить пристальное внимание на опыт правовой регламентации зарубежных стран, особенно стран англо-саксонской системы права, поскольку они имеют наиболее совершенную и развитую на сегодняшний день правовую регламентацию корпоративных правоотношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 28.04.2020) [Электронный ресурс] / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. (дата обращения: 01.05.2020).
2. Directive 2004/25/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on takeover bids. [Электронный ресурс] / URL: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32004L0025:EN:HTML>. (дата обращения: 02.05.2020).
3. John Usher. Plender's Cases & Materials on the Law of European Communities. Butterworths, 1993. P. 711.
4. Бегаева А. А. Корпоративные слияния и поглощения: проблемы и перспективы правового регулирования / отв. ред. Н. И. Михайлов. — М.: Инфотропик Медиа. 2010.
5. Гомцян С. В. Правила поглощения акционерных обществ: Сравнительно-правовой анализ: Монография. М.: Волтерс Клувер. 2010.
6. Гохан П. А. Слияния, поглощения и реструктуризация компаний. — М.: Альпина Бизнес Бук. 2015.;
7. Зиганшин Р. З. Усиление процессов концентрации собственности в форме слияний и поглощений корпоративных структур // Интеллект-2005: Сборник научных трудов. — Тюмень, 2005.
8. Корпоративный контроль: экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями [Текст] / О. В. Осипенко. — М.: Статут. 2013.
9. Ли Юн Ган. Слияния и приобретения предприятий. — М.: МАКС Пресс, 2003.
10. Продажа или приобретение бизнеса: правовое сопровождение сделки: монография / С. Ю. Филиппова, И. С. Шиткина. — М.: Статут. 2019.
11. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. I: Введение. Торговые деятели. — М., 2003.
12. Слияния и поглощения компаний: характеристика современной волны. / И. Г. Владимирова // Менеджмент в России и за рубежом. № 1. 2012. С. 26–41.
13. Слияния и поглощения акционерных обществ по праву ЕС и России: процедурные вопросы / Г. Калашников, Т. Шарипов // Слияния и поглощения. 2005. № 2 (24).
14. Рид С. Ф. Искусство слияний и поглощений: учебник. М.: Альпина Паблишер, 2011.

Брачный договор в России

Медведева Елена Сергеевна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

В данной статье рассматриваются и освещаются условия заключения брачного договора, актуальность и популярность данного документа в нашей стране, как способ регулирования имущественных отношений супругов.

Ключевые слова: брак, супруги, брачный договор, правовое регулирование имущественных отношений, совместная собственность, расторжение брачного союза.

Согласно статистическим данным, за последние годы, несуклонно снижается численность официально зарегистрированных браков, очень часто это связано с тем, что люди не хотят брать на себя излишнюю ответственность как имущественную, так и правовую, ну, а если задуматься о трудностях возникающих при расторжении брачного союза, то и вовсе поход в ЗАГС окажется не желательным. Вот именно поэтому, на просторах России всё большую популярность набирает брачный договор, как эффективный способ оградить себя от лишних проблем и обезопасить своё имущество в случае бракоразводного процесса. Ежегодно на протяжении последних трех лет граждане страны заключают около 100 тысяч брачных контрактов. Только в Москве, в 2019 году, по данным столичных нотариусов, такие соглашения оформили примерно 14 тысяч пар.

Также достаточно распространены брачные договоры среди жителей г. Санкт-Петербурга, Московской области, г. Екатеринбурга, Краснодарского края и республики Татарстан.

А теперь давайте более подробно остановимся на том, что и как регулирует брачный договор, для этого обратимся к ст. 40–44, главы 8 Семейного кодекса РФ.

В ст. 40 СК РФ дано определение: «Брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения». [2]

Субъектами брачного контракта являются люди только вступающие в брачные отношения, либо супруги состоящие в браке, немалое количество лет с солидным имущественным состоянием. Как правило, инициатором заключения подобного договора, в первом случае, является более обеспеченная, в материальном плане, сторона, стремящаяся обезопасить своё имущество от раздела, в случае расторжения брака.

Брачный договор можно заключить как на предмет уже имеющегося имущества, так и на то, что пара планирует приобрести в будущем.

Согласно семейному кодексу РФ всё имущество, нажитое в браке, является совместным: недвижимое и движимое имущество, доходы, вклады, драгоценности, выплаты и т.д. Вне зависимости, на кого оно записано, и на чьи деньги приобреталось. А. М. Нечаева обращает внимание, «что продолжительность брачных отношений супругов обычно сказывается на содержании брачного договора.

Если он заключен до регистрации брака либо вскоре после его оформления, то объем существующих имущественных прав и обязанностей супругов, как правило, невелик. Все устремления сторон чаще всего направлены на будущее. Вот именно эти моменты с помощью брачного договора и можно урегулировать». [4]

Данный документ имеет строго письменную форму и в обязательном порядке подлежит нотариальному заверению, а также государственной регистрации, если в договоре оговариваются права не только на движимое, но и на недвижимое имущество (квартира, дача, земельный участок). Составляется в трёх экземплярах брачного договора, в каждом из которых свою подпись ставят супруги, после заверения нотариус один экземпляр оставляет у себя, а два других хранятся у супругов.

Действие брачного договора длится на протяжении всего брака. Расторжение договора в одностороннем порядке невозможно, более того отказ одной стороны от исполнения описанных в брачном договоре обязательств — это повод для обращения другой из сторон в суд.

Какие ещё условия учитываются при составлении брачного договора, например:

- режим собственности (совместная, долевая или раздельная);
- распоряжение общим имуществом пары (например, использование какого-либо вида имущества одним супругом возможно только с письменного согласия другого);
- права и обязанности мужа и жены по взаимному содержанию (в период брака и в случае его расторжения);

Литература:

1. сайт Федеральной нотариальной палаты: <https://notariat.ru/ru-ru/news/brachnyj-dogovor-nadez..>
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020).
3. Антокольская М. В. Указ. Соч. С. 166; Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2002. С. 27 Пчелинцева Л. М. Семейное право России: Учебник для вузов. М.: Норма — Инфра — М, 1999, с. 203.
4. Нечаева А. М. Семейное право: курс лекций/ А. М. Нечаева. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Юрист, 2002. — 336 с

– порядок несения семейных расходов (например, расходы делят пополам или один участвует в общих расходах частично и т.д.). [2]

Согласно п. 3 ст. 42 СК РФ есть перечень условий, которые недопустимо использовать при составлении брачного договора:

- брачный договор не может ограничивать правоспособность и дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав;
- регулировать личные неимущественные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей;
- предусматривать положения, ограничивающие право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания;
- содержать другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства. В СК РФ не уточнено, что понимается под крайне неблагоприятным положением, поэтому данный вопрос решается на усмотрения суда. [2]

Как видно из вышесказанного в России брачный договор регулирует только материальную сторону отношений. Никаких «компенсаций в случае измены» в нашем законодательстве нет, в отличие от зарубежных стран.

В настоящее время в юридической науке нет единого мнения относительно гражданско-правовой природы брачного договора. Большинство правоведов считает брачный договор полноценной гражданско-правовой сделкой и как следствие этого полноценным гражданско-правовым договором. [3] Изучением данной темы занимались: Антокольская М. В., И. Г. Бельцер И. Г., Игнатенко А. А., Левушкин А. Н., Стрельникова Г. К., Толстикова и другие.

Семейный кодекс РФ регламентировал целый ряд принципиально значимых положений, относящихся к имущественным правам и обязанностям супругов.

Имущественные правовые отношения супругов в РФ

Медведева Елена Сергеевна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

В данной статье рассмотрены имущественные правоотношения, возникающие между супругами, регулируемые общими положениями семейного и гражданского законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: брак, семья, права и обязанности супругов, правовое регулирование имущественных отношений, неимущественные отношения, семейное право.

В качестве изначального пункта хотелось бы отметить, что в российском законодательстве нет чёткого определения некоторых понятий, рассмотренных в научной статье. Так, например «Брак — это союз мужчины и женщины, основанный на добровольном согласии, зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния, направленный на создание семьи и порождающий взаимные личные неимущественные и имущественные права и обязанности». [1]

К личным (неимущественным) отношениям, которые регулируются законодательством в малой степени, относятся: отношения супругов в обыденной жизни, взаимоотношения родителей и детей, их взгляды на методы воспитания и т.д.

Но более глубоко и всесторонне, будут рассмотрены различные аспекты имущественных отношений, возникающих между супругами в процессе совместного проживания, ведения общего хозяйства и т.д., которые в достаточной степени регулируются общими положениями статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 256 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Следует отметить, что нормы Семейного кодекса РФ в достаточной полной степени дополняют и уточняют положения гражданского законодательства, касаемо имущественных отношений супругов.

Так, например, в ГК РФ понятие «имущество» в первую очередь, является объектом гражданского права, а вот уже в ст. 34 СК РФ уточняется, по каким критериям разделяется личное имущество мужа и жены, от их общего, а также имеется перечень того, что относится к общему имуществу супругов.

Имущественные правоотношения супругов — это имущественные права и обязанности. В свою очередь имущественные права подразделяются на:

- 1) вещные (например, право супругов совместно владеть и пользоваться купленным в браке телевизором);
- 2) обязательственные (ответственность супругов по обязательствам перед третьими лицами);
- 3) исключительные (право на интеллектуальную собственность, например, результаты литературной деятельности, произведения науки и искусства, программные продукты для электроники).

По мнению некоторых ученых, нужно отличать определения «имущество супругов» и «право собственности супругов», поскольку «имущество» включает в себя не только вещные права, но и обязательственные права и обязанности.

Поскольку, в настоящее время, в России процветает рыночный тип экономической системы, для которого характерно свободное предпринимательство, преобладание частной собственности, соответственно, это не могло не повлиять и на состав имущества супругов. Согласно гражданскому и семейному законодательству в состав имущества супругов, выступающее в качестве объекта имущественных правоотношений входят:

а) недвижимое имущество (земельные участки, участки недр, воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, подлежащие государственной регистрации, жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений и т.д.)

б) движимое имущество (вещи, не относящиеся к недвижимости, а также наличные и безналичные денежные средства, документарные и бездокументарные ценные бумаги и т.д.);

в) имущественные права (право на получение выплат, компенсаций);

г) долги (по ипотечному кредитованию, по кредитному займу и т.д.).

Согласно п. 2 ст. 34 СК РФ к имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства. [2]

Опираясь на труды правоведов, исследовавших данную тему, можно сказать, что этот перечень не полный, что ведёт в правоприменительной сфере к сложностям и конфликтам. Следовательно, споры между супругами относительно распоряжения объектами, входящими в состав общей совместной собственности, должны разрешаться судом.

Например, пробел в области правового регулирования имущественных интересов супругов, является раздел предметов роскоши. Для одних автомобиль является предметом роскоши, а для других всего лишь средством передвижения. Поэтому определить, что для данной семьи является роскошью, довольно сложно, да и роскошь понятие относительное.

Таким образом, хотелось бы подчеркнуть следующее, что на данный момент в российском законодательстве имеет место быть два механизма правового регулирования имущественных отношений супругов:

- 1) законный;
- 2) договорный. (ст. 40–44 СК РФ)

и если супруги не заключили брачный договор, их имущественные правовые отношения регулируются законом на общих основаниях.

Литература:

1. Лищук В. В., Рузакова О. А., Рукавишников С. М.. Основы права/ Московская финансово — промышленная академия.— М.,2004.— 370 с..2004
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020).
4. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2002. 298 с.
5. Пчелинцева Л. М. Семейное право России: Учебник для вузов. М., Издательская группа НОРМА-ИНФРА*М, 1999. 672 с.

Исковая давность в гражданских правоотношениях

Меркуль Софья Евгеньевна, студент;
Шмачкова Ксения Тимофеевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: *исковая давность, гражданский кодекс, срок, истечение срока давности, правоотношения, суд.*

Положительный исход в защите нарушенных прав и законных интересов граждан очень часто зависит от правильного применения и внимательного рассмотрения сроков исковой давности, поэтому актуальность исследования данной тематики будет всегда. Одним из первых пунктов в работе любого юриста является проверка сроков давности в конкретном случае, чтобы верно оценить перспективность востребования обязательства или защиты нарушенных интересов гражданина.

Понятию исковой давности посвящена целая глава Гражданского кодекса, что говорит о важности данного института в гражданском обороте. Согласно ст. 195 ГК РФ исковая давность — это срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Необходимость появления данного института обусловлена ограничением влияния участников гражданских правоотношений друг на друга. Исковая давность обеспечивает нормальный и своевременный порядок современных гражданских отношений и поддерживает их стабильность за счет определенных правил, установленных законом.

Назначение исковой давности — предоставить потерпевшему строго определенный, но вполне достаточный срок для защиты его права [2]

По общему правилу исковая давность составляет три года с момента, когда стал известен или должен был стать известным факт о нарушении права. Но из общего правила есть ряд исключений, которые и вызывают трудности у правоприменителей. Последние изменения 12 главы ГК внесли уточнение, что срок исковой давности не может превышать 10 лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен. Раньше такого ограничения срока ст. 196 ГК РФ не предусматривала.

Поскольку срок исковой давности может быть только увеличен сторонами договора, а не уменьшен, в каждом отдельном случае судам приходится внимательно рассчитывать возможность применения доказательств, установленных сроком давности, поэтому необходимо понимать, когда срок начался. В Гражданском кодексе статьей 191 установлено, что течение

срока начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено его начало.

Например, договором поставки обозначен срок доставки мебели не позднее 1 июня, таким образом со 2 июня в случае неисполнения обязательства кредитором, в данном случае поставщиком, начнет течение срок исковой давности. Или сторонами в договоре может быть указано, что оплата поставленного товара должна быть произведена не позднее 2 рабочих дней с момента поступления товара получателю, допустим до 3 июня. При отсутствии оплаты на счет поставщика 5 июня, он вправе предъявить к получателю требование об исполнении обязательства, а также обратиться в суд. Тогда уже суд будет рассматривать возможность использования срока исковой давности как доказательство неисполнения требования кредитора.

В теории гражданского права выделяют обязательства с неопределенным сроком исполнения, когда стороны не договариваются о том, в какой временной промежуток будет исполнено требование и применяется общий срок по ст. 314 ГК, и второй вид с определенным сроком, который указывается в договоре. В последнем случае срок течения исковой давности начнется с момента окончания определенного срока исполнения обязательства. Только с этого момента сторона в правоотношениях может ссылаться на исковую давность.

Тогда как по обязательствам с неопределенным сроком исполнения или, когда срок определен до востребования, исковая давность будет считаться начатой со дня, когда кредитор предъявит требование к должнику об исполнении обязательства. Должнику также предоставляется срок, в течение которого он исполняет требование кредитора, его окончание означает начало срока исковой давности.

Гражданский кодекс в ст. 202 также предусматривает приостановление течения срока исковой давности. Диспозиция данной нормы устанавливает условия, при которых это возможно:

– непреодолимая сила, чрезвычайные ситуации, если они возникли и существовали в последние полгода срока исковой

давности, а если срок равен 6 месяцам или меньше полугодя, тогда приостановить можно в течение срока исковой давности;

- если истец или ответчик находится в составе Вооруженных Сил Российской Федерации, переведенных на военное положение;
- если установлен мораторий Правительством РФ на исполнения обязательств;
- в силу приостановления действия закона или иного правового акта, регулирующих соответствующее отношение;
- если стороны разрешают спор во внесудебном порядке (процедура медиации, посредничество, административная процедура), тогда течение срока исковой давности приостанавливается на срок, установленный законом для проведения такой процедуры, а при отсутствии такого срока — на полгода со дня начала соответствующей процедуры.

Не менее важный момент для квалифицированного юриста это ч. 4. ст. 202 ГК РФ. В ней говорится о возвращении до полугодя или полного срока исковой давности, если любое из вышеперечисленных обстоятельств прекратилось. Таким образом возвращается возможность защиты нарушенного права и законных интересов или взыскания требования, ссылаясь на исковую давность.

В случае, когда сторона решила обратиться в суд с иском, суд в данном случае обязан принять и рассмотреть заявления независимо от истечения срока. Более того, вопрос об исковой давности рассматривается судом только по заявлению стороны со-

гласно ч. 2 ст. 199 ГК РФ. Поэтому любая из сторон — истец или ответчик может заявить об истечении срока давности и невозможности исполнения обязательства.

Важным моментом в исследовании данной темы нам представляется то, что суду необходимо определить, является ли причина пропуска срока исковой давности уважительной, так как в законе не содержатся основания для признания причины таковой. Возможно потому, что законодатель учитывал, что судебную власть будет осуществлять квалифицированный судья, который обязан объективно оценить все обстоятельства на предмет уважительности.

Исходя из практики можно сделать вывод о трудностях, с которыми сталкиваются суды при определении срока исковой давности. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» также не может учесть всевозможные случаи, поэтому часто судьи по одному и тому же делу не могут прийти к единому мнению о возможности применения исковой давности.

Делая вывод из вышесказанного, можно подчеркнуть важность применения института исковой давности для гражданского оборота. Он обеспечивает справедливость, ограниченность правоотношений сторон, поскольку истец должен вовремя предъявить иск о нарушении своего права, а ответчик может сослаться на истекший срок предъявления иска.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // СПС «Консультант плюс» — Текст: электронный // [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/afdd3ceb216c7598c9cf49ac07f75fdf4f489d6a/#dst514 (дата обращения: 04.06.2020).
2. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / — Текст: электронный // [сайт]. — URL: <http://be5.biz/pravo/g031/12.html#2> (дата обращения: 04.06.2020).
3. Петрова, М. О. Течение срока исковой давности при защите нарушенного права в судебном порядке: влияние изменений на регулирование / М. О. Петрова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 18 (122). — С. 361–367. — URL: <https://moluch.ru/archive/122/33808/> (дата обращения: 04.06.2020).

Негативные обязательства: некоторые проблемы правового регулирования

Молодавкин Владислав Игоревич, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В 2015 году ст. 393 ГК РФ была дополнена пунктом шесть, легализовавшим понятие негативного обязательства и установившим ответственность за его нарушение. Хотя вышеназванные изменения и были внесены в ГК РФ более чем 5 лет назад, негативные обязательства применяются в обороте не так часто, как могли бы. Нам видится, что причина этого кроется в несовершенстве механизма правового регулирования данного вида обязательств в действующем законодательстве. На-

стоящая работа ставит своей целью обозначить и раскрыть некоторые из подобных проблем.

1) И дореволюционные, и современные цивилисты отмечают, что далеко не все нормы обязательственного права распространяются на негативные обязательства [1, С. 19–20; 2, С. 18]. Представляется, что к негативным обязательствам неприменимы нормы о: просрочке исполнения, досрочном исполнении, переводе долга, исполнении третьим лицом и т.д.

Трудно себе представить вариант ненадлежащего исполнения негативного обязательства (нельзя не разгласить информацию, не совершить сделку, но сделать это как-то не так).

Тем не менее ГК РФ не содержит каких-либо правовых норм, которые говорили бы об особом характере негативных обязательств и неприменении к ним некоторых общих положений об обязательствах и договорах. Неопределённость в вопросе о том, какие положения гражданского законодательства распространяются на негативные обязательства, нарушает принцип правовой определённости регулирования правоотношений, ведёт к меньшей стабильности гражданского оборота, сторонам тяжелее спрогнозировать все риски при принятии на себя негативных обязательств.

2) В правовом регулировании негативных обязательств наблюдается не только неопределённость, но и пробельность.

В качестве примера здесь можно привести отсутствие в ГК РФ специальной нормы о начале течения срока исковой давности по негативным обязательствам с определённым сроком исполнения.

Действующая редакция ГК РФ гласит, что по обязательствам с определённым сроком исполнения течение срока исковой давности начинается по окончании срока исполнения (п. 2 ст. 200 ГК РФ).

В случае с негативным обязательством эта норма ставит должника в невыгодное положение, поскольку необоснованно растягивает срок исковой давности. Предположим, что стороны заключили договор, в силу которого должник принял на себя обязанность не разглашать определённую информацию в течение 5 лет с момента заключения договора, однако разглашение информации произошло в первый же год действия договора. Применяя п. 2 ст. 200 ГК РФ в действующей редакции, кредитор сможет предъявить свои требования почти спустя 8 лет со дня нарушения обязательства (5 лет — срок исполнения обязательства и 3 года — срок исковой давности). Кроме того, кредитор сможет взыскать неустойку за 8 лет. В результате размер неустойки может существенно превысить размер предоставления, которое должник получил по негативному обязательству.

В ГГУ данный вопрос решён, для негативных обязательств установлена специальная норма об исчислении срока исковой давности. Исковая давность начинает течь по окончании года, в котором кредитору стало известно о совершении должником действия, от которого он должен был воздержаться (пар. 199 ГГУ).

3) Отсутствие в законодательстве и судебной практике чётких критериев правомерности условий негативного обязательства. Включая в договор условие о негативном обязательстве, стороны принимают на себя риск признания такого условия недействительным в судебном порядке [3, С. 133–134].

Так, многие суды признают недействительным условие об эксклюзивности в тех договорах, где применение эксклюзивности прямо не предусмотрено ГК РФ [4]. Во многом это связано с тем, что суды не видят разницы между негативным обязательством, отказом от права и ограничением правоспособности.

За последние годы ситуация начала улучшаться. В некоторых сферах деятельности ГК РФ напрямую закрепил воз-

можность использования негативных обязательств (корпоративный договор, уступка права на получение неденежного исполнения), в других сферах включение в договор негативных обязательств укоренилось в деловом обороте, например в виде оговорок в кредитных отношениях [5, С. 12–15].

Тем не менее вероятность признания негативного обязательства недействительным велика. В таких условиях стороны дважды подумают, прежде чем включить в договор условие о негативном обязательстве.

4) Неопределённость в вопросе о том, можно ли признать недействительной сделку должника, если запрет на её совершение был установлен негативным обязательством.

В случае нарушения должником условий негативного обязательства п. 6 ст. 393 ГК РФ наделяет кредитора правом на взыскание убытков и предъявление иска о пресечении соответствующего действия, если это не противоречит существу обязательства. Также ГК РФ предусматривает, что требование о пресечении действий должника может быть предъявлено кредитором и в случае возникновения реальной угрозы нарушения обязательства (п. 6 ст. 393 ГК).

Однако негативное обязательство может также устанавливать запрет на совершение определённых сделок. В этой связи важным представляется ответ на следующий вопрос: может ли кредитор по негативному обязательству обратиться в суд с иском о признании недействительной сделки должника, если совершение этой сделки было запрещено негативным обязательством.

Если речь идёт об односторонней сделке должника, то ответ на поставленный вопрос более-менее очевиден. Такие сделки необходимо признавать недействительными. Интересы третьих лиц в таком случае, как правило, не нарушаются, а признание сделки недействительной является, с одной стороны, способом защиты прав кредитора и, с другой стороны, мерой понуждения должника к договорной дисциплине. Так, в одном из дел суд признал недействительным выход участника из общества, поскольку это противоречило условиям корпоративного договора [6].

Когда речь заходит о сделках должника с третьим лицом, то здесь возникают дискуссии. Некоторые цивилисты полагают, что нельзя признавать недействительной сделку должника с третьим лицом, т.к. в таком случае права кредитора по негативному обязательству приобретают абсолютный характер защиты, что противоречит природе обязательственного права. Кроме того, в случае признания сделки недействительной страдает третье лицо, которое не было связано условиями негативного обязательства [4].

Другие авторы считают, что сделки должника с третьим лицом необходимо признавать недействительными только в том случае, если третье лицо являлось недобросовестным, т.е. знало о существовании негативного обязательства, но несмотря на это заключило сделку с должником по негативному обязательству [7, С. 643–644]. Такой подход представляется более верным.

Во-первых, общие положения ГК РФ гласят, что при осуществлении гражданских прав участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, никто не вправе

извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 3 и п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Заклячая сделку, недобросовестное третье лицо не просто игнорирует интересы кредитора по негативному обязательству, но и действует в противоречии с этими интересами. Такие действия однозначно нельзя признать добросовестными.

Во-вторых, защита прав кредитора по негативному обязательству не носит абсолютного характера, т.к. о существовании негативного обязательства не могут и не должны знать все третьи лица. Недействительной может быть признана сделка только с недобросовестным третьим лицом.

В-третьих, признание недействительной сделки направлено прежде всего на восстановление прав кредитора по негативному обязательству и понуждение должника к договорной дисциплине. Неблагоприятные последствия, которые возникают у третьего лица в результате признания сделки недействительной, не являются самоцелью признания сделки недействительной. К тому же неблагоприятные последствия у третьего

лица возникнут обоснованно, поскольку третье лицо действовало заведомо недобросовестно, т.е. злоупотребило правом (п. 1 ст. 10 ГК РФ). Если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков (п. 4 ст. 10 ГК РФ).

В-четвёртых, в ГК РФ уже существуют нормы, которые напрямую позволяют признавать недействительными сделки, нарушающие условия негативного обязательства, если третье лицо является недобросовестным (п. 6 ст. 67.2 ГК РФ и п. 4 ст. 388 ГК РФ).

В настоящей работе мы обозначили лишь некоторые проблемы, которые встречаются при применении негативных обязательств на практике. Эти проблемы препятствуют массовому распространению негативных обязательств в договорных отношениях. Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что в настоящее время требуется более детальная регламентация этого вида обязательств в законодательстве и судебное толкование по дискуссионным вопросам.

Литература:

1. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов.— М.: М-Логос, 2017.— 1120 с.
2. Трепицын И. Н. Гражданское право. Часть II: Обязательственное право. Семейственное право и Наследственное право: Записки по лекциям проф. И. Н. Трепицына.— Варшава: Издание студентов юридического факультета Варшавского Университета, 1914.— 291, 36 с.
3. Бойко Т. С. Отказ от права и воздержание от осуществления права: российский и англо-американский подходы // Закон.— 2012.— №3. С. 133–145.
4. Дудин И. Д. Контрагент запрещает заключать аналогичные договоры с третьими лицами. Когда такой запрет соответствует закону // URL: <https://www.arbitr-praktika.ru/article/240-red-kontragent-zapreshchaet-zaklyuchat-analogichnye-dogovory-s-tretimi-litsami-kogda-takoy> (дата обращения: 03.06.2020).
5. Буркова А. Ю. Негативные обязательства в кредитных договорах // Банковское право.— 2016.— №2.— С. 12–15.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.02.2019 N Ф07-16409/2018 по делу N А05-5167/2018. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».
7. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов.— М.: М-Логос, 2018.— 1264 с.

Отграничение негативного обязательства от отказа от права и ограничения в правоспособности

Молодавкин Владислав Игоревич, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Негативные (отрицательные) обязательства издревле известны гражданскому праву. В римском частном праве они были представлены в виде обязательств «*non facere*» [1]. При рецепции римского права данная разновидность обязательств была воспринята немецкой (пар. 241 ГГУ), французской (ст. 1101 ГК Франции) и иными правовыми системами.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) гласит, что обязательство может выражаться не только

в совершении активных действий, но и в воздержании от их совершения (п. 1 ст. 307 ГК РФ). Тем не менее ряд отечественных цивилистов долгое время подвергал критике идею о существовании чисто негативных обязательств [2, С. 144–147]. Точка в дискуссии была поставлена в 2015 году, когда ст. 393 ГК РФ была дополнена пунктом шесть, который легализовал понятие негативного обязательства и установил ответственность за его нарушение.

Легализация термина не ответила на все вопросы, которые могут возникнуть при изучении негативных обязательств и их применении на практике. Данная работа ставит своей целью рассмотреть проблематику отграничения негативного обязательства от схожих, на первый взгляд, правовых институтов.

Для эффективного функционирования любого правового института необходимо чётко понимать его правовую природу и отграничивать от других правовых институтов, имеющих собственную специфику правового регулирования. Негативные обязательства зачастую отождествляют с отказом от права или ограничением правоспособности [3, С. 133–145], что на практике выливается в признание сделок с условием о негативном обязательстве недействительными [4].

По мнению А.Г. Карапетова: «Негативное обязательство следует отличать от отказа от права или ограничения правоспособности» [5, С. 20]. О необходимости разграничения негативных обязательств и ограничения в правоспособности говорит и В.А. Хохлов [6, С. 21]. Мы склонны согласиться с данным подходом.

Отказ от права предполагает, что отказавшееся от права лицо лишается возможности реализовать это право в дальнейшем. Так, отказавшийся собственник лишается права с момента приобретения права собственности на имущество другим лицом (ст. 236 ГК РФ), отказ бенефициара от своих прав по независимой гарантии прекращает обязательство гаранта перед бенефициаром (пп. 3 п. 1 ст. 378 ГК РФ), отказ от наследства не может быть впоследствии изменен или взят обратно (п. 3 ст. 1157 ГК РФ).

Негативное обязательство, в отличие от отказа от права, не лишает должника возможности совершать те или иные действия (реализовывать право), оно устанавливает неблагоприятные последствия за их совершение, т.е. накладывает некоторые ограничения (обременения) на реализацию права [3, С. 136].

Такой же позиции придерживался и законодатель, поскольку негативные обязательства по договору агентирования и договору коммерческой концессии названы в ГК РФ именно в качестве ограничения прав сторон по договору, а не в качестве отказа от права (ст. 1007 ГК РФ и ст. 1033 ГК РФ соответственно).

Однако с введением в ч. 1 ГК РФ положений о корпоративном договоре произошла терминологическая путаница. В п. 1 ст. 67.2 ГК РФ законодатель ставит знак «равно» между воздержанием от права (т.е. негативным обязательством) и отказом от права, следовательно, признаёт негативное обязательство и отказ от права тождественными. Такой подход не представляется верным, учитывая вышеприведённые аргументы.

Отграничение отказа от права от негативных обязательств важно и в практическом аспекте. Если лицо распорядилось правом, от которого оно ранее отказалось, то сделка по распоряжению таким правом должна быть признана недействительной в любом случае (*nemo ad alium plus juris transferre potest, quam ipse habet*). Если же лицо распорядилось правом в нарушение условий негативного обязательства, то сделка по распоряжению правом может быть признана недействительной только в том случае, если контрагент должника по негативному обязательству знал или должен был знать об ограничениях, предусмотренных негативным обязательством (абз. 3 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ).

Таким образом, главное различие между отказом от права и негативным обязательством видится в том, что отказ от права носит окончательный характер. Если бы действующее законодательство позволяло бы отменить отказ от права, то это внесло бы значительную нестабильность в гражданский оборот. Негативное же обязательство имеет, как правило, определённые сроки своего существования. Оно, как и любое другое обязательство, может быть прекращено, изменено.

При отождествлении негативных обязательств с ограничением правоспособности происходит подмена понятий. Лицо, ограниченное в правоспособности, в принципе не имеет права на совершение тех или иных действий. Тот, кто не имеет права на совершение действия, не может взять на себя обязательство по воздержанию от этого права. Должник по негативному обязательству имеет право на совершение тех или иных действий, но осознанно ограничивает себя в реализации этого права, как правило, получая встречное предоставление [3, С. 136].

В негативных обязательствах ограничение права возникает в отношениях между кредитором и должником, по своей природе оно является относительным [5, С. 20]. Ограничение правоспособности возникает на основании закона (п. 1 ст. 22 ГК РФ). Это придаёт ему абсолютный характер. Заключение сделки с ограниченным в правоспособности лицом будет являться сделкой с пороком в субъекте и повлечёт недействительность такой сделки. Заключение сделки с должником по негативному обязательству не должно влечь негативных последствий для добросовестного третьего лица.

Таким образом, на основании сравнительного метода негативные обязательства были отграничены от отказа от права и ограничения правоспособности. Данное отграничение имеет теоретическое и практическое значение, поскольку смешение негативных обязательств со сходными правовыми институтами ведёт к признанию недействительными сделок с условием о негативном обязательстве.

Литература:

1. Dig. 45.1.75.7. Ulpianus 22 ad ed. // URL: <http://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest45.shtml> (дата обращения: 03.06.2020).
2. Грачев В. В. К понятию обязательства // Закон. — 2015. — №6. — С. 141–150.
3. Бойко Т. С. Отказ от права и воздержание от осуществления права: российский и англо-американский подходы // Закон. — 2012. — №3. С. 133–145.
4. Дудин И. Д. Контрагент запрещает заключать аналогичные договоры с третьими лицами. Когда такой запрет соответствует закону // URL: <https://www.arbitr-praktika.ru/article/240-red-kontragent-zapreshchaet-zaklyuchat-analogichnye-dogovory-s-tretimi-litsami-kogda-takoy> (дата обращения: 03.06.2020).

5. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. — М.: М-Логос, 2017. — 1120 с.
6. Общие положения об обязательствах: Учебное пособие / Хохлов В. А. — М.: Статут, 2015. — 288 с.

Мониторинг нарушений прав человека в уголовно-исполнительной системе

Морохова Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент;
Малашенко Никита Александрович, курсант
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В статье анализируются вопросы соблюдения прав человека в современном мире как одном из показателей цивилизованного мира и вопросы отечественных и международных механизмов соблюдения прав человека в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, права человека, нарушения прав человека, международные организации по защите прав человека.

Каждый из нас ежедневно сталкивается с вопросами прав человека, но мы не часто задумываемся о том, насколько важен этот вопрос для сохранения и поддержания цивилизованного мира. Особенно актуальна тема прав человека в уголовно-исполнительной системе. Возможно ли соблюдение прав человека в местах лишения свободы? В настоящее время все больше набирают обороты сообщения о нарушении и злоупотреблении правами человека.

Вопросы изучения российских и международных механизмов соблюдения прав человека широко изучаются в научной литературе (Азаров А., Глухова Л. И., Ройтер В., Рукавишников Т. А., Хван Г. С., Хюфнер К. и др.). Изучением прав человека занимаются такие международные организации как «Организация Объединённых Наций», «ЮНЕСКО» (организация выступающая за свободу выражения), «Международная Организация Труда» (организация выступающая против рабства).

«Всю историю развития института прав человека можно рассматривать как путь постепенного признания всеми народами достоинства и ценности человеческой личности» [1]. Правозащитники сообщают о том, что и спустя 60 лет после принятия Всеобщей декларации прав человека она остается идеальной мечтой, а не реальностью. Мониторинг нарушений прав человека в мире связан с лишением права людей на жизнь во время вооруженных конфликтов, рабством, соблюдением прав беженцев и мигрантов, свободой выражения мнений и мирных собраний и др.

В основной массе сообщается о различных притеснениях женщин и детей, во многих странах пресса подвержена строгой цензуре, а инакомыслящих заставляют замолчать, нарушая тем самым «право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность».

Международные законы ограничивают, сокращают нарушения прав человека, но только одних законов недостаточно для обеспечения адекватной защиты прав человека, о чем, к сожалению, свидетельствуют сведения о нарушении прав людей, совершаемых ежедневно. Но с данной проблемой пытаются совладать организации по правам человека. Более чем в 90 странах

есть Национальные организации по защите прав человека, направленные на защиту прав людей.

Во всем мире распространено мнение, что правами людей злоупотребляют в большинстве своем в странах с диктаторским, и с теократическим режимом, и считается, что в странах с демократическим режимом данная проблема стоит менее остро потому, что свобода слова и свобода печати открыто показывают незащищенность всей системы.

Тем не менее, нарушения прав человека регистрируются и в странах с демократическим режимом. Например, ежедневная британская газета The Independent вынесла на первую полосу материал об очередном кризисе в рядах полиции, связанном на этот раз с обвинениями в расизме. Лондонская полиция обнародовала детали новых дел, заведенных в отношении 20 офицеров, которые обвиняются в преследованиях, носивших расистский характер, запугивании и насилии. Как отмечает газета, руководство полиции стремится избежать повторения событий более чем десятилетней давности, когда ее заклеймили как организацию, страдающую «институциональным расизмом». В независимую комиссию по жалобам в адрес полиции передано в общей сложности 10 дел. По всему миру тысячи человек оказались в тюрьмах за выражение своих убеждений. Попытки и лишение свободы, нередко без судебного разбирательства, распространены во всем мире. Хотя за последние 60 лет наблюдается тенденция сокращения нарушений прав человека, но данная проблема все еще бич нашего общества.

Вопросам исследования законности и соблюдения прав человека в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы России посвящены научные работы Н. С. Артемьева, А. В. Кубасова, Н. В. Папичева, А. М. Розувана, А. В. Семено и др. Мониторингом прав человека в уголовно-исполнительных системах разных стран занимаются такие международные неправительственные организации как «Amnesty International (Международная Амнистия)» и «Penal Reform International (Международная тюремная реформа)».

Нарушения прав человека в уголовно-исполнительных системах происходят практически во всех уголках мира. На-

пример, согласно отчетам правозащитных организаций за 2016 год, людей подвергают пыткам или жестокому обращению по крайней мере в 81 стране; подвергают несправедливым судебным преследованиям по крайней мере в 54 странах; ограничивают их свободу самовыражения по крайней мере в 77 странах [2].

Согласно отчету «Penal Reform International» мониторинг прав осужденных включает вопросы безопасности осужденных, использование против них силы, изучение случаев жестокого обращения, смерти и нанесения увечий в исправительных учреждениях и др. Однако отечественные исследователи поднимают вопрос не только о соблюдении прав осужденных, но и о соблюдении прав сотрудников [3].

Согласно международным нормам со всеми все лицами, лишенными свободы, необходимо обращаться с присущим достоинством и уважением к человеческой личности. Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. Пытки определяются в международных документах как любое действие, посредством которого преднамеренно причиняются физическая боль или психические страдания. Жестокое обращение определяется как акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

Все должностные лица правоохранительных органов должны быть полностью информированы и осведомлены о запрете пыток и жестокого обращения. Любое заявление, сделанное в результате пыток, не должно быть привлечено в качестве доказательства в ходе любого разбирательства. Любое лицо, утверждающее, что он или она подвергается пыткам, имеет право быть обжаловано и должно быть незамедлительно и беспристрастно рассмотрено.

Литература:

1. Рукавишников Т. А. Права человека: современные аспекты содержания // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2 (5). с. 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-sovremennye-aspekty-soderzhaniya> (дата обращения: 11.04.2017).
2. Amnesty International Report 2016/17: The State Of The World's Human Rights [Электронный ресурс]. URL <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/4800/2017/en/>
3. Артемьев Н. С., Розуван А. М., Семенов А. В. Соблюдение законности и соблюдение прав человека в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Вестник ВятГУ. 2014. № 4 С. 78–80.

Проблемы назначения несовершеннолетним наказания в виде ограничения свободы

Насырова Динара Мавьевна, студент;
Филина Анна Евгеньевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

На территории Российской Федерации особым объектом государственной защиты, как правило, признается несовершеннолетний. В данной статье подняты основные проблемы назначения наказания несовершеннолетним в виде ограничения свободы. А также проведен анализ с другими видами наказаний, которые основаны на мнениях и исследованиях ученых современности.

Другим актуальным вопросом является применение силы сотрудниками исправительных учреждений. Сотрудники правоохранительных органов могут применять силу только тогда, когда это строго необходимо. Все случаи смерти и исчезновения осужденных в местах лишения свободы необходимо тщательно расследовать. Необходимо систематически анализировать все правила, инструкции, методы и практики допроса в отношении задержанных и осужденных с целью предотвращения пыток.

В соответствии с международными нормами осужденным в местах лишения свободы необходимо обеспечить достаточный уровень жизни, включая достаточное питание, питьевую воду, размещение, одежду и постельные принадлежности, а также в международных документах учитывается содержание воздуха в помещении, освещение, наличие отопления и вентиляции.

В соответствии с международными нормами необходимо с уважением относиться к людям независимо от их национальности и религиозных взглядов, необходимо создавать условия для профессиональной подготовки осужденных. Администрация в местах лишения свободы должна поощрять любые попытки осужденного встать на путь исправления.

Для того, чтобы нормы международных документов могли быть реализованы полностью, в исправительных учреждениях необходимо проводить разъяснительную работу с сотрудниками, искать новые пути и способы социальной реабилитации осужденных. Необходимо создать такие условия в местах лишения свободы, которые помогут осужденным вести законопослушную жизнь после освобождения.

В заключение следует отметить, что права человека — главная цель любого цивилизованного правового государства, стремящегося обеспечить свободу, благосостояние, достойное, безопасное проживание людей на территории любого государства.

Ключевые слова: ограничение свободы, несовершеннолетний осужденный, вид наказания, уголовное законодательство, уголовно-исполнительная инспекция, назначение наказания.

Проблемы, которые связаны с назначением наказания несовершеннолетним в нашей стране стоят достаточно остро. Им было посвящено немало анализов судебной практики и научных исследований ученых, например, М. А. Любавиной [5], О. Ю. Красовской [4], Т. В. Непомнящей [6] и др. Перечень наказаний, предусмотренных в отношении несовершеннолетних, закреплен в ст. 88 Уголовного Кодекса Российской Федерации [7] (далее — УК РФ).

В уголовном законодательстве, а именно в ст. 53 прямо предусмотрено, что правоохранительные органы устанавливают для осужденных строгие ограничения, которые должны неукоснительно соблюдаться. К таким ограничениям относят: запрет на выход из дома в определенное время суток, посещать определенные места, выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, изменять место жительства, а также рабочее место или учебное заведение.

Проанализировав ряд ограничений, предусмотренных в ст. 53 УК РФ, М. Р. Гета в одной из своих статей подчеркнул: «Нецелесообразно возлагать запрет на посещение осужденным массовых мероприятий. Например, лицо, которому назначено ограничение свободы, не сможет принимать участие в отправлении религиозных обрядов и в других событиях. Хотя по сути они могли бы приносить пользу и, соответственно, положительно влиять не только на уровень нравственной культуры, но и на исправление осужденного» [1].

Каким же образом контролировать правоохранительным органам в ночное время суток соблюдение осужденным запрета выходить из жилища?

Ответ на данный вопрос дает Р. В. Комбаров в научно-исследовательской работе. Он обратил внимание на то, что если сотрудники уголовно-исполнительной инспекции начнут посещать осужденного в ночное время суток, то они будут нарушать права тех лиц, которые проживают вместе с ним. В этом случае для надзора и контроля за лицами, которым установлено ночное ограничение, целесообразно использовать различные средства техники [3].

Необходимо отметить, что возможность назначения такого вида наказания, как ограничение свободы, появилась лишь в 2010 году. Оно является новым видом наказания. Из этого следует, что судебная практика имеет незначительный опыт его назначения несовершеннолетним. Проанализировав судебную статистику за период с 2010 по 2015 годы, ограничение свободы несовершеннолетним назначалось в среднем к 3% подростков. Как правило, данный вид наказания заменило собой арест, который не может быть назначен в настоящее время, поскольку на территории Российской Федерации отсутствуют арестные дома.

Некоторые ученые в ходе исследования выявили, что условное осуждение и ограничение свободы между собой очень схожи. Они, в свою очередь, спрогнозировали, что возможно упразднить в уголовном законодательстве условное осуждение, но при этом необходимо будет внести изменения в статью, свя-

занную с ограничением свободы [2]. Мы считаем, что исследователи поторопились с данным высказыванием, так как при введении в УК РФ ограничения свободы, главной задачей законодателя было не ликвидировать из него условное осуждение, а всего лишь увеличить то количество мер, которые не будут связаны с лишением свободы.

Несовершеннолетнему гражданину Российской Федерации ограничение свободы назначается только в качестве основного вида наказания, но, как дополнительный вид наказания оно не применяется. Соответственно, опираясь на ч. 5 ст. 88 УК РФ, минимальный срок, на который могут привлекаться несовершеннолетние к ограничению свободы составляет 2 месяца, а максимальный срок, соответственно, достигает до 2 лет.

На сегодняшний день необходимо не только осужденному подростку, но и осужденному, достигшему возраста 18 лет, являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации от 1 до 4 раз в месяц. Это требуется для того, чтобы они знали, что за ними и их поведением сотрудники правоохранительных органов осуществляют контроль и надзор.

Следует принять во внимание, что ограничение свободы применяется, как правило, только к тем несовершеннолетним, которым к моменту вынесения судебного приговора исполнилось шестнадцать лет.

Кроме того, на основании действующей редакции ст. 47.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, закрепляется положение о том, что надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы обязан осуществлять такой правоохранительный орган, как уголовно-исполнительная инспекция. А она, в свою очередь, должна ставить осужденного на персональный учет по месту жительства, после чего осужденный подлежит дактилоскопической регистрации и фотографированию. Именно с того момента, когда осужденный считается поставленным на учет начинается исчисление срока ограничения свободы.

В судебной практике встречалось, что от отбывания ограничения свободы осужденный мог злостно уклоняться. В связи с этим, в уголовном законодательстве закрепили положение о том, что суд в данном случае может заменить неотбытую часть наказания лишением свободы по представлению уголовно-исполнительной инспекции из расчета один день лишения свободы равен двум дням ограничения свободы.

Необходимо отметить, суд не имеет права назначить несовершеннолетним иностранным гражданам, апатридам, а также лицам, которые не имеют постоянного места проживания на территории РФ, такой вид наказания, как ограничение свободы.

Назначить наказание в виде ограничения свободы возможно только за совершение преступлений небольшой и средней тяжести. Но вполне вероятно, что за тяжкие и особо тяжкие преступления его можно применить, кроме преступлений против личности. Следовательно, необходимо будет за тяжкие и особо тяжкие преступления увеличить сроки ограничения свободы, что будет в данном случае правомерным.

Соответственно, мы можем сделать вывод о том, что ограничение свободы — это, безусловно, строгий вид наказания особенно для несовершеннолетних, поскольку ограничивает их права и свободы.

Литература:

1. Гета М. Р. Ограничение свободы: новелла уголовного закона // Правовые проблемы укрепления российской государственности. № 47. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 68–69.
2. Дядькин Д. С. Конкуренция норм о назначении наказания в виде ограничения свободы с нормами об условном осуждении // Уголовное право. 2010. № 3. С. 36.
3. Комбаров Р. В. Правовое положение лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы: дис... канд. юрид. наук. Вологда, 2014. С. 178.
4. Красовская О. Ю. Предпреступное и преступное поведение несовершеннолетних — жертв злоупотреблений родительской властью (криминологические и уголовно-правовые проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 26 с.
5. Любавина М. А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 года № 1: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2012. 105 с.
6. Непомнящая Т. В. Проблемы назначения наказания в виде ограничения свободы несовершеннолетним. Вопросы правовой теории и практики: сборник научных трудов. Выпуск 6. Омск: Омская академия министерства внутренних дел Российской Федерации. 2010. 180 с. С. 86–88.
7. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2020. № 15 (часть I). Ст. 2235.

Некоторые проблемы определения социально ответственной семьи

Обжерина Ксения Алексеевна, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В данной статье изложены следующие проблемы: признание семьи как субъекта социальной ответственности, в том числе как субъекта права в целом, разграничение социальной ответственности от юридической, семейно-правовой ответственности. Результатом исследования стала необходимость законодательного закрепления критериев признания семьи социально ответственной с целью точного определения ретроспективного и позитивного аспектов семейно-правовой ответственности.

Ключевые слова: *социальная ответственность, семья, семейно-правовая ответственность, ретроспективный подход, позитивный подход.*

Категория «социально ответственная семья» не имеет законодательного закрепления, упоминается лишь в Указе Президента РФ, согласно которому награждаемые орденом «Родительская слава» и их дети образуют социально ответственную семью, ведут здоровый образ жизни, обеспечивают надлежащий уровень заботы о здоровье, образовании, физическом, духовном и нравственном развитии детей, полное и гармоничное развитие их личности, подают пример в укреплении института семьи и воспитании детей [1].

Первая проблема, с которой связывается определение социальной ответственности семьи, заключается в признании семьи как субъекта права. Семейный кодекс РФ детально регулирует все отношения между членами семьи, но не рассматривает семью в целом как субъект правоотношений. Чтобы семья была признана единым организмом, подвергающимся правовому воздействию, нужны отдельные оговоренные случаи и четкое определение семьи в праве. Отдельные члены семьи признаются субъектами права, так как обладают правоспособностью и дееспособностью. Например, при заключении брачного до-

говора. Признание же семьи как субъекта права равнозначно определению признаков такого субъекта как взаимответственного и взаимобязанного [2].

Вопрос о признании семьи как субъекта права отдан на усмотрение законодателя, включающего данную категорию в правовые нормы. Например, согласно статье 103 Жилищного кодекса РФ семьи, имеющие в своем составе детей-инвалидов, инвалидов с детства не могут быть выселены из специализированного жилищного фонда, если состоят на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях [3].

Вторая дискуссионная проблема состоит в понимании «социальной ответственности» как таковой.

Социальная ответственность — ответственность перед людьми и данными им обещаниями; определяет поведение человека на основе осознания и принятия социальных норм, духовных, нравственных ценностей [4]. Социально ответственный индивид следует тому поведению, которое исходит из обязанностей роли. Быть социально ответственной семьей — это всего лишь призыв, лишенный правового содержания.

Существует научный подход, согласно которому юридическая ответственность как вид социальной ответственности соединяет в себе ретроспективную ответственность (ответственность-санкцию) и позитивную ответственность (вытекающую из активной деятельности и выполнения обязанностей). Позитивный аспект оправдан и распространен брачно-семейной сферой, основанной на личном доверительном начале и морально-этических компонентах [5].

Однако О.Е. Пазина полагает, что юридическая ответственность как вид социальной ответственности обладает только ретроспективностью, а позитивная социальная ответственность выявлена через правомерное поведение индивида, отражает внутреннюю ответственность [6].

Сложность признания социальной ответственности семьи лежит также в обосновании наличия единой ответственности, то есть целевой установки, ориентира должного поведения субъекта права, критериев оценки ее поведения.

Обеспечение стабильности семейных отношений заключается не только в угрозе непосредственного применения мер наказания, но и в закреплении позитивных норм с вариантами правомерного поведения.

Семейный кодекс РФ неоднозначно определяет семейно-правовую ответственность через подходы ретроспективности и позитивности. Он формально закрепляет в ретроспективном аспекте ответственность супругов по обязательствам, ответственность за несвоевременную уплату алиментов и так далее [7].

Семейно-правовая ответственность не может отождествляться с социальной ответственностью семьи. Рассмотрение позитивного аспекта семейно-правовой ответственности сводится к признанию неких норм морали и нравственности без санкций за их нарушение. Статьи 1 и 63 Семейного кодекса РФ заложили основы позитивной семейно-правовой ответственности, по сути, социальной ответственности семьи. Одним из основных начал семейного законодательства признана «ответственность перед семьей всех ее членов». В данном случае, это словосочетание можно рассматривать как социальную ответственность.

На сегодняшний день имеет право существовать такая форма социальной ответственности семьи в правовых отношениях, которая рассматривается в позитивном аспекте семейно-правовой ответственности.

Определение сущности семейно-правовой ответственности — довольно частая дискуссия в сфере науки. Единство в применении ретроспективного и позитивного подхода позволит объективно определить правовую природу этой ответственности, достичь главные цели при привлечении к ней.

Законодателью, в том числе региональному (поскольку семейное право находится в совместном ведении РФ и субъектов РФ в соответствии со статьей 72 Конституции РФ) следовало бы определить критерии социально ответственной семьи, а также следовало бы идти по пути признания семьи как субъекта права. Так, социальная ответственность станет позитивным инструментом в регулировании семейных отношений.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 31.12.2019) О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. — 13.09.2010. — № 37. — ст. 4643.
2. Королев, Ю. А. Семья как субъект права / Ю. А. Королев. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2000. — № 10.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 06.02.2020 № 13-ФЗ). — Текст: электронный // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <https://goo.su/0PQ6> (дата обращения: 04.06.2020).
4. Кочетова, И. Д. Развитие социальной ответственности у студентов высших учебных заведений: монография / И. Д. Кочетова. — Хабаровск: Хабаров. гос. акад. экономики, 2014. — 198 с. — Текст: непосредственный.
5. Карибян, С. О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение: монография / С. О. Карибян. — Москва: Юстицинформ, 2018. — 192 с. — Текст: непосредственный.
6. Мильков, А. В. О несостоятельности концепции двухаспектной юридической ответственности / А. В. Мильков. — Текст: непосредственный // Закон. — 2016. — № 6. — С. 152–164.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020 № 10-ФЗ). — Текст: электронный // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <https://goo.su/0PqP> (дата обращения: 04.06.2020).

Правовое регулирование социального предпринимательства в России

Осипова Ангелина Андреевна, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В данной статье рассматривается история введения в отечественное правовое поле понятий «социальное предпринимательство», «социальный предприниматель», анализируются мнения ученых-правоведов о сильных и слабых сторонах принятого Федерального закона 26.07.2019 N245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон» О развитии малого и среднего предпринимательства»

тельства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» и высказывается оценка о недостатке законодательной базы.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальный предприниматель, правовое регулирование.

Неоднократно и ученые, и общественные деятели высказывались о необходимости законодательного оформления термина «социальное предпринимательство» [1 с. 95]. На необходимость легализации статуса социального предпринимателя обращалось внимание и В. Путина на встрече с некоммерческими организациями в Петрозаводске 27.07.17 г. Одним из поручений Президента РФ по итогам встречи стало поручение ввести в правовое поле понятие «социальное предпринимательство» в течение 2017 года [2]. Однако поручение не было исполнено и до 2019 года в законодательстве Российской Федерации не было закрепленных понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие». Лишь с принятием Федерального закона от 26.07.2019 № 245-ФЗ о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие», данные дефиниции были закреплены на законодательном уровне.

Согласно Закону социальным предприятием признается субъект малого или среднего предпринимательства, осуществляющий деятельность в сфере социального предпринимательства, а социальное предпринимательство – это предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, которые закреплены в ч. 1 ст. 24.1 Закона.

В основе выделения критериев социального предпринимательства лежит подход, где целевая группа (социально уязвимые категории граждан) находятся на разных этапах в цепочке создания стоимости продукта: производители, работники, получатели конечного продукта. Отдельно также выделяется критерий осуществления деятельности, где благополучателем является общество (конкретные направления содержатся в ч. 4 п. 1 ст. 24.1 Закона).

Таким образом, спустя три десятилетия после появления в российском обществе, экономико-правовое явление социального предпринимательства получило официальный статус и было выведено в отдельную отрасль малого и среднего предпринимательства.

Кроме того, в принятом Законе определены меры поддержки для социальных предпринимателей. Это имущественная поддержка (предоставление государственного и муниципального имущества на льготных условиях), финансовая (субсидии), информационная, консультационная, методическая, содействие в развитии международного сотрудничества и др. Порядок признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием определен в Приказе Министерства экономического развития Российской Федерации [3].

В большинстве своем общественность очень тепло отреагировала на закрепление в законодательстве понятий «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие»,

т.к. наконец, возникла определенность объекта регулирования, но вместе с этим ученые выступили с критикой нормативного правового акта. Так, К. В. Васильева пишет: «Социальное предпринимательство в России узаконено только для сферы малого и среднего бизнеса, тогда как весь мир в настоящее время говорит о корпоративной социальной ответственности (социальной ответственности бизнеса) в виде «корпоративного альтруизма» или «разумного эгоизма» применительно прежде всего к крупным компаниям, составляющим основу национальной или региональной экономики. <...> государству вполне по силам разработка экономических инструментов и законодательных норм, стимулирующих крупные ответственные корпорации к социально значимым действиям. <...> Но основной проблемой вновь принятых изменений в Закон N209-ФЗ остается разграничение правового регулирования и государственной поддержки деятельности социальных предприятий как коммерческих организаций и социально ориентированных некоммерческих организаций» [4, с. 22].

Солидарна с Васильевой А. Московская, которая отмечает, что несовершенством закона можно считать погружение социальных предприятий в область функционирования коммерческих организаций по форме собственности [5, с. 10]. Также автор подвергает критике выделение доли услуг или рабочих мест, предназначенных для уязвимых социальных групп. Она уверена, что подобные меры достойны уважения, но не должны рассматриваться как маркер социального предприятия, поскольку принятие на работу представителей уязвимых социальных групп – это, скорее, социально-ответственный бизнес. Однако мы смеем не согласиться с данным суждением и не считаем выделение условия о доли услуг или рабочих мест, предназначенных для уязвимых социальных групп, несовершенством Закона.

Но мы не можем не согласиться с К. Васильевой и А. Московской в позиции недовольства Законом, т.к. он ограничивает получение статуса социального предпринимателя для иных субъектов, кроме как представителей малого и среднего предпринимательства. И, конечно, прежде всего, это ограничение затрагивает некоммерческие организации, среди которых большинство занимается социально значимой деятельностью. Так, по состоянию на конец 2016 года количество социально-ориентированных некоммерческих организаций составляло 63% от общего числа зарегистрированных НКО [6]. Статистическая информация о количестве таких НКО по 2019 году отсутствует, но совсем скоро этот реестр опубликует Министерство экономического развития РФ – в настоящее время Минэкономразвития РФ готовит к 01.05.20 г. актуальный реестр социально ориентированных некоммерческих организаций [7]. Мы уверены, что процентное соотношение СО НКО от общего количества НКО выросло еще больше с 2016 года. И тем более актуальным становится вопрос расширения действия Закона: о признании социальным предпринимателем не только субъектов малого и среднего бизнеса, но и некоммерческих организаций.

Литература:

1. Плетень, А. С. Социальное предпринимательство в современной России: законодательное регулирование и основные направления государственной поддержки / А. С. Плетень // Предпринимательское и корпоративное право, 2016. № 10. С. 94–101
2. Перечень поручений по итогам встречи с представителями социально ориентированных, благотворительных организаций и волонтерского движения [Электронный ресурс]: [сайт] URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55419>. Загл. с экрана. Яз. рус.
3. Приказ Минэкономразвития России от 29.11.2019 N773 «Об утверждении Порядка признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием и Порядка формирования перечня субъектов малого и среднего предпринимательства, имеющих статус социального предприятия» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.12.2019 N57022) // Консультант Плюс: справочная правовая система [Электронный ресурс]: [сайт] URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342111/ (дата обращения: 17.05.2020). Загл. с экрана. Яз. рус.
4. Васильева, К. В. Социальное предпринимательство узаконено: что дальше? / К. В. Васильева // Безопасность бизнеса, 2020. № 1. С. 20–24
5. Московская, А. Зачем нужен закон о социальном предпринимательстве? / А. Московская // Мир социального предпринимательства, 2019. № 10. С. 4–13
6. Количественные показатели развития некоммерческого сектора // Доклад Общественной палаты Российской Федерации 2017 [Электронный ресурс]: [сайт] URL: <https://report2017.oprf.ru> (дата обращения: 17.05.2020). Загл. с экрана. Яз. рус.
7. Минэкономразвития предложило дополнительный пакет мер поддержки для социально ориентированных НКО [Электронный ресурс]: [сайт] URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/ekonomika_bez_virusa/minekonomrazvitiya_predlozhilo_dopolnitelnyy_paket_mer_podderzhki_dlya_socialno_orientirovannyh_nko.html Загл. с экрана. Яз. рус.

Правовые проблемы регулирования малого и среднего предпринимательства в России

Помелова Светлана Юрьевна, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В данной статье рассматриваются основные пробелы законодательства в сфере развития и поддержки малого и среднего предпринимательства, проводится анализ действующих норм.

Ключевые слова: предпринимательство, малый бизнес, средний бизнес, развитие предпринимательства, Российская Федерация, поддержка малого и среднего предпринимательства.

Развитие малых и средних предприятий (МСП) — важный фактор совершенствования экономики страны. Это дополнительные рабочие места, налоговые отчисления в пользу государства. Данная сфера регулируется в России Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 209) [1], Федеральным законом № 171-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 171) [2].

По данным Доклада Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей низкая эффективность государственной политики по развитию МСП стала причиной того, что за последнее десятилетие доля малого и среднего бизнеса в ВВП страны так существенно и не поднялась с прежнего уровня в 20–21%. В 2019 году ситуацию принципиально изменить не удалось [2, с. 36].

Большинство проблем малого, среднего предпринимательства состоит в постоянно изменяющейся правовой базе, которой становится всё сложнее соответствовать, пробелах законодательства в целом. Однако правовое регулирование играет определяющую роль в области становления и развития малого и среднего предпринимательства в России.

Первая проблема заключается в том, что Закон № 209-ФЗ устанавливает заявительный порядок обращения субъектов малого и среднего предпринимательства за оказанием поддержки (п. 1 ч. 1 ст. 14), предусматривает ведение реестров получателей поддержки органами, предоставляющими эту поддержку (ст. 8). Анализ ч. 2 ст. 14 и других положений Закона № 209-ФЗ позволяет говорить о том, что именно при обращении хозяйствующих субъектов за государственной или муниципальной поддержкой им необходимо документально подтвердить свой статус субъекта малого или среднего предпринимательства в соответствии с критериями, которые закреплены в ст. 4 Закона. Наряду с подтверждением статуса субъекта малого или среднего предпринимательства для получения государственной или муниципальной поддержки необходимо также соответствовать условиям, предусмотренным федеральными, региональными, муниципальными программами развития малого и среднего предпринимательства. Учитывая изложенные условия и дополнительные ограничения, установленные в ч. ч. 3, 4 ст. 14 Закона № 209-ФЗ, можно сделать вывод о том, что далеко не все субъекты малого и среднего бизнеса могут рассчитывать на поддержку органов государственной власти и органов местного са-

моуправления, а также на финансовую поддержку названных органов. В литературе указывается, что программы государственной поддержки малого бизнеса в России охватывают всего лишь около 2% предпринимателей, это крайне мало.

Вторая проблема состоит в том, что на субъектов МСП возлагается большая нагрузка по предоставлению в органы статистического учета большого количество форм статистических данных. Размер штрафов, предусмотренных ст. 13.19. КоАП РФ [4] за непредставление или несвоевременное предоставление респондентами официального статистического учета первичных статистических данных (для юридических лиц — от двадцати тысяч до семидесяти тысяч рублей), не соответствует общественной опасности деяния. При этом каждый год практически во все формы отчетности вносится значительное количество корректировок. Чаще всего эти изменения носят формальный характер — изменение форматов, правил заполнения отчетных документов. Например, с 2018 года изменилась форма налоговой декларации по налогу на имущество организации, изменилась форма налоговой декларации по транспортному налогу. Подобные не всегда существенные изменения, как правило, не приводят к облегчению документооборота, максимально чувствительны для субъектов МСП.

Третьей проблемой и существенным недостатком для субъектов МСП является тот факт, что они не могут оперативно внести изменения и вернуться в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства (ЕРСМСП). В соответствии с пп. 1 п. 5 ст. 4.1. ФЗ № 209-ФЗ сведения о субъектах МСП вносятся в ЕРСМСП ежегодно 10 августа текущего календарного года на основе сведений, имеющихся у уполномоченного органа по состоянию на 1 июля текущего календарного года. Повторное внесение сведений о юридическом лице/индивидуальном предпринимателе, исключенном из ЕРСМСП, возможно спустя лишь год. При этом наличие сведений в ЕРСМСП является подтверждением статуса субъектов МСП, обязательным условием для их участия в конкурсных процедурах

на заключение муниципальных/ государственных контрактов, необходимым условием для получения субсидий, финансирования по программам развития МСП и других преимуществ. Следовательно, отсутствие МСП в данном реестре влечёт потерю ими льгот, без которых многие их низ не могут «удержаться на плаву», становятся вынуждены прекращать свою деятельность.

Недостатком также является тот факт, что некоторые субъекты малого и среднего предпринимательства ошибочно полагают, что если они ранее соответствовали критериям для признания их субъектом малого и среднего предпринимательства, установленным Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», то при изменении одного из критериев они будут продолжать числиться в реестре субъектов малого и среднего предпринимательства. Как справедливо отмечает Гафарова в своей работе, для решения данной проблемы руководителям субъектов малого и среднего предпринимательства необходимо изучать и знать ФЗ № 209-ФЗ, четко отслеживать изменение критериев соответствия предприятия к субъектам малого и среднего предпринимательства, а также понимать, что если доход, полученный от осуществления предпринимательской деятельности за предшествующий календарный год, превысил установленные действующим законодательством предельные значения, то организация будет исключена из реестра субъектов малого и среднего предпринимательства [5].

Таким образом, большинство нормативных-правовых актов сейчас решают только вопросы достижения целевых показателей в секторе малого и среднего бизнеса, не решая вопроса его стабильного развития на многие годы. Важнейшим направлением развития должно стать продолжение работы по совершенствованию механизма финансовой поддержки малых предприятий, доступность и понятность процедуры приобретения статуса предпринимателя. Решение данных проблем должно стать одной из основных и приоритетных задач государства.

Литература:

1. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // Российская газета, № 164, 31.07.2007.
2. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Доклад Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей «Реестр системных проблем Российского бизнеса — 2019» от 04.04.2019 г.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.05.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 13.19.
5. Гафарова, Я. В. Проблемы правового положения субъектов малого и среднего предпринимательства / Я. В. Гафарова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 3 (241). — С. 234–239. — URL: <https://moluch.ru/archive/241/55752/> (дата обращения: 31.05.2020).

Крайняя необходимость в уголовном праве

Пшеничный Владимир Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Клочкова Александра Леонидовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

В работе рассмотрены вопросы о социально правовой сущности и пределах крайней необходимости и представлены позиции отечественных ученых, данные в разные исторические периоды относительно института крайней необходимости.

Ключевые слова: крайняя необходимость, причинённый вред, пределы крайней необходимости, интересы, охраняемые законом.

Pshenichny Vladimir Igorevich, student

Scientific adviser: Klochkova Aleksandra Leonidovna, candidate of legal sciences, senior lecturer
Rostov State Economic University «RINH»

The paper considers questions about the social and legal essence and the limits of extreme necessity and presents the positions of domestic scientists given in different historical periods regarding the institution of emergency.

Keywords: extreme necessity, harm done, limits of extreme necessity, interests protected by law.

Как известно, положение о крайней необходимости изложено в статье 39 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1], в которой дано определение этого сложного юридического феномена.

Определяя социально-правовую сущность крайней необходимости, исследователи указывают на то, что она состоит в том, что при наличии ситуации, которая связана с возможностью опасности для любого из объектов уголовно-правовой охраны, лицо причиняет вред другому объекту в рамках крайней необходимости, с целью максимального уменьшения негативных последствий грозящей опасности. При этом необходимым условием является, что при данной ситуации причинённый вред должен являться меньшим по сравнению с тем, который был предотвращен, то есть, лицо которое оказалось в состоянии крайней необходимости должен сделать выбор из двух зол в пользу наименьшего и таким образом, спасти более важный по своему значению интерес посредством сознательного нарушения наименьшего интереса.

Представляет интерес в рассматриваемом аспекте мнение М. Г. Кислициной о том, что действия, которые лицо совершает в состоянии крайней необходимости, являются полезными для общества, так как морально оправданы и правомерны [3, с. 100]. Такой подход разделяется многими авторами, которые обосновывают свою позицию тем, что такие действия «лишены общественной опасности», они правомерны и соответственно «не содержат в себе состава преступления» [7, с. 74].

Традиционно в теории и практике уголовного права, рассматриваемый институт относят к обстоятельствам, которые исключают преступность деяния, так как при состоянии крайней обороны отсутствует общественная опасность деяния, противоправность, а, в отдельных случаях — виновность. [4, с. 289].

Безусловным является то, что крайней необходимости присуща сложная межотраслевая нормативно-правовая основа.

Следует отметить, что в различные периоды исторического развития российской правовой системы, юристы по-разному определяли крайнюю необходимость. Так в дооктябрьский пе-

риод, представители науки уголовного права в большей степени придерживались субъективного обоснования крайней необходимости.

В частности, по мнению Н. Д. Сергеевского, состояние крайней необходимости уничтожает вменяемость, а лицо, оказавшееся в таком состоянии, утрачивает возможности «руководствоваться нормами права» [5, с. 265].

Известный русский юрист Н. С. Таганцев полагал, что рассматриваемые деяния являются ненаказуемыми в силу того, что их юридическим свойством является то, что они выступают в качестве средства борьбы за право и потому должны исключать уголовное наказание здесь. Указанный автор указывал на то, что применение наказания в этом случае бесцельно и с позиции преступника, и с позиции интересов общества [6, с. 445].

Представляет интерес, что большинство юристов этого периода допускали возможность защиты собственной жизни за счет гибели другого человека.

Современные исследователи справедливо отмечают сложность и разносторонность института крайней обороны, а В. А. Блинников обосновывает подход согласно которому, вред при крайней необходимости, чаще всего причиняется лицам, которые не связаны с не созданием опасности и предлагает понимать крайнюю необходимость как деяние граждан, основанные на разрешающих нормах уголовного закона, которые причинили физический или моральный вред по необходимости лицу, не связанному с созданием непосредственной опасности причинения вреда правам или интересам личности, общества или государства, охраняемым законом, исключаящие их общественную опасность, противоправность а, в отдельных случаях, виновность, а как следствие — уголовную ответственность за вред, который был причинён [2, с. 115].

Не останавливаясь на условиях правомерности крайней необходимости отметим, что при установлении правомерности причиненного вреда в ситуации крайней необходимости, надлежит одновременно оценивать характер и степень грозящей опасности, и сложившуюся обстановку, в которой лицо дей-

ствовало. Важным аспектом является то, что вред, который был причинён социальным ценностям (интересам, охраняемым уголовным законом) должен соотноситься с вредом, предотвращенным по своим размерам и значимости.

В качестве одной из особенностей ответственности за превышение пределов крайней необходимости, специалисты выделяют, что в Особенной части УК РФ отсутствуют специальные нормы, как это имеет место при превышении пределов необходимой обороны. В силу этого, в каждом случае при превышении пределов крайней необходимости, квалификация осуществляется по соответствующим статьям Особенной части УК РФ, которые предусматривают ответственность за совершенное

преступное деяние со ссылкой на пункт «ж» части 1 статьи 61 УК РФ об обстоятельствах, смягчающих наказание: совершение преступления при нарушении условий правомерности... крайней необходимости.

Подводя итоги констатируем, что пределы правомерности причинения вреда при крайней необходимости следует рассматривать как границы дозволенного поведения, установленные законом, при котором лицом был причинён материальный, физический или моральный вред лицу, которое не связано с созданием непосредственной опасности, выражающиеся в том, что вред, причиненный должен быть меньшего объема, чем тот, что предотвращен.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Блинников В. А. Обстоятельства, исключющие преступность деяния, в уголовном праве России: монография. — М.: Юрлитинформ, 2014. — С. 115–116.
3. Кислицына М. Г. Проблемы института крайней необходимости в уголовном праве // Инновационная наука. 2016. № 8–3. — С. 99–101.
4. Подройкина И. А. Уголовное право. Общая часть. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / ответственный редактор И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — с. 289–291
5. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая: пособие к лекциям. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. — С. 265. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Библиотеки электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/> (дата обращения: 11.03.2020).
6. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. — Тула: Автограф, 2001. — С. 444–445.
7. Хаметдинова Г. Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости. Монография. — Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. — С. 74.

Обеспечение права на судебную защиту гражданами своих прав и законных интересов

Резниченко Регина Николаевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Каждому гражданину Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод на основании статьи 45 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. Осуществлять защиту своих прав и свобод граждане вправе любыми способами, которые не запрещаются законом. В том числе каждому гарантировано право на судебную защиту своих прав и свобод в соответствии с частью 1 статьи 46 Конституции РФ. Российская Федерация не только признает основные права и свободы человека и гражданина, но и считает защиту прав и свобод своих граждан одной из основных функций государства.

Прежде всего, необходимо установить, что понимается под судебной защитой прав и свобод человека и гражданина в РФ. Право на судебную защиту определяется в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 года № 9-П, а именно указанное право представляет собой наличие конкретных гарантий, которые позволяют его реализовать в полном объёме и обеспечить эффективное восстановление посредством право-

судия, отвечающего требованиям справедливости. По мнению О. А. Белявской судебная защита является одним из способов государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, представляя собой самостоятельное направление государственной деятельности, которая осуществляется специально уполномоченными органами, входящими в судебную систему России [1, с. 17].

Судебная защита прав и свобод выступает в качестве гарантии всех иных субъективных прав человека и гражданина. Такая гарантия обеспечивается тем, что каждое лицо, обладающее тем или иным субъективным правом, имеет возможность обратиться в правоохранительные органы и в суд за восстановлением своего права в случае того или иного нарушения.

Закреплённое в Конституции РФ право на судебную защиту предусматривает: защиту своих прав и свобод всеми не запрещенными законом способами, обжалование в суд решений и действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных

лиц, право на получение квалифицированной юридической помощи, обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, право лица считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана в результате вступившего в законную силу приговора (презумпция невиновности). Кроме того, немаловажным конституционным правом является право граждан на доступ к правосудию, которое должно обеспечивать эффективное восстановление нарушенных прав и свобод, а также право на независимый суд как необходимое условие справедливого правосудия.

Деятельность, которая осуществляется в рамках правосудия, представляет собой процесс по рассмотрению и разрешению дел гражданско-правового характера, а также уголовных дел и иных процессуальных дел. По мнению А. Л. Гусевой правосудие представляется как основа механизма обеспечения прав и свобод граждан в виде реализации судебных разбирательств по гражданским, уголовным и административным делам, которому принадлежит решающее слово в определении правовых последствий нарушения политических, трудовых, авторских, избирательных, жилищных, земельных, семейных и других прав человека и гражданина, имеющих имущественный и неимущественный характер [2, с. 62]. Также О. В. Федотова отмечает, что вся деятельность судебной системы РФ нацелена на защиту основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации. Данные цели достигаются посредством принятия определенных актов, их реализации и внедрения в жизнь [5, с. 275].

Однако, несмотря на достаточную, казалось бы, регламентацию права на судебную защиту граждан в Российской Федерации, в практической деятельности возникают некоторые проблемы, связанные с обеспечением рассматриваемого конституционного права. Некоторыми авторами юридической научной литературы на обсуждение выносятся проблема недостаточной урегулированности института оказания бесплатной юридической помощи. Так, по мнению Д. С. Телюк возникает противоречие между теоретическим установлением правовых положений, закрепляющих за каждым право на защиту своих прав и свобод путём обращения в органы судебной системы, и практической их реализацией [4, с. 103].

Следует согласиться с данной позицией, так как осуществление судебной защиты нарушенных прав и свобод реализуется путём совершения процессуальных действий, например, подача в суд искового заявления в рамках гражданского процесса. Однако большинство граждан в России не обладают достаточными знаниями правовых норм процессуального законодательства, вследствие чего у них могут возникнуть трудности с оформлением и сбором необходимых документов. Кроме того, не каждый может финансово позволить себе обратиться за помощью к квалифицированным юристам, так как в некоторых случаях такие услуги, предоставляемые профессионалами, являются довольно дорогостоящими.

Необходимо указать на то, что право на квалифицированную юридическую помощь устанавливается в части 1 статьи 48 Конституции РФ и гарантируется каждому. В част-

ности, в отдельных случаях, установленных в законодательстве, юридическая помощь оказывается бесплатно. Оказание бесплатной юридической помощи регулирует Федеральный закон № 324-ФЗ от 21 ноября 2011 года «О бесплатной юридической помощи в РФ». Одной из целей указанного ФЗ представляется создание условий для осуществления судебной защиты прав и свобод граждан в Российской Федерации.

Однако в законодательстве не устанавливаются стандарты качества оказания бесплатной юридической помощи обратившимся лицам. Кроме того, отсутствует определение самого понятия «юридическая помощь», а также нормативное определение критериев квалифицированной помощи. Кроме того, как указывают И. И. Ларинбаева и Е. О. Тулупова, возникает вопрос об ответственности в случае отсутствия или недостаточного получения гражданами бесплатной юридической помощи [3, с. 60]. Следует отметить, что лица, которые не имеют возможности обратиться за квалифицированной юридической помощью, и которые в соответствии с законодательством имеют право на её получение на безвозмездной основе, не всегда остаются довольны качеством оказанных услуг. Данный факт обусловлен тем, что лица, оказывающие бесплатную юридическую помощь, в большинстве своём не обладают достаточным опытом для оказания услуг юридической поддержки или для представления интересов в суде, или же не заинтересованы в исходе дела из-за условий финансирования их труда.

Бесплатную юридическую помощь на добровольной основе оказывают юридические клиники, которые являются элементом негосударственной системы бесплатной юридической помощи и действуют на базе ведущих университетов страны. Чаще всего в таких учреждениях юридические услуги оказывают студенты, обучающиеся на юридических специальностях в образовательных организациях высшего образования. Лица, которые только получают юридическое образование не обладают достаточным объёмом знаний для оказания квалифицированной юридической помощи, а также не имеют достаточного опыта для удовлетворения потребностей по юридической поддержке обратившихся граждан. Из этого следует, что такая помощь не во всех случаях может оказаться достаточной для обеспечения гражданами судебной защиты своих прав и свобод.

Кроме того, необходимо обратить внимание на оказание бесплатной юридической помощи несовершеннолетним, так как они в силу уровня физического и психологического развития не имеют возможности самостоятельно защитить свои права. Несовершеннолетние нуждаются в особом содействии судебной защиты их прав и свобод. Законодательством установлены конкретные категории граждан, которые имеют право на предоставление им бесплатной юридической помощи. К таким лицам относятся несовершеннолетние, но в строго определённых случаях, а именно те, которые содержатся в профилактических учреждениях и отбывающие наказание в местах лишения свободы. В настоящее время нередки случаи, когда права и свободы несовершеннолетних лиц непосредственно нарушаются их родителями или законными представителями, вследствие чего у них отсутствует возможность обратиться за квалифицированной юридической помощью. Возникает проблема, вытекающая из положений федерального законодательства,

которым не предусматривается оказание бесплатной юридической помощи несовершеннолетним. Решением данной проблемы, по мнению Н. И. Юренко, будет служить нормативное закрепление в федеральном законодательстве положения об оказании бесплатной юридической помощи несовершеннолетним, как категории лиц, нуждающихся в особой государственной защите, если они обращаются за защитой своих прав [6, с. 115].

Литература:

1. Белявская О. Я. Конституционное право человека и гражданина на судебную защиту: понятие, проблемы реализации: дис... канд. юрид. наук, СПб., 2007. С. 17.
2. Гусева А. Л. Механизм защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в РФ: к постановке проблемы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1. С. 60–62.
3. Ларинбаева И. И., Тулупова Е. О. О праве на квалифицированную юридическую помощь в правовом государстве // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 3 (53). С. 58–63.
4. Телюк Д. С. Реализация конституционного права гражданина на судебную защиту прав и свобод человека в российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2018. № 3 (23). С. 99–105.
5. Федотова О. В. Основные аспекты судебной защиты как гарантии обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2 (58). С. 274–279.
6. Юренко Н. И. Оказание бесплатной квалифицированной юридической помощи несовершеннолетним в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект // Огарёв-Online. 2018. № 12 (117). С. 112–119.

Таким образом, право на судебную защиту предполагает возможность отстаивать свои права и свободы лично, возможность требовать от судебных органов предоставления защиты включая право на предоставление бесплатной юридической помощи. Однако для его полноценной реализации необходимо на законодательном уровне решить проблемы, возникающие в процессе осуществления гражданами конституционного права на судебную защиту.

Современные тенденции использования процедуры медиации в суде

Санджиева Цаган Валерьевна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье анализируются современные тенденции использования различных примирительных процедур с целью мирного урегулирования спора. Обращается внимание на необходимость совершенствования процедуры медиации, учитывая нагрузку на судебную систему и важность повышения эффективности отправления правосудия в Российской Федерации.

Ключевые слова: спор, конфликт, примирительная процедура, медиация, судопроизводство, судебная система.

Защита прав — юридическая конструкция, которая возникла еще в римском праве, и до настоящего времени не утратила своей значимости и важности. Существование института защиты гражданских прав подтверждает неизбежность исполнения принятых на себя обязательств с целью соблюдения гражданских прав других лиц. Для обеспечения исполнения обязательств и для защиты нарушенных гражданских прав при их неисполнении используются различные инструменты. Действующее законодательство Российской Федерации, по общему правилу, рассматривает существующие меры юридической ответственности, формы и способы защиты с правовой точки зрения, не уделяя должного внимания альтернативным способам урегулирования споров, среди которых особое место занимает медиация.

На современном этапе защита прав и свобод личности — одна из ключевых доминант прогрессивного общества XXI века,

основу которого, без сомнения, составляет приоритет общечеловеческих ценностей. Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, права человека признаются высшей ценностью, а их защита и соблюдение является обязанностью государства. Часть 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому возможность защищать нарушенные права и отстаивать законные интересы в судебном порядке.

В современное время, защита гражданских прав физических и юридических лиц — это совокупность только тех способов и средств, которые применяются, когда правовые отношения (субъективные права и личные интересы) нарушены. Вопросы регулирования и защиты прав законодатель отнес к предмету ведения РФ, тогда как вопросы защиты прав человека к предмету совместного ведения. Фактически один и тот же предмет ведения одновременно пребывает и в исключительном, и в совместном ведении. Бесспорно, такая ситуация способна вы-

звать множество сложностей в правоприменительной практике. При этом законодатель последователен только в том, что права должны защищаться на всех уровнях, и немаловажное значение в механизме защиты прав играет выбор форм и способов защиты.

Согласно п. «в» ст. 71 Конституции РФ, вопросы правового регулирования и защиты субъективных гражданских прав человека относятся к ведению России. Действующее российское законодательство на сегодняшний день не сформулировало легального определения понятия «защита прав». Вся сущность защиты прав субъектов хозяйствования сводится к законодательному закреплению способов и форм защиты нарушенных прав, а также указанию на лиц, реализующих установленные законом способы защиты прав в судебном порядке.

Судебная защита, пожалуй, наиболее распространенная форма защиты прав и интересов, поскольку отличается универсальностью, строгой процессуальной формой. Право на обращение за защитой в суд возникает у каждого заинтересованного в этом лица, чьи права нарушены. При этом право на обращение неотъемлемо от права на соответствующее предъявление иска, с помощью которого нарушение может быть уstra-

нено. Так, Верховный Суд РФ в своем определении от 20 ноября 2018 г. № 86-КГ18–11 отметил, что п. 1 ст. 9 ГК РФ позволяет физическим и юридическим лицам по своему усмотрению осуществлять принадлежащие гражданские права. При этом пределы осуществления таких прав определены в ст. 10 ГК РФ, соответственно, способы их защиты перечислены в ст. 12 ГК РФ. Смысл ст.ст. 11–12 ГК РФ свидетельствует о том, что именно истцу — лицу, которое обратилось в суд за защитой нарушенных прав, принадлежит прерогатива в выборе способов защиты. Данный вывод Верховного Суда РФ корреспондирует нормам ст. 46 Конституции России, которая подчеркивает, что каждый гражданин вправе защищать и отстаивать свои нарушенные права в судебном порядке. При этом безосновательный и необоснованный отказ в рассмотрении иска является недействительным.

Следует отметить, что количество обращений в судебные инстанции достигло рекордных показателей, несмотря на то, что статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствует, что в 2017–2019 гг. показатели рассмотрения гражданских дел судами общей юрисдикции остаются достаточно стабильными, отмечается тенденция незначительного снижения роста их числа (табл. 1).

Таблица 1. Рассмотрение судами общей юрисдикции гражданских дел по первой инстанции (2011–2019 гг.) [4]

	Поступившие гражданские дела	Дела, оконченные производством
2011	14 122 212	14 102 304
2012	12 686 468	12 668 165
2013	10 306 698	10 259 008
2014	12 903 316	12 831 939
2015	13 935 456	13 872 700
2016	15 928 860	15 819 952
2017	16 894 522	17 029 231
2018	14 517 997	14 511 707
первое полугодие 2019 г.	9 155 699	8 859 611

Итоги 2018 г. свидетельствуют о том, что судами общей юрисдикции (первая инстанция) было рассмотрено более 14,5 млн дел. Арбитражные суды России также, на наш взгляд, испытывают серьёзную нагрузку. Так, в 2017 г. российскими арбитражными судами было рассмотрено около 1,7 млн дел из поступивших почти 2 млн исковых заявлений на общую сумму более 4,6 млрд рублей.

Подобные данные свидетельствуют о том, что чаще всего, за защитой своих прав и интересов заинтересованные лица обращаются в суд. Интересно, что в совместном постановлении Пленума ВАС РФ и Пленума Верховного Суда РФ № 6/8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в п. 8, предусмотрено, что защиту оспариваемых или нарушенных прав также осуществляет суд. По нашему мнению, это не значит, что при разрешении споров следует ограничиваться только судебными инстанциями. Думается, что процедура медиации также способна стать действенным инструментом не только снижения нагрузки на судебную систему страны, но и эффективным способом решения спорных ситуаций.

С сожалением, следует отметить, что в арбитражных судах Российской Федерации снизился показатель дел, разрешенных с использованием примирительных процедур (табл. 2), что лишь подтверждает факт несовершенства механизма использования медиативного урегулирования споров на практике.

Повышенный интерес к медиации не безоснователен, особенно в контексте реализации права на судебную защиту. Определение момента возникновения права на судебную защиту имеет важное практическое значение для обеспечения прав и свобод граждан. В частности, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении № 71-КГ18–12 от 18 февраля 2019 г. особым образом подчеркнула, что использование способов защиты гражданских прав должно осуществляться в тех случаях и пределах, в каких вытекает из существа нарушенного материального права и характера допущенных нарушений последствий. Отдельно в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» предусмотрено, что ст. 12 ГК РФ содержит открытый перечень способов за-

Таблица 2. Данные об исходе дел в арбитражных судах, в которых стороны использовали примирительные процедуры

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	первое полугодие 2019 г.
Прекращение производства	220 274	191 665	192 554	95 174
Заключение мирового соглашения	35 180	29 568	30 525	27 166
Отказ от иска	144 004	124 651	133 543	89 669

щиты гражданских прав. Законодательство может содержать указания и на иные способы защиты прав. При принятии искового заявления суд может прийти к выводу, что избранный им способ защиты прав не обеспечивает в полной мере восстановление прав. Подобного рода ситуация не является основанием для отказа в принятии искового заявления или оставления его без движения.

В то же время, учитывая масштабы и объемы перегруженности судов, медиация реально способна помочь спорящим сторонам договориться. Кроме того, договоренности, достигнутые с помощью медиативной процедуры, не нужно обжаловать, соответственно, исполнение достигнутых компромиссов будет происходить добровольно. Конфликтующие субъекты не только смогут достичь согласия, но и сэкономят время, силы, финансовые средства.

Кроме того, мирное урегулирование споров позволяет добиться нужного результата обеим сторонам конфликта, тогда как в рамках судопроизводства всегда остается проигравшая сторона. Медиация, по нашему мнению — это эффективный, достаточно быстрый и мирный способ решения спорной ситуации, позволяющий в равной степени защитить права и интересы всех конфликтующих участников.

Институт медиации имеет весьма древнюю историю: её практиковали в Древней Греции и Риме, в Китае, Японии и средневековой Европе. Исторические хроники Московского государства, датированные XIV в., содержат упоминания о примирительных процедурах, которые проводились церковными посредниками для урегулирования княжеских междоусобиц. Масштабный прорыв в понимании и применении мирных способов урегулирования споров в России произошел только во второй половине XIX века [1].

На современном этапе в Российской Федерации медиация привлекла к себе внимание только после вступления в силу Федерального закона № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Стало понятно, что медиация — это вид посредничества с участием третьей, нейтральной стороны, действия которой нацелены на мирное разрешение спора с учетом интересов сторон. Независимой стороной в процедуре медиации выступает медиатор, деятельность которого основывается на принципах конфиденциальности, равноправия сторон и нейтральности.

Необходимо оговориться, что медиаторы являются беспристрастными, объективными посредниками в споре; это не представители и не консультанты спорящих сторон, медиаторы не дают оценку действиям сторон. Кроме того, медиаторов недопустимо рассматривать как арбитров или судей: отправлением правосудия при мирном урегулировании споров медиаторы не занимаются. В соответствии со ст.ст. 27–33 АПК РФ, примирительные процедуры могут применяться по делам об экономических спорах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, и с соблюдением правил подведомственности. Для использования процедуры медиации достаточно заявления одной из сторон (ч. 4 ст. 4 АПК РФ). По итогам примирительной процедуры истец может отказаться от иска (ч. 2 ст. 49 АПК РФ).

Фактически в рамках проведения медиации проигравшей стороны нет, поскольку данная процедура базируется на поиске приемлемых решений, которые удовлетворят обе стороны спора, а также на взаимоуважении, соблюдении принятых обязательств. На рисунке 1 представим схематично процесс проведения процедуры медиации.

Рис. 1. Этапы проведения медиации [2]

Так, на первом (начальном) этапе проводятся предварительные, индивидуальные встречи со сторонами конфликта, уточняются позиции конфликтующих сторон, определяются возможности проведения примирительной встречи — медиации. Далее следует введение в медиационную беседу. На данном этапе формируется взаимоприемлемая повестка переговоров; происходит представление сторон, выясняются причины и обстоятельства, способствовавшие возникновению конфликта, восстанавливается картина конфликта. Основной (рабочий) этап — формулирование предложений, взаимных уступок. Заключительный этап — подготовка и подписание примирительного договора, соглашения; контроль, отслеживание дальнейшего развития ситуации.

Практическая медиация в России остается важным вопросом, требующим проработки конструкции в рамках регулирования механизма взаимодействия между результатом медиации и судебным процессом. Опыт практической медиации уже сформирован и накоплен в некоторых регионах. По статистике Верховного суда РФ, за период с 2012 по 2018 гг. примирительные процедуры с участием медиаторов использовались крайне редко — при рассмотрении всего лишь около 0,008% дел судами общей юрисдикции и при рассмотрении около 0,002% дел арбитражными судами. Весьма интересен опыт судов Липецка и Екатеринбурга в контексте использования процедуры медиации. Представим в таблице 3 показатели использования процедуры медиации в судах Липецкой области.

Таблица 3. Данные о применении процедуры медиации в судах Липецкой области (2015–2018 гг.) [3]

	Информационная встреча	Заключили медиативное соглашение	Вышли из процедуры	Рассмотрение дела после процедуры медиации
2015	531	176	15	7
2016	654	293	31	17
2017	641	295	34	18
2018	850	392	25	10

Данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что в Липецкой области в 2015 г. в судах области 707 граждан изъявили желание пройти процедуру медиации. 531 человек посетили первую информационную встречу. Из них по 314 делам стороны либо отказались от иска, либо их заявления были оставлены без рассмотрения, либо ответчик признал иск. 157 человек заключили соглашение о проведении процедуры медиации, 96 человек заключили медиативное соглашение, 80 человек — заключили мировое соглашение.

Весьма интересен опыт использования процедуры медиации в Арбитражном суде Свердловской области, где с 2010 г. работает «комната примирения» сторон (табл. 4). Начиная с 2010 г., при поддержке Центра медиации УрГЮА и благодаря слаженной работе судей Арбитражного суда Свердловской области, количество обращений по поводу проведения процедуры медиации начало стремительно расти.

Данные таблицы 4 и рисунка 2 свидетельствуют о том, что 26% граждан обращаются к медиатору до непосредственного обращения в суд, 67% граждан обращаются в комнату примирения во время судебного разбирательства, и только 7% уже на стадии исполнения решения.

Анализ статистических данных, материалов судебной практики, научных точек зрения, высказываемых в академических кругах по поводу пользы и важности использования медиации для разрешения спорных ситуаций, свидетельствует о том, что субъекты, заинтересованные в разрешении конфликта, в основном, относятся к институту медиации настороженно, что обусловлено рядом причин:

1. Отсутствие достаточной информации об институте медиации.

Во многом, ключевой причиной низкой популярности медиации и других альтернативных процедур разрешения споров

Таблица 4. Статистические данные о работе «комнаты примирения» в Арбитражном суде Свердловской области (2012–2018 гг.) [5]

	количество дел, поступивших в комнату примирения	принятие решения о проведении процедуры	количество дел, по которым заключено медиативное соглашение	Отказ от иска или мировое соглашение
2012	35	2	2	4
2013	68	20	5	8
2014	146	25	9	18
2015	43	17	10	20
2016	70	8	7	23
2017	41	28	5	10
2018	46	4	4	7

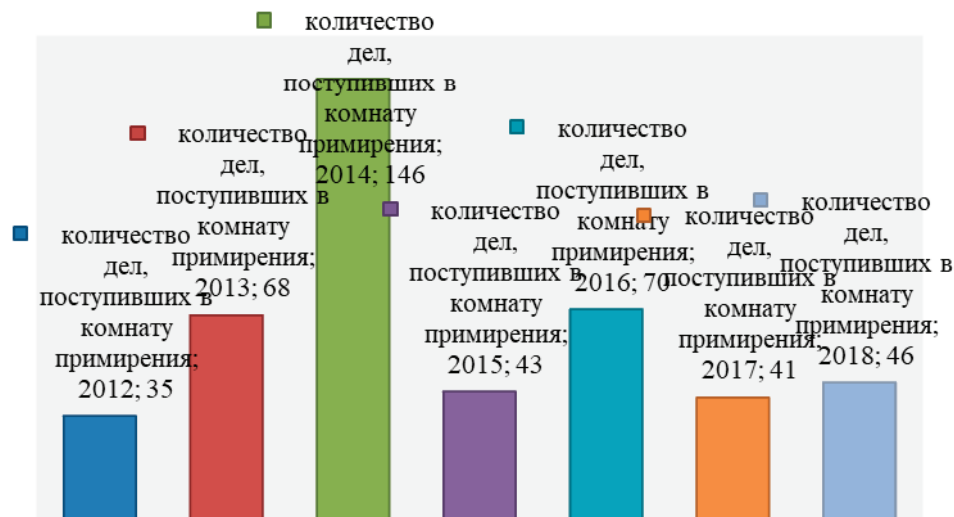

Рис. 2. Сводные данные об использовании процедуры медиации в Арбитражном суде Свердловской области

является поверхностная просветительская работа судов и медиаторов. Действительно, многие граждане слышали о существовании такого явления как «медиация», но совершенно не знакомы с возможностями и содержанием процедуры медиации. Для устранения данной проблемы следует активно и целенаправленно распространять информацию о медиации, повышать юридическую грамотность населения, заниматься научным просвещением. Кроме того, судам следует помнить, что им роль в повышении популярности процедуры медиации достаточно высока. Соответственно, медиаторам необходимо работать с судами, например, путем заключения с ними соглашений о взаимодействии, ведь, зачастую, стороны спора могут прибегнуть к процедуре медиации исключительно по авторитетной рекомендации судей.

2. Высокая стоимость услуг медиаторов.

Отчасти, широкому распространению и популяризации института медиации в России препятствует высокая стоимостная политика медиаторов. В среднем, час работы профессионального медиатора обходится около двух тысяч рублей. При этом на саму процедуру урегулирования спора затрачивается в целом 9–10 часов рабочего времени. В судебные инстанции обращаться гораздо дешевле, например, за рассмотрение судом

общей юрисдикции спора стоимостью в 10 тыс. рублей придется уплатить государственную пошлину в размере 400 руб. Однако судебные разбирательства по отдельным делам могут затянуться на годы, тем самым материальное положение сторон будет подорвано. В случае тяжбы между хозяйствующими субъектами, отсутствие между ними компромисса может стать причиной возникновения серьезных убытков.

Таким образом, медиация — вспомогательный инструмент в деятельности суда, с помощью которого можно не только добиться мирного урегулирования споров и снижения нагрузки на судебные инстанции, но и повысить эффективность осуществления судами своих полномочий. На наш взгляд, основными направлениями совершенствования процедуры медиации является:

- важность законодательного определения сроков и порядка проведения медиации и других примирительных процедур;
- принятие судами надлежащих мер для добровольного, сознательного примирения сторон, с целью урегулирования возникшего спора;
- определение формы и содержания мирового соглашения;
- позволить судьям, находящимся в отставке, быть профессиональными посредниками, медиаторами.

Литература:

1. Комольцева Е. О. Медиация, как способ разрешения конфликтов // Вестник магистратуры. 2015. № 1–3 (40). С. 22.
2. Лисицын В. В. Медиация: примирительное урегулирование коммерческих споров в России (прошлое и настоящее, зарубежный опыт). М.: Радуница, 2010. С. 43.
3. Липецкий областной суд. Статистика, издания по медиации. URL: http://oblsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?id=2540&name=docum_sud
4. Сводные статистические данные. Рассмотрение судами общей юрисдикции дел и материалов. URL: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79>
5. Статистические данные. Арбитражный суд Свердловской области. URL: <http://www.ekaterinburg.arbitr.ru/node/16042>

Признание и порядок исполнения решений иностранных судов в России, а также решений российских судов за рубежом

Семлёв Алексей Алексеевич, студент

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья, посвященная теме «признание и порядок исполнения решений иностранных судов в России, а также российских судов за рубежом» рассматривает практическое применение внутреннего законодательства и международных конвенций, регулирующих процедуру признания судебных решений.

Ключевые слова: признание, судебное, решение, международные, соглашения.

Semlev Aleksey Alekseevich, student

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

An article devoted to the theme «Admission and enforcement of judgment of foreign courts in Russia, also judgment of Russian courts abroad» considers the practical application and international conventions governing procedure recognitions of courts judgment.

Keywords: admission, courts, judgment, international, agreements.

На сегодняшний день в отечественной судебной практике довольно стабильной периодичностью складывается положение, которое предполагает исполнение и признание на территории Российской Федерации иностранных арбитражных решений или исполнение решений иностранных судов (в соответствии с информацией, полученной из судебной статистики Верховного суда Российской Федерации, более двухсот тридцати идентичных дел было рассмотрено за 2019 год), при этом, с позиции практического осуществления она предполагает ряд определенных сложностей.

Гражданский и Арбитражный процессуальный кодекс содержат определенные главы, которые регулируют алгоритм признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений, а также решений зарубежных судов. Сторона, в отношении которой было принято решение, должна быть в надлежащем порядке и в установленный срок уведомлена касательно места и времени рассмотрения дела, в ином случае, как и в случае, если сторона не имела возможности представить свои объяснения в суд по иным причинам, арбитражный суд России имеет право отказать в приведении в исполнение, а также в признании соответствующего решения. [1]

Процедура признания содержит ряд обязательных составляющих, при этом одним из наиболее значимых компонентов принято считать установление факта соответствующего извещения стороны судебного разбирательства с помощью корректного применения норм международного и национального права касательно процесса в иностранном суде. Определенные нормы международного права (примером здесь могут стать соглашения международного характера относительно правовой помощи между странами), а также процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривают обязанность и необходимость предоставления доказательств извещения другой стороны о процессе.

На заявляющем о признании и приведении в исполнение иностранного решения лице лежит бремя доказывания соответствующего своевременного извещения (п. 3 ч. 3 ст. 242 АПК; п. 4

ч. 2 ст. 411 ГПК; и, к примеру, п. «г» ст. 9 Соглашения стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения связанных с реализацией хозяйственной деятельности споров»; ч. 2 ст. 52 Договора между Латвийской Республикой и Российской Федерацией относительно поддержки правового характера и отношениях правового характера по семейным, гражданским, а также уголовным делам; ч. 2 ст. 39 Договора между Арабской Республикой Египет и Российской Федерацией относительно взаимной поддержки правового характера и отношениях правового характера по семейным, гражданским, а также коммерческим делам). [2]

Также следует подчеркнуть, что в качестве основания для непринятия иностранного судебного акта к производству не может рассматриваться отсутствие подтверждающих получение судебных извещений, которые направлены в предусмотренном нормами соответствующего федерального закона или соответствующего международного договора порядке, материалах. В данном случае возможность предоставления стороны своих обвинений в иностранный суд (примером может быть ситуация, в которой стороной было направлено какое-либо ходатайство, заявление или отзыв) ввиду знания стороны об иностранном судебном процессе или принятии участия стороны в иностранном судебном процессе (к примеру, участие ответчика или предъявителя стороны отражается в протоколе судебного заседания) должны быть доказаны заявителем.

Помимо этого, ситуации, при которых стороны не извещаются о судебном заседании и, соответственно, не вызываются на него, а решение иностранного суда принимается судом ввиду норм иностранного государства процессуального характера, достаточно часто можно наблюдать в практике. Исключения относительно того, как вести себя в данной ситуации желающему признать и исполнить такое судебное решение лицу, не предусматриваются, при этом наблюдается императивный характер формулировок норм международного и национального права.

В ситуациях подобного рода, возникающих с определенной периодичностью, доказывание факта предусмотренных таких решений без извещения сторон процессуальным законодатель-

ством иностранного государства является первоочередной задачей заявителя (во многих случаях обеспечение защиты прав стороны в подобных спорах осуществляется через направление стороне копии судебного решения, а также фиксирование определенного срока, отведенного на его обжалование). [3, с. 14] Предоставление извлечения из процессуального законодательства иностранного государства с переводом, заверенным нотариусом, как правило, является достаточным для этого.

Данный подход воспринимается судебной практикой, также и на уровне Верховного Суда (например, Определение ВС РФ от 20.09.2011 № 9-Г11-20; Определение ВС РФ от 30.03.2010 № 7-Г10-4; Определение ВС РФ от 29.12.2009 № 2-Г09-12); Суды, согласно судебной коллегии, должны установить соблюдение требований как норм процессуального законодательства иностранного государства, чье решение необходимо признать и исполнить на территории Российской Федерации, так и международно-правовых норм права (определенного соглашения о поддержке правового характера), на предмет необходимости извещения стороны спора.

Возможность исполнения решения российского суда на территории иностранного государства вероятно исключительно в случае наличия между Российской Федерацией и государством, на территории которого осуществляется исполнение судебного решения, международного договора, который, в свою очередь, предполагает возможность взаимного исполнения судебных решений, а также содержит в себе процесс признания решения российского судебного органа (экзекватура), за исключением, случаев наличия дополнительных двусторонних соглашений с некоторыми государствами, которые исключают процесс признания судебных решений по ряду определенных дел. Примером в данном случае может стать Соглашение о порядке взаимного исполнения судебных постановлений по делам о взыскании алиментов между Республикой Беларусь и Российской Федерацией. [2]

Министерство юстиции РФ, а также его территориальные органы дают возможность передачи ходатайства о признании и исполнении решения российского суда, процедура которой предусматривается договорами Российской Федерации с зарубежными странами о правовой поддержке по гражданским делам. Компетентный суд иностранного государства является конечным получателем ходатайства и всех необходимых документов, данные документы подаются через отечественный орган юстиции российским судом, в который (по месту вынесения решения) ходатайство о принудительном исполнении решения и приведении решения в исполнение подается предварительно. Тем не менее, договоры подобного рода не запрещают, а в большинстве случаев и непосредственно указывают на то, что право беспрепятственного и свободного обращения в суды, а также в иные учреждения договаривающихся сторон, к чьей компетенции могут быть отнесены гражданские дела,

есть у граждан каждой из сторон договора, это происходит на идентичных с собственными гражданами условиях. [4, с. 54] Стоимость процесса может быть снижена, а сам процесс может сократиться и сохраняться под контролем истца благодаря такому прямому обращению, как показывает практика.

Судебные решения в России признаются и исполняются, основываясь на ряде ключевых условий. Приведем некоторые из них:

1. Вступление решения в законную силу. Решение при этом является окончательным.
2. Надлежащее и своевременное оповещение ответчика в случае его неучастия в процессе. Участие ответчика в процессе.
3. Решение, которое вступило в законную силу, не было вынесено на территории третьего государства или страны применения решения. Либо между теми же сторонами возбуждено производство по этому же спору не было осуществлено ранее в стране исполнения решения.
4. Компетентность вынесшего решение согласно действующему законодательству российского суда.
5. Не относимость дела к исключительной компетенции учреждений страны исполнения в соответствии с законодательством этой страны.
6. Основные принципы законодательства, безопасность, суверенитет и общественный порядок страны исполнения не затронуты исполнением или признанием решения.

Кроме того, компетентностью по искам к обладающим местом жительства в Российской Федерации (вне зависимости от их гражданства) обладают судебные органы Российской Федерации, которые вынесли подлежащее исполнению согласно договору решение, что, в свою очередь, определяется договорами о правовой помощи в Российской Федерации. Также в случае если обязательство из договора (которое признается предметом спора) должно быть или было исполнено в Российской Федерации, они также являются компетентными.

Дополнительно следует добавить, что процедура признания решения российского суда на территории иностранного государства является длительной (исходя из практики в среднем от 9 месяцев и дольше), в связи с многоступенчатым путем передачи ходатайства и прилагаемых документов, через судебные органы и органы юстиции на территорию иностранного государства. Лицу, заинтересованному в получении скорейшего результата, стоит задуматься о том, чтобы изначально инициировать судебный процесс на территории того государства где проживает предполагаемый должник во избежание процедуры признания, а также заранее получить информацию о наличии международного соглашения или двустороннего договора Российской Федерации с иностранным государством предусматривающего процедуру признания судебных решений.

Литература:

1. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 N101-ФЗ (последняя редакция) // «Собрание законодательства РФ», 17.07.1995, N29, ст. 2757
2. Соглашение стран СНГ «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» от 20 марта 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4. С. 21–28

3. Зайцев Р. В. Понятие признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 3. С. 15–19
4. Зайцев Р. В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов. М., 2017.

Уголовно-правовая юрисдикция в отношении преступлений в сфере компьютерной информации

Симонян Алексей Артемович, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Начавшаяся на рубеже XX–XXI веков информатизация проникла практически во все сферы жизни общества. С помощью информационных технологий люди находятся в постоянной коммуникации между собой, отражая события своей жизни в социальных сетях, порождают различные частноправовые отношения, начиная от договора купли-продажи и доходя до заключения брака¹. Трансформируется и государственное управление: в различных государствах развивается система электронного голосования, правительства наиболее демократичных стран стремятся отражать принятые решения с помощью сайтов и аккаунтов в социальных сетях — политики и общественные деятели пребывают в постоянном поле зрения электората.

Но с новыми технологиями приходят и новые проблемы. В вопросе информатизации общества и государства одна из главных проблем — киберпреступность. Компьютерные преступления развиваются, заманивая в свои ряды талантливых программистов из разных стран и сфер. Компьютерные преступники успешно координируют свою деятельность, создавая целые синдикаты и используя новые информационные технологии: в последние годы более 4/5 внутрипреступного оборота ушло в сферу криптовалют [5, с. 118].

По оценкам Генеральной прокуратуры Российской Федерации, количество совершенных киберпреступлений лишь растёт. За первые восемь месяцев 2019 г. в России было зарегистрировано 180153 киберпреступления. Это на 66,8% больше показателя за аналогичный период предыдущего года [7]. Правоохранительные органы не только России, но и других стран, заявляют о большом ряде проблем, с которым им приходится сталкиваться в борьбе с компьютерными преступниками, и одна из этих проблем — решение вопроса о юрисдикции киберпреступления.

Говоря о юрисдикции, следует разобраться с понятием «место совершения преступления». В науке наиболее популярна точка зрения, согласно которой под местом совершения преступления понимается какая-либо территория (суша, водное или воздушное пространство), где совершено преступление.

Однако, при определении места совершения компьютерных преступлений, совершенных посредством глобальной сети Интернет, возникает ряд определенных трудностей. Зачастую, пре-

ступник и объект его посягательства могут находиться в совершенно разных географических точках. Это одна из главных черт компьютерных преступлений — **трансграничность**. Следует учитывать, что последствия, наступившие на территории одного государства, могут отражаться на территориях, находящихся под юрисдикцией других государств [2, с. 44]. Исходя из этого, стоит понимать, когда и какое государство должно признать то или иное деяние преступным.

Согласно действующему *уголовно-процессуальному законодательству*, местом совершения преступления следует признавать то место, где это преступление было окончено. В ч. 2 ст. 152 УПК РФ установлено, что преступление, начатое в одном месте, но оконченное в другом, расследуется по месту его окончания. В связи с этим возникает вопрос можно ли ставить знак равенства между местом совершения киберпреступления и местом его окончания?

Как считает А. Н. Попов, при расследовании киберпреступлений нужно учитывать не то место, где преступление было окончено, а где оно было совершено [1, с. 62]. Такое суждение основано на ч. 2 ст. 9 УК РФ, где сказано, что временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного деяния независимо от времени наступления общественно опасных последствий. Ученый утверждает, что именно с момента совершения преступления начинают течь сроки уголовного преследования, к моменту окончания (наступления опасных последствий) эти сроки могут истечь.

Представляется, что такая точка зрения логична. Например, в ситуации, когда злоумышленник, заразивший компьютер другого человека вирусом, который начнет свое действие лишь спустя определенное время, либо в силу действия антивируса, либо в силу заранее подготовленного таймера. Отчасти, такое заражение компьютера можно сравнить с отравлением человека ядом. Однако такой подход справедлив лишь в тех ситуациях, когда между совершением преступного деяния и наступлением последствий есть разрыв во времени.

Так, например, для привлечения к уголовной ответственности за создание вредоносной программы (ст. 273 УК РФ) нам не надо дожидаться момента ее использования и в этом случае местом совершения преступления нужно считать место со-

¹ Сейчас с помощью порталов www.mos.ru и www.gosuslugi.ru граждане РФ могут подать заявление о заключении брака в режиме online

здания такой программы. В случае же с преступлением, предусмотренным ст. 272 УК РФ, важен момент, когда наступают последствия неправомерного доступа (например, блокирование). То есть местом совершения преступления будет именно место наступления таких последствий. Аналогичная ситуация складывается и с преступлением, предусмотренным ст. 274.1 УК РФ.

Вопрос места совершения преступления имеет, прежде всего, практическое значение. Его решение должно найти отражение в законодательстве. Если местом совершения преступления во всех случаях, связанных с компьютерными преступлениями, считать место его окончания, то следствие непременно будет затягиваться [2, с. 45]. В данном случае речь идет об отечественной правоприменительной практике при расследовании межрегиональных преступлений.

Далее следует обратиться к судебной практике. Интересно обратить внимание на материалы Постановления № 1-31/20191-986/2018 от 21 января 2019 г. по делу № 1-31/2019 [14]. Фигуранту дела, именуемого в материалах ФИО1, вменялось совершение преступлений, предусмотренных и ст. 272 и ст. 273 УК РФ. При расследовании эпизодов, связанных с несанкционированным доступом *местом происшествия* рассматривалось место, где находился компьютер одного из потерпевших. При расследовании эпизодов, связанных с использованием вредоносных программ — комната, в которой жил ФИО1.

Таким образом, с точки зрения российского права, юрисдикция киберпреступления определяется в зависимости от места его совершения, если речь идет о составе ст. 273, и в зависимости от места наступления его последствий, если речь идет о составе ст. 272.

Но в силу отмеченной выше трансграничности компьютерных преступлений вопрос определения юрисдикции относится к сфере международного уголовного права. Как говорится в Докладе Европола от 30 сентября 2015 года [5, с. 91], правоохранительные органы Европы сталкиваются с проблемой того, что изготовители и эксплуатанты вредоносных программ чаще всего находятся за пределами ЕС, тогда как объекты их преступлений располагаются на территории Евросоюза. Европол исходит из того, что государствам требуется развивать сотрудничество не декларативного, а процедурного и операционного характера.

Попытки принятия документов по международному регулированию киберпреступности предпринимались не раз, как и на общемировом уровне (ООН), так и на уровне отдельных межгосударственных объединений (ЕС, СНГ и др.). Однако пока они не были успешными.

В случае с регулированием на уровне ООН **единой конвенции о киберпреступлениях еще не принято**. Интерес вызывают лишь несколько Резолюций Генассамблеи ООН и, частично, одна Конвенция. В Конвенции ООН против трансграничной организованной преступности 2000 года вопросу о юрисдикции посвящено 16 статей.

В ст. 4 говорится, что в отношении преступлений, предусмотренных данной Конвенцией, государства-участники не наделены правом осуществлять на территории другого участника Конвенции «юрисдикцию и функции, которые входят исключительно в компетенцию органов этого другого государства в соответствии с его внутренним законодательством» [10].

Юрисдикция государства (ст. 15) распространяется на преступления, предусмотренные этой Конвенцией, когда:

1. Преступление совершено против его гражданина;
2. Преступление совершено гражданином или лицом, которое «обычно проживает» на его территории.

Запросы о выдаче лиц, конфискации имущества или проведении мероприятий по раскрытию и преследованию преследований осуществляются лишь при согласии другой стороны и с учетом ее внутреннего законодательства. Конвенция предполагает совершение подобных трансграничных преступлений с помощью компьютерной техники. В данном случае Россия подтвердила свое участие (*наша страна присоединилась к Конвенции в 2004 году [8]*), поэтому можно сделать предположение, что при определении юрисдикции трансграничного киберпреступления, совершенного преступной организацией, положения этой Конвенции *могут* использоваться.

Также стоит обратить внимание на Концепцию Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности [12]. В Концепции указано, что государства-участники вправе самостоятельно определять регулирование своих информационных структур. У участников есть обязанность по предотвращению информационных угроз, исходящих с их территории (например, определение источника компьютерных атак). Касательно определения юрисдикции (ст. 11) в Концепции говорилось о том, что преступления подпадают под юрисдикцию государства, если оно было совершено на его территории, на борту судна или самолета, зарегистрированного в этом государстве. В случае споров о юрисдикции участникам Конвенции предлагается проводить консультации с целью определения «наиболее подходящей юрисдикции для судебного преследования» [12] (это положение полностью совпадает с положением Конвенции Совета Европы от 2001 года, которая рассматривалась ранее). Рассматриваемая Концепция предполагала определять юрисдикцию компьютерных преступлений по принципу «каждый держит отчину свою» — преступление расследуется тем государством, где оно было совершено, а в случае споров проводятся консультации. Однако данная Конвенция так и не была принята. Из этого можно сделать вывод о том, что на общемировом уровне **нет единого документа по регулированию киберпреступлений**.

Наиболее известным международным документом по регулированию компьютерных преступлений является Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации ETS N185 от 23.11.2001 г. Положения Конвенции призваны гармонизировать уголовно-материальные и процессуальные нормы государств-членов в области компьютерной безопасности, также направлены на выработку слаженных действий правоохранительных органов в случае, если на юрисдикцию в отношении преступления претендуют несколько государств-членов.

В параграфе 5 статьи 22 указано, что участники этой Конвенции могут сами, путем переговоров и консультаций, определить, «наиболее подходящую юрисдикцию» [11]. Помимо того, Конвенция предоставляет ее участникам получать доступ к компьютерным данным других участников (ст. 32) и осуществлять перехват, сбор и запись компьютерных данных (ст. 34).

Иными словами, Конвенция позволяет вести борьбу с компьютерной преступностью в режиме «без границ».

Можно сказать, что Конвенция 2001 года — воплощение в реальность «коммунистической мечты о мире без границ». Однако правопреемница Советского Союза — Россия отказалась от участия в данной Конвенции [15], хотя изначально стремилась к обратному. Правительство РФ было озабочено положениями ст. 32 о беспрепятственном получении доступа к данным одного государства со стороны любого другого, участвующего в Конвенции. В ходе переговоров российская сторона выразила мнение о том, что такого рода положения угрожают безопасности и суверенитету стран-участниц Конвенции.

Что касается Содружества Независимых Государств, то попытки решить вопрос с уголовным преследованием компьютерной преступности принимались еще в конце XX столетия. В 1996 году был разработан Модельный уголовный кодекс СНГ, в 12-й раздел которого был посвящен преступлениям против компьютерной безопасности.

1 июня 2001г в Минске было составлено Соглашение о сотрудничестве государств СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. Данное Соглашение, по мнению отдельных ученых [4], является базовым документом для разработки совместных программ и договоров по борьбе с киберпреступностью. На основе этого Соглашения уже была разработана и принята Программа сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий, на 2016–2020 гг. Пункт 1.2 Организационно-правовых мероприятий говорит о «совершенствовании и гармонизации национального законодательства» государств-участников. Возможно, что такой вопрос, как юрисдикция, все-таки будет когда-то решен в рамках СНГ на законодательном уровне.

Примером очередного провала международного сотрудничества может служить и Директива ЕС о хранении данных от 16 марта 2006 года. Согласно данному документу, интернет-провайдеры обязаны обеспечить хранение данных с привязкой к местонахождению их пользователей, «чтобы обеспечить доступ к данным в целях расследования, выявления и судебного преследования за тяжкие преступления, как то определено национальным законодательством каждого государства-члена» [13 (авторский перевод)]. Казалось бы, принятие такой Директивы способствует разрешению вопроса о юрисдикции киберпреступлений, но документ был подвергнут резкой критике, многие государства-члены увидели в этом документе угрозу праву на частную жизнь, а в 2013 году Суд Европейского Союза объявил Директиву несовместимой с Хартией по правам человека [6, с. 153].

Как следует из вышеприведенных примеров, на международном уровне предпринимаются попытки по решению вопроса о юрисдикции киберпреступлений, а государства продолжают придерживаться территориального принципа.

Обратимся к законодательству других государств в рассматриваемой сфере. Наверное, одной из самых оригинальных и интересных правовых систем является правовая система Великобритании, которая входит в число первопроходцев² в регулировании ответственности за компьютерные преступления. Уже в 1990 году там был принят Закон о компьютерных злоупотреблениях (*Computer Misuse Act 1990*).

Закон 1990 года интересен, в первую очередь тем, что в нем решен вопрос о юрисдикции киберпреступлений. Из анализа ст. 5–7 можно сделать вывод о том, что если предметом киберпреступления стал компьютер, который находится на территории Соединенного Королевства, то оно подлежит расследованию британскими органами, а преступник подлежит суду той страны, где он находился в момент совершения преступления [16].

В США, как и в федеративном государстве, отсутствует отдельный закон о борьбе с киберпреступлениями, а уголовное право представлено различными нормативными актами, как на федеральном уровне, так и на уровне каждого из штатов.

Разрешая вопрос о возможных спорах о юрисдикции между федерацией и штатами, Верховный Суд США отметил, что в случае принятия на себя от имени всего государства обязательств, проистекающих из международного договора, штаты утрачивают право создавать аналогичные («параллельные») нормы уголовного законодательства [9]. Подобная позиция закреплена и в 7м параграфе главы 1 18го тома Свода законов США (данный свод является источником права и на федеральном, и на уровне штатов).

Заключая международный договор в связи с регулированием ответственности за определенное киберпреступление, федерация признает его особой, общегосударственную значимость, именно поэтому оно будет в компетенции федерации, а не штата. В 2006 году США присоединились к Конвенции о киберпреступлениях 2001 года, значит, основная обязанность по регулированию и по борьбе с компьютерной преступностью лежит именно на федерации.

Это не означает, что штаты некомпетентны преследовать компьютерных преступников. Часть специалистов указывает [9] на то, что в ведении штатов остаются компьютерные преступления категории «misdemeanor», более тяжкие категории «felony» — за федерацией. К последней категории относится кибертерроризм и спам (согласно соглашению The Memorandum of Understanding, заключенному между США, Англией и Австралией). В случае со спамом, речь идет, конечно же, не о рассылке на подписку какого-либо журнала — имеется в виду рассылка коммерческих предложений с содержанием, вводящим получателя в заблуждение [3, с. 134].

В заключение данного анализа можно сделать **выводы**:

– На международном уровне до настоящего времени отсутствует универсальный правовой документ, посвященный вопросам противодействия компьютерным преступлениям;

² К слову сказать, есть мнения отдельных ученых о том, что СССР ничуть не отставал от западных стран в вопросе регулирования ответственности за киберпреступления. На своем сайте Ю. М. Батурич указывает, что к 1991 году были готовы поправки к Административному и Уголовному кодексам РСФСР о правонарушениях/преступлениях, связанных с использованием компьютерной техники. [19]

– В отечественном законодательстве специальных положений о юрисдикции преступления против компьютерной информации не содержится. Основываясь на доводах теории, в решении вопроса о такой юрисдикции следует руководствоваться общими правилами ст. 11–12 УК РФ, учитывая место совершения, механизм совершения конкретного преступления и место наступления его последствий;

– Международные договоры, в большей своей части, говорят о том, что вопросы трансграничных преступлений должны решаться путем консультаций.

– В некоторых странах вопрос о юрисдикции решен однозначно, например, в Великобритании, где преступление, совершенное против «британского компьютера» расследуются британскими правоохранительными органами в независимости от местонахождения преступника.

– В США в федеральную юрисдикцию входят все особо тяжкие киберпреступления, а также преступления, криминализованные международными договорами. Иные менее тяжкие преступления в рассматриваемой сфере регулируются уже законами штатов.

Литература:

1. А. Н. Попов. Преступления в сфере компьютерной информации. Учебное пособие/ Санкт-Петербург, 2018. С. 62
2. В. Г. Степанов-Егиянц. К вопросу о месте совершения компьютерных преступлений// Армия и общество, 2014 С. 45
3. В. Г. Степанов-Егиянц. Преступления против компьютерной информации. Сравнительный анализ. Москва, 2010. С. 134
4. В. П. Ревин. Актуальные проблемы сотрудничества государств — участников содружества независимых государств в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий//Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право, 2017. С. 82
5. В. С. Овчинский. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом. Хрестоматия. Москва, 2017.
6. Йован Курбалийя. Управление интернетом. Москва, 2018.С. 153
7. Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1703326/> [дата обращения 01.12.19]
8. Бюллетень международных договоров № 3 за 2004 год <https://naukaprava.ru/catalog/159/160/172/23072?view=1> [дата обращения 01.12.19]
9. Комаров А. А. Юрисдикция транснациональных компьютерных преступлений в системе общего права. // Международное право.— 2017.— № 1.— С. 26–37http://e-notabene.ru/wl/article_20270.html#2 [дата обращения 1.12.19]
10. Официальный сайт ООН. Конвенция против транснациональной организованной преступности Режим доступа https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml [дата обращения 30.11.19]
11. Переведенный текст Конвенции в СПС Гарант <https://base.garant.ru/4089723/94f5bf092e8d98af576ee351987de4f0/> [дата обращения 30.11.19]
12. https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/191666 [дата обращения 01.12.19]
13. Директива о хранении данных 2006 г EUR-Lex <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1574607881354&uri=CELEX:32006L0024> [дата обращения 01.12.19]
14. Постановление Калужского районного суда № 1–31/2019 1–986/2018 от 21 января 2019 г. по делу № 1–31/2019. Материалы размещены на портале www.sudact.ru. [дата обращения 30.11.19]
15. Распоряжение Президента РФ от 22.03.2008 г. № 144-рп/СЗ РФ № 13. Ст. 1295
16. Сайт <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents> [дата обращения 02.12.19]
17. Сайт Ю. М. Батурина <http://www.computer-museum.ru/articles/materialy-mezhdunarodnoy-konferentsii-sorucum-2017/1461/> [дата обращения 02.12.19]

Криминологическая характеристика налоговой преступности

Смирнова Юлия Александровна, студент
Вятский государственный университет (г. Киров)

В данной статье рассматривается криминологическая обстановка в сфере налогообложения, тенденцию уклонения от уплаты налогов, уровень латентности налоговых преступлений.

Ключевые слова: уплата налогов, налоговые преступления, система налоговых преступлений, профилактика совершения налоговых преступлений.

Криминологическая ситуация в области налогообложения за прошедшие годы характеризовалась ростом преступности,

ее масштабным характером и высокой латентностью. Несмотря на меры, принятые на законодательном уровне для миними-

зации налогообложения, уклонение от уплаты налогов продолжает оставаться сложной экономической и правовой проблемой.

Последние изменения в структуре и динамике налоговых преступлений свидетельствуют о том, что проникновение преступников в налоговую сферу становится все более организованным и профессиональным. Уровень и качество интеллектуальной поддержки данного вида незаконной деятельности постоянно растет, ведется интенсивный поиск и внедрение новых способов совершения налоговых преступлений.

В настоящее время в России продолжается реформа экономики и финансового сектора. В связи с этим происходит изменение налоговой политики государства. Неотъемлемой частью этого процесса является построение новой системы налогообложения, что, в свою очередь, невозможно без эффективного механизма взыскания налоговой задолженности. Необходимость в этом во многом обусловлена присутствием большого количества недобросовестных налогоплательщиков, которые, игнорируя свое конституционное обязательство своевременно и в полном объеме уплачивать налоги, скрывая денежные средства и имущество, препятствуют налоговым органам в процессе взыскания задолженности с хозяйствующих субъектов.

Изучая налоговые преступления, прежде всего, необходимо определить их криминологические характеристики. Среди основных криминологических характеристик налоговой преступности большинство авторов выделяет динамику, уровень и структуру. Как уже отмечалось, развитие современной российской налоговой системы сопровождается значительным увеличением количества налоговых преступлений и правонарушений. По мнению экспертов, в результате невыполнения налогоплательщиками своих обязанностей государство ежегодно теряет от 35 до 45% бюджетных средств [2, с. 174].

Уклонение от уплаты налогов широко распространено и является основной причиной неполучения налогов в государственной казне. Среди основных причин высокой латентности, выделяемой специалистами в отношении экономических преступлений, можно назвать отсутствие потерпевших и других лиц (кроме органов налогового контроля), заинтересованных в их выявлении.

В результате совершения налоговых преступлений в первую очередь затрагиваются интересы государства. Основная часть населения относится к нарушителям налогов толерантно или даже сочувственно и не только не помогает государственным регулирующим и правоохранительным органам в их выявлении, но также способствует совершению преступлений. Часто работники предприятий знают о нарушениях налогового законодательства со стороны руководителей компаний, но, тем не менее, они редко предпринимают какие-либо действия, чтобы предотвратить это.

Практика выплаты работникам с их согласия заработной платы из неучтенных денежных средств и без надлежащей регистрации в бухгалтерских документах стала широко распро-

страненной. Другие причины высокой латентности налоговых преступлений включают в себя:

- изобретательность налоговых преступников;
- тщательная маскировка их налоговых преступлений;
- отсутствие явных следов, указывающих на совершение налоговых преступлений;
- наличие большого промежутка времени (от года и более) между моментом совершения и моментом обнаружения налогового преступления [3, с. 366].

Некоторые авторы указывают на недостатки в деятельности органов, в обязанности которых входит раскрытие налоговых преступлений. Преступность характеризуется не только количественными, но и качественными показателями. К последнему относится структура преступности.

Обращаясь к показателям, можно увидеть высокий удельный вес налоговых преступлений в сокрытии доходов (прибыли) или других объектов налогообложения. Более половины преступлений такого типа совершаются в особо крупных размерах, что дополнительно указывает на значительное увеличение числа крупных собственников, которые не хотят платить налоги в государственный бюджет по разным причинам и используют для этих целей различные уловки и маскировки, надеясь избежать разоблачения и наказания.

Анализ статистических данных показывает, что уголовные преступления, направленные на уклонение от уплаты налогов, составляют 45,7% от общего числа налоговых преступлений. Из этого следует, что налоговые преступления направлены на уклонение от уплаты налогов, которые предусматривают самые большие отчисления в бюджет [1, с. 102].

Преобладание преступлений, связанных с неуплатой подоходного налога, объясняется уязвимостью механизма к его затратам на процесс уплаты налогов, предусматривающим ряд исключений, а также наличием льгот для его уплаты, что применяются плательщиками, чаще всего, незаконно. В этом случае повышенный уровень мотивации среди преступников также влияет на них, так как их главной целью является сохранении прибыли и их собственности.

Естественно, что появление и рост числа уклоняющихся от налогов является одним из важнейших признаков неэффективности действующей системы налогообложения и налогового администрирования. Противодействие девиантному поведению в сфере налогообложения является одной из актуальных проблем в России.

Таким образом, только устраняя все причины, заставляющие налогоплательщика скрывать свои доходы от государства и избегать уплаты налогов и сборов, можно будет решить проблему. В то же время не следует забывать, что развитая налоговая система является неотъемлемым элементом современной экономики, условием успешного развития государства и общества. Поддержка государственной налоговой системы является одной из важнейших задач деятельности общества в целом и каждого человека.

Литература:

1. Бакунин А. В. Некоторые проблемы налоговой системы РФ и пути ее совершенствования // Вестн. ИЭАУ. — 2019. — № 10. — С. 94–103.

2. Соловьев И. Н. Налоговые преступления: практика работы органов налоговой полиции и судов.— М.: Юрист.— 2018.— 365 с.
3. Федоров А. В. Основные проблемы налоговой системы Российской Федерации в современных условиях и пути их решения // Экономика и социум.— 2019.— № 7.— С. 366–369.

Отдельные ошибки при производстве следственных действий, оказывающие влияние на качество и полноту расследования

Смирнова Полина Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Сахарова Евгения Григорьевна, кандидат юридических наук
Тюменский государственный университет

Статья содержит анализ отдельных ошибок сотрудников органов предварительного расследования при выборе и производстве следственных действий, которые препятствуют получению достаточных для разрешения уголовного дела доказательств.

Ключевые слова: следственное действие, средства доказывания, достаточность доказательств, рациональность производства следственного действия, осмотр места происшествия, обыск.

Следственные действия являются наиболее важными средствами доказывания, поскольку с помощью их производства в установленном порядке возможно получить большую часть доказательств, предусмотренных статьей 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3], которые обладают свойствами относимости, допустимости и достоверности, а в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает и регламентирует исчерпывающий перечень следственных действий, каждое из которых по своей сути является действием уполномоченных лиц, производимым в рамках расследования уголовного дела, и направленным на установление фактических обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

К часто применяемым в ходе расследования следственным действиям можно отнести осмотр, допрос, обыск и выемку. В связи с чем, основные совершаемые следователем ошибки возникают при выборе и производстве именно таких следственных действий.

Кандидат юридических наук, доцент Короленко И. И. и помощник адвоката Драгунова Е. Ю. при изложении взгляда на структуру ошибок, допускаемых в досудебных стадиях уголовного процесса, разделяют их на «те, которые связаны с нарушениями уголовно-процессуального законодательства, и те, которые возникли в результате некачественной работы следователя при собирании, проверке и оценке доказательств» [1].

Проанализировав допускаемые сотрудниками органов предварительного расследования ошибки, хотелось бы отметить наиболее актуальные, на наш взгляд, проблемы, возникающие в ходе расследования. В частности, к таким проблемам относятся: поверхностное изучение материалов уголовного дела, непроведение или неполное проведение следственных действий и необоснованное уклонение отдельных сотрудников органов предварительного расследования исправить уже допущенные в ходе их производства ошибки, что в целом оказывает влияние на качество расследования уголовного дела.

Так, в ходе предварительного расследования нередко возникает ситуация, при которой происходит передача материалов конкретного уголовного дела от одного следователя к другому. При этом, следователь (дознатель), принимая в свое производство уголовное дело, вместо досконального изучения его материалов и повторного производства некачественно или неполно проведенных ранее следственных действий, он ограничивается комплексом уже произведенных следственных действий, ошибочно считая их достаточными доказательствами, и продолжает расследование без достоверного установления обстоятельств произошедшего.

Между тем, следователь, как процессуально независимое лицо, должен принять все зависящие от него меры для объективного всестороннего расследования, и при необходимости — провести первичные следственные действия повторно, либо дополнительно.

Кроме того, необходимо учитывать и тот факт, что восприятие окружающей обстановки у каждого человека различно, как разнятся и выдвинутые на основе произведенных следственных действий версии о событии преступления и его участниках. В связи с чем, повторное или дополнительное производство определенных следственных действий другим следователем, в производстве которого оказалось уголовное дело, может способствовать выявлению новых фактических обстоятельств совершения преступления и определению иных способов доказывания и путей расследования.

Так, осмотр места происшествия позволяет следователю (дознателю) изучить обстановку места происшествия, обнаружить вещественные доказательства и понять общую картину произошедшего. При этом, полагаем, что доказательства, собранные в ходе его производства, способны обладать большей достоверностью, чем, к примеру, полученные в ходе допроса сведения, поскольку допрос основывается на видении ситуации с точки зрения конкретного человека и является неким умозаключением, в то время как осмотр места происшествия способствует установлению фактических обстоятельств произошедшего.

При этом, некачественный и формально проведенный осмотр способен повлиять на исход уголовного дела вплоть до его прекращения в связи с недоказанностью обстоятельств совершенного преступления. Во избежание подобных ситуаций, следователю при получении материалов дела в свое производство необходимо начать с исследования порядка и полноты проведенных ранее следственных действий, в том числе осмотра места происшествия и допросов, и в случае недостаточности каких-либо сведений, с целью личного непосредственного восприятия обстановки, установления фактических обстоятельств произошедшего, осуществить повторное качественное производство следственного действия.

Таким образом, некачественное производство или вовсе непроизводство значимых следственных действий способны повлиять как на доказательственную базу, так и на исход уголовного дела.

Следующей проблемой, возникающей в практике органов предварительного расследования, в связи с производством следственных действий, является непонимание следователями (дознателями) целей определенных следственных действий. В результате этого могут приниматься неверные и нерациональные решения относительно выбора и производства тех или иных следственных действий.

Так, к примеру, в 2018 году следователь спустя три месяца расследования по уголовному делу, в отсутствие каких-либо на то оснований, решил произвести обыск в организации с целью установления того факта, работал ли в данной организации обвиняемый. При этом, подобные сведения могли быть получены с помощью направления запросов в соответствующие учреждения [4].

Между тем, в ходе обыска было осуществлено изъятие различного рода документов, в том числе содержащих охраняемую федеральным законом тайну, а именно коммерческую тайну (охраняется Федеральным законом от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне») [5], налоговую тайну (охраняется статьей 102 Налогового кодекса РФ) [2] и персональные данные (охраняются Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных») [6].

При этом, в соответствии с п. 7 части 2 ст. 29 УПК РФ, только суд правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну [3].

Уголовно-процессуальным законодательством также предусмотрена обязанность следователя в таких случаях возбуждать

перед судом ходатайство о производстве следственного действия, либо в случаях, нетерпящих отлагательств, уведомлять судью о производстве следственного действия в течении 3 суток с момента начала его производства (ст. 165 УПК РФ) [3].

Однако, следователь, ошибочно полагая, что в данной ситуации обыск производится не в жилище, а в организации, и поэтому в получении судебного решения необходимости не имеет, незаконно произвел изъятие документов, содержащих охраняемую законом тайну.

По итогу, с учетом незаконности и нецелесообразности проведения обыска в данном случае, полученные в рамках его производства доказательства были признаны судом в соответствии со ст. 75 УПК РФ — недопустимыми [3].

Приведенный пример указывает на нерациональный подход следователя при выборе следственных действий, который визуально создал иллюзию об одностороннем необъективном расследовании. Следователь не только не определил для себя четкой цели обыска, но при этом еще и нарушил уголовно-процессуальные нормы по причине либо незнания, либо самонадеянного игнорирования предусмотренных законодательных норм.

Кроме того, по мнению Чуфаровского Ю. В., психологически процедура обыска обостряет атмосферу и отношения между органами следствия и лицами, собственность которых либо они сами подвергаются обыску [7].

В связи с чем, неразумно и незаконно проведенный обыск в данной ситуации в дальнейшем оказал негативное влияние на собранную по уголовному делу доказательственную базу и отношения с участниками уголовного судопроизводства, собственность которых необоснованно подверглась обыску.

Таким образом, лишь правильно избранные, целесообразные и рационально подобранные для конкретной ситуации следственные действия, произведенные с соблюдением всех уголовно-процессуальных требований, позволят следователю получить достаточные доказательства по уголовному делу. В связи с чем, сотрудникам следственных органов следует относиться к расследованию уголовного дела более внимательно, логично и разумно, ведь по большей части от собранных в ходе расследования доказательств зависит достижение целей уголовного судопроизводства, которые выражаются в установлении истины, восстановлении и защите нарушенных прав и законных интересов участников судопроизводства, а также в назначении виновным справедливого наказания.

Литература:

1. Короленко И. И., Драгунова Е. Ю. Следственные ошибки как фактор, препятствующий осуществлению правосудия // Российский следователь — 2017 г. — № 8. С. 10–13.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // Собрание законодательства РФ — 1998 г. — № 31.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Рос. газ. 22 декабря 2001 г. — № 249.
4. Уголовное дело № 11802710009000115 по обвинению гр. Р. по ч. 1 ст. 216 УК РФ // Ишимский МСО СУ СК РФ по Тюменской области — 2018 г.
5. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (ред. от 18.04.2018) // Собрание законодательства РФ — 2004 г. — № 32.

6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ — 2006 г. — № 31.
7. Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология в вопросах и ответах. // М.: Проспект — 2011 г. — С. 139–140.

Проверка показаний на месте и следственный эксперимент: проблемы разграничения

Соболь Алина Евгеньевна, студент;
Сахарова Евгения Григорьевна, кандидат юридических наук
Тюменский государственный университет

На основе анализа специальной юридической литературы и действующего уголовно-процессуального законодательства рассмотрен вопрос о разграничении проверки показаний на месте со следственным экспериментом как наиболее сходными с тактической и процессуальной сторон следственными действиями.

Ключевые слова: следственный эксперимент; проверка показаний на месте; следственное действие; преступление; протокол; следователь; подозреваемый, обвиняемый.

Доказательственная деятельность органов предварительного расследования основывается на выполнении комплекса определенных действий по собиранию информации, выяснению обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Такими действиями являются, прежде всего, следственные. Правильный их выбор, определение последовательности и тактики их проведения для конкретной ситуации является залогом быстрого и эффективного расследования. В ином случае, например, при неправильном определении оснований их производства это может способствовать необоснованной подмене одних следственных действий другими и может повлечь утрату доказательственного значения полученных результатов.

Каждое предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством следственное действие имеет достаточно узкую сферу применения, предопределяемую характером имеющейся информации, а также конечной целью, которую требуется достичь.

В рамках статьи мы рассмотрим соотношение таких следственных действий, как проверка показаний на месте и следственный эксперимент, чтобы разграничить их. Эти следственные действия являются совершенно разными не только по своей сути, а также и по тактике и технологии их производства.

Несмотря на то, что проверка показаний на месте и следственный эксперимент относятся к «проверочным» следственным действиям, и их основной спецификой является проверка доказательственной информации по делу, для качественного расследования преступлений необходимо уметь различать их между собой.

Основным отличием обозначенных следственных действий является цель их проведения. Если основными целями проверки показаний на месте является установление места совершения преступления; выявление последовательности происходящих событий на месте преступления; установление характера действий подозреваемого; то следственный эксперимент на-

целен на более детальную проверку известных обстоятельств дела: выявление у подозреваемого лица, некоторых навыков, имеющих отношение к совершенному преступлению; установление механизма произошедших событий; установление возможности восприятия какого-либо события.

Вторым немаловажным отличительным признаком является место проведения следственного действия. Проверка показаний на месте проводится только на месте фактического совершения преступления. Следователь обязательно должен сопоставить показания лица на месте совершения преступления с особенностями этой местности, при этом фиксируя в протоколе совпадения либо не совпадения в предоставленных показаниях. Для проведения следственного эксперимента место не играет особой роли, так как следователь самостоятельно может воссоздать необходимую обстановку, которая имела место при совершении преступления, и провести в ней опыт.

Проверка показаний на месте может быть проведена исключительно с тем лицом, чьи показания проверяются. При несоблюдении этого правила проведение следственного действия будет бессмысленным, так как его суть заключается именно в проверке показаний обвиняемого, подозреваемого, свидетеля и потерпевшего. Однако, проверка показаний на месте производится только в том случае, если допрошенное лицо дало согласие на участие в данном следственном действии (ст. 194 УПК РФ). Следственный эксперимент может быть проведен с любым лицом, так как некоторые исследуемые доказательства могут быть установлены независимо от психологических возможностей обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля.

Другой отличительной чертой является процедура их проведения. Проверка показаний на месте предполагает «диалог» между следвателем и лицом, чьи показания проверяются. При воспроизведении лицом события преступления, следователь вправе задавать ему уточняющие вопросы. Здесь следо-

ватель выступает как бы активным участником следственного действия. В ходе следственного эксперимента, следователю недопустимо задавать какие-либо вопросы, он может только моделировать само действие, имевшее место в действительности. Следователь обязан пресекать действия, не имеющие отношения к делу, и направлять следственное действие к достижению поставленной цели.

Говоря об условиях проведения следственных действий, необходимо отметить, что для проведения следственного эксперимента нередко необходимо наличие таких специальных условий, как время суток, погодные условия, интенсивность освещения — это необходимо для получения достоверной информации по проверяемому событию. Проверка показаний на месте может проводиться при любых климатических и погодных условиях, не препятствующих подозреваемому правильно ориентироваться в окружающей местности.

Глава 22 УПК РФ определяет процессуальный порядок следственных действий, то есть такие требования правовых норм, которые определяют условия и порядок подготовки, производства следственных действий и оформления их результатов, а также права и обязанности их участников. Так, например, ст. 194 УПК РФ содержит в себе требования к оформлению протокола следственного эксперимента: «Протокол следственного эксперимента включает в себя описание обстановки, расположение участников при совершении преступления, характер и последовательность их действий, а также полученные в ходе эксперимента результаты» [5, с. 88]. Отличительным признаком является то, что пояснения участников следственного эксперимента в протокол не заносятся. В протоколе проверки показаний на месте, наоборот, основное внимание уделяется показаниям допрашиваемого лица, описанию поведения лица в окружающей обстановке,

сопоставляются его пояснения с конкретной обстановкой на месте и т.п.

«Следственный эксперимент может быть произведен повторно, а в необходимых случаях многократно: для большей убедительности эксперимент рекомендуется проводить в измененных условиях» [8, с. 18]. Это требование выполняется для того, чтобы избежать достижения случайного результата. Необходимость в многократном воспроизведении событий при проверке показаний на месте — отсутствует.

Из всего вышесказанного сделаем вывод, что следственный эксперимент и проверка показаний на месте представляют собой различные по своей процессуальной природе следственные действия, поскольку основания и процедура их проведения не совпадают, что, к сожалению, не всегда осознается на практике.

Как правило, допущенные в ходе следствия ошибки по правильности выбора того или иного следственного действия лишают судопроизводство важных доказательств, что иногда вообще приводит к потере возможности завершить расследование однозначным обоснованным юридическим решением. Поэтому, в рамках статьи считаем важным отметить то, что одной из важных причин в неправильном разграничении этих следственных действий, по нашему мнению, является «путаящая» формулировка определения следственного эксперимента в ст. 181 УПК РФ: «следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий» [1, ст. 181]. Как верно подмечает О.Я. Баев, следственный эксперимент предполагает совершение опытных действий, на что законодатель указать забыл. [2, с. 184]. Исходя из вышесказанного, считаем нужным внести следующие изменения в формулировку содержания ст. 181 УПК РФ: «следователь вправе произвести следственный эксперимент путем проведения опытных действий».

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 01. 04. 2019) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации. Практическое пособие / О.Я. Баев, Д.А. Солодов — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Эксмо. 2010.
3. Зуев С.В. Алгоритмы следственных действий: учебное пособие / С.В. Зуев. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет. 2014.
4. Койсин А.А. Соотношение следственного эксперимента и проверки показаний на месте / А.А. Койсин, Ю.Ю. Курьянова // Сибирский юридический вестник. 2008. № 3 (42).
5. Луценко О.А. История зарождения и становления проверки показаний на месте / О.А. Луценко // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 4.
6. Ляхов Ю.А., Луценко О.А., Чупилкин Ю.Б. Следственный эксперимент в уголовном судопроизводстве: Учебное пособие. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС. 2006.
7. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Следственные действия в российском уголовном процессе. Санкт-Петербург: СПбГИЭУ. 2015.
8. Соболевская С.И. Криминалистическая сущность содержания следственных действий // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2014. — Т. 20.
9. Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учеб. Пособие. М.: Проспект. 2007.

Правовой статус государственных учреждений

Созонова Оксана Алексеевна, студент магистратуры
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

В статье автор освещает особенности правового статуса государственных учреждений на сегодняшний день, показывает динамику их изменений, а также меры реализации, принимаемые для повышения эффективности данных учреждений.

Ключевые слова: правовой статус, государственные учреждения, динамика изменений.

Начиная с 2010 года в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 08.05.2010 N83-ФЗ правительством был обозначен ряд изменений, касающихся правового статуса государственных (муниципальных) учреждений [1]. Данные изменения были необходимы в связи с низкой эффективностью работы государственных учреждений, статус которых оставался неизменным еще со времен советской власти, и, как следствие, деятельность данных учреждений представлялась неконкурентоспособной в условиях рыночной экономики. Поясняя меры

реализации данного акта, к примеру, Министерство финансов Красноярского края пишет о том, что: «реформа бюджетной сети, прежде всего, направлена на повышение качества оказания государственных (муниципальных) услуг, снятие устаревших и избыточных ограничений в работе бюджетных учреждений, финансирование конкретного объема государственной (муниципальной) услуги, а не громоздкой сети учреждений» [2]. Так, в своих статьях Матвеев Ю.В. [3], Хайруллина И.С. [4] и другие авторы говорят о широкомасштабных мерах переходного периода 2011 года и проводят сравнительный анализ автономных, существенно изменивших правовой статус бюджетных и вновь образованных казенных учреждений. В число

Сведения о количестве государственных (муниципальных) учреждений в разрезе типов.

Тип учреждения	Количество государственных (муниципальных) учреждений		
	Субъекты Российской Федерации	Муниципальные образования Российской Федерации	Всего
Казенное учреждение	4 292	15 422	19 714
Бюджетное учреждение	29 041	145 388	174 429
Автономное учреждение	2 104	5 401	7 505
<i>итого:</i>	<i>35 437</i>	<i>166 211</i>	<i>201 648</i>

Количество учреждений субъектов и муниципальных образований Российской Федерации

Рис. 1 Сведения о количестве государственных (муниципальных) учреждений

таких изменений входят определение бюджетного учреждения, аспекты, касающиеся финансового обеспечения, права учреждения распоряжаться своим имуществом, объема ответственности учреждения и его собственников, реализации крупных сделок, публикации сведений о деятельности, возможности участия в других юридических лицах в качестве учредителя. Изменения коснулись 18 нормативных актов, в числе которых были Гражданский, Бюджетный, Налоговый кодексы РФ, Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N7-ФЗ [5] и другие. Говоря более подробно о порядке смены типа бюджетного учреждения на казенное, представляется целесообразным сделать отсылку к Федеральному закону «Об автономных учреждениях» от 03.11.2006 N174-ФЗ [6].

На рисунке 1 представлены сведения Министерства финансов РФ от 01.05.2011 о количестве государственных (муниципальных) учреждений в разрезе типов [7], созданных по итогам реализации реформы.

1 июля 2012 года завершился переходный период, установленный Федеральным законом от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (далее — Федеральный закон № 83-ФЗ), согласно докладу Минфина России в Правительство Российской Федерации от 31.08.2012 «О результатах проведения мониторинга реализации положений Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования правового положения государственных (муниципальных) учреждений» с предложениями по дальнейшему совершенствованию нормативной правовой базы в данной сфере» [8]. По итогам этого доклада было принято «постановление Правительства Российской Федерации от 05.05.2012 № 450 [9], которым установлен порядок осуществления государственными академиями наук полномочий учредителя подведомственных государственных бюджетных и автономных учреждений постановления Правительства Российской Федерации, утверждающие уставы подведомственных Правительству Российской Федерации учреждений, содержащие по-

ложения о том, кто в отношении данных учреждений должен выполнять мероприятия, предусмотренные нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации, принятыми во исполнение положений Федерального закона № 83-ФЗ». Также в докладе рассматривается вопрос делегирования функций и полномочий учредителя, вопрос о главных распорядителях бюджетных средств — наиболее значимых учреждениях науки, образования, культуры и здравоохранения, вопросы о статусе органов местного самоуправления, как казенных учреждений, формировании единого регистра государственных и муниципальных услуг (работ), порядке определения платы за оказание казенными учреждениями платных услуг (работ), корректировке размера субсидии в ходе выполнения государственного (муниципального) задания, вопросы предоставления (получения) кредитов (займов) бюджетными учреждениями, вопросы открытости и достоверности сведений об учреждениях на официальном сайте в сети Интернет и, наконец, иные вопросы совершенствования нормативной правовой базы на основе обобщения практики реализации Федерального закона № 83-ФЗ.

По словам Грушиной А. А., переход к инновационной модели развития Российской Федерации, согласно Стратегии развития РФ до 2020 года [10], должен был «стать основой функционирования не только госуправления, но и всей бюджетной системы» [11]. После 2012 года основными направлениями совершенствования системы государственных учреждений должны были стать разработка и внедрение отраслевых принципов предоставления государственных услуг различными государственными учреждениями. Однако, согласно статье РБК [12], далеко не все задуманные меры принесли успешные результаты. В этой связи Стратегия развития РФ была продлена Указом Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [13].

Подводя итог, можно сказать, что реформа о правовом статусе государственных учреждений, нацеленная на развитие качества государственного аппарата и страны в целом была осуществлена, однако, те результаты, которые были достигнуты представляют лишь первые шаги к полноценному переходу государственного аппарата в реалии рыночной экономики.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 08.05.2010 N83-ФЗ [Электронный ресурс]: Доступ из справ.—правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100193/ (дата обращения 02.06.2020).
2. Определение правового статуса учреждений. Реализация Федерального закона № 83-ФЗ [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства финансов Красноярского края. URL: <http://minfin.krskstate.ru/reforming/83fz> (дата обращения 02.06.2020).
3. Матвеев В. Ю. Изменение правового статуса учреждений в связи с принятием Федерального закона от 8 мая 2010 года № 83 // Управление образованием: теория и практика. 2011. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-pravovogo-statusa-uchrezhdeniy-v-svyazi-s-prinyatiem-federalnogo-zakona-ot-8-maya-2010-goda-83> (дата обращения: 02.06.2020).
4. Хайруллина И. С. Правовой статус учреждений меняется: больше свободы, больше ответственности // Менеджер здравоохранения. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-uchrezhdeniy-menyaetsya-bolshe-svobody-bolshe-otvetstvennosti> (дата обращения: 02.06.2020).
5. Федеральный закон от 12.01.1996 N7-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О некоммерческих организациях». [Электронный ресурс]: Доступ из справ.—правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/6153bb9e14d998bcd76afc4b4b298aca81d1c896/ (дата обращения 02.06.2020).

6. Федеральный закон «Об автономных учреждениях» от 03.11.2006 N174-ФЗ [Электронный ресурс]: Доступ из справ.—правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63635/ (дата обращения 02.06.2020).
7. Результаты мониторинга реализации положений Федерального закона № 83-ФЗ в субъектах Российской Федерации. Сеть государственных учреждений субъектов (муниципалитетов) Российской Федерации [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL: <https://www.minfin.ru/ru/performance/budget/methodology/archive/analytics/ressub/ressubnet/> (дата обращения 02.06.2020).
8. Доклад Минфина России в Правительство Российской Федерации от 31.08.2012 «О результатах проведения мониторинга реализации положений Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования правового положения государственных (муниципальных) учреждений» с предложениями по дальнейшему совершенствованию нормативной правовой базы в данной сфере» [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL: <https://www.minfin.ru/ru/performance/budget/methodology/archive/analytics/> (дата обращения 02.06.2020).
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.05.2012 № 450 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.—правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129553/ (дата обращения 02.06.2020).
10. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») [Электронный ресурс]: Доступ из справ.—правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=308069#001550105379999156> (дата обращения 02.06.2020).
11. Грушина А. А. К вопросу о правовом статусе государственных автономных учреждений // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-statuse-gosudarstvennyh-avtonomnyh-uchrezhdeniy> (дата обращения: 02.06.2020).
12. Концепция развития России до 2020 года оказалась невыполнимой. Почему разошлись траектории национальных целей 2008 года и фактического развития страны [Электронный ресурс]: Официальный сайт «Ежедневной деловой газеты РБК» URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/11/2019/5db946fb9a794742bc0d5b68> (дата обращения: 02.06.2020).
13. Указ Президента РФ от 07.05.2018 N204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]: Доступ из справ.—правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 02.06.2020).

Органы и ткани человека — объекты гражданских прав?

Степаненко Ольга Геннадьевна, кандидат социологических наук, доцент;
Кузнецова Ангелина Павловна, студент;
Минтаева Владислава Евгеньевна, студент
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

В данной статье поднимается тема о сущности правового статуса органов и тканей человека. Ставится вопрос: «Являются ли они объектом гражданских прав?».

Ключевые слова: *объекты гражданского права, органы и ткани человека, трансплантация, изъятие, вещь, предмет, биологический объект.*

This article raises the topic of the essence of the legal status of human organs and tissues. The question is raised: «Are they objects of civil law?»

Keywords: *objects of civil law, human organs and tissues, transplantation, seizure, thing, object, biological object.*

Уровень развития современной науки дает врачам возможность проводить операции по пересадке человеческих органов, таким образом, спасая тысячи человеческих жизней. Данная точка зрения больше относится к медицине, но также она интересна и для гражданского права, потому, как современные достижения науки требуют правового регулирования.

В современном мире трансплантация органов не может совершенствоваться без решения ряда проблем, нуждающихся в четком правовом толковании и регулировании, которые обеспечивают защиту конституционного права человека на охрану жизни и здоровья, на личную неприкосновенность и исключали бы возможность злоупотребления.

Таким образом, актуальность данной темы обусловлена существованием следующих проблем: во-первых, в российском законодательстве не определяется правовой статус органов и тканей человека; во-вторых, не существует более детализированного специального закона в данной области; в-третьих, отсутствует понимание, как соотносится институт трансплантации органов и тканей человека с институтами гражданского права.

В основу решения вопроса о правовом статусе органов и тканей человека легло специальное законодательство, к которому относятся такие нормативно-правовые акты (далее НПА), как федеральный закон (далее ФЗ) РФ от 22.12.92. «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [1], ФЗ РФ от 09.06.93. «О донорстве крови и ее компонентов» [2] и др. Помимо этого существует проект ФЗ «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения» [3], который будет регулировать данную сферу общественных отношений. Но все же, вышесказанные НПА не дают точного ответа, к каким же все-таки объектам гражданского права относятся рассматриваемые органы и ткани человека и относятся ли вообще. Так как отсутствует законодательное регулирование поставленного вопроса, возникла необходимость определения правового статуса органов и тканей. Для того чтобы определить правовой статус органов и тканей человека, нужно сначала ответить на вопрос: являются ли органы и ткани человека вещами?

Первоначально, нужно рассмотреть вещь как объект гражданских прав РФ. К признакам вещей относят: материальность, доступность, полезность. Органы и ткани человека, безусловно, относятся к предметам материального мира, а так же обладают полезностью, то есть свойством удовлетворения потребностей людей в здоровье. Несомненно, это утверждение не дает основания сопоставлять органы и ткани человека с вещами, поскольку биологические объекты отличаются от вещей своим особым происхождением, ведь они являются частью человеческого тела. По мнению Н. А. Маргацкой органы и ткани человека можно отнести в отдельную группу объектов гражданского права, так как перечень объектов гражданского права не является исчерпывающим. Поэтому можно считать их за самостоятельный объект гражданского права, ограниченный в обороте, к которому возможно применение правил, предусмотренных для оборота вещей в части, не противоречащей законодательным актам и существу объекта.

Однако, согласно действующему законодательству РФ, а именно ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», органы и ткани являются вещами, изъятыми из гражданского договора, отсюда мы делаем вывод, что они не являются объектами гражданско-правовых сделок, так как юридически не существует такой сделки, как купля-продажа органов и тканей человека. Но, на самом деле процесс передачи органов и тканей от посредника к покупателю подразумевает фактически сделку купли-продажи.

Так же, мы сделали акцент на такой момент: согласно ст. 2 ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» указано, что купля-продажа органов и тканей человека влечет уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ. Но в действующем Уголовном кодексе РФ нет статьи, за-

прещающей куплю-продажу органов и тканей человека [4]. Мы считаем, что отсутствие уголовно-правовой нормы чревато тем, что купля-продажа органов и тканей не наказывается, а значит, органы и ткани фактически можно отнести к объектам гражданского права.

В данном случае органы и ткани являются вещами, свободными к обороту, поскольку их оборот не регулируется ни законодательством, ни государством.

При рассмотрении органов и тканей человека как вещи необходимо определить, как применим к таким объектам институт права собственности. Части тела, не изъятые из организма, не являются самостоятельными объектами прав. Данное положение подтверждается судебной практикой. Так, в Апелляционном определении Мосгорсуда от 16 сентября 2013 г. установлены следующие обстоятельства: истец обжаловала решение суда первой инстанции, поскольку суд признал законным изъятие Городской клинической больницы органов ее дочери без предварительного согласия. Она аргументировала это следующим: «Органы человека являются целой и неделимой частью самого человека, а в течение всей жизни человек имеет право как пользования, так и распоряжения своими органами, что является одним из квалифицирующих признаков собственности. Ввиду того, что человек является полноправным собственником своих органов, то в соответствии с действующим законодательством, а именно в соответствии со ст. 1110, 1112 ГК РФ истец, считая себя единственным наследником погибшей дочери, полагает, что ответчик, произведя трансплантацию органов, нарушил ее права как наследницы всего, чем владела погибшая».

С данными доводами истца судебная коллегия не согласилась, мотивировав это тем, что органы человека действующее законодательство к вещам не относит, следовательно, они не могут входить в состав наследственной массы, в связи с чем, требования удовлетворению не подлежат [5].

Однако такая позиция в части непризнания органов человека вещами после его смерти представляется спорной, поскольку действующее законодательство фактически признает, что судьба частей тела человека может быть еще при жизни определена по усмотрению «правообладателя». Поэтому, вопрос, кому принадлежат права собственника, остается спорным.

Таким образом, можно сказать, что определение правового статуса отделенных от организма органов и тканей человека как объекта гражданских прав является не только сугубо теоретической проблемой, но и практической.

По общему правилу распоряжение личной собственностью допускается посредством совершения различных сделок. Что касается безвозмездных сделок в отношении спорных объектов, то мы можем обратиться к опыту США, где широко распространены институт так называемого «анатомического дарения». Большинство норм гражданского права, регулирующие отношения дарения, могут быть в полной мере применены к безвозмездной добровольной передаче органов человека в пользу другого лица, но с учетом специфики такого рода правоотношений мы считаем, что должен быть учтен круг субъектов, имеющих право заключать договоры по отчуждению органов, пе-

речень объектов такого договора, условия заключения такого рода договора.

Подводя итоги, можно сказать, что на данный момент ученые-юристы так и не пришли к единому мнению о правовом статусе органов и тканей человека. Однако мы считаем, что органы и ткани человека являются скорее не объектом гражданского права, а предметом, так как объектом в данном случае будет являться оказание услуг по трансплантации.

Таким образом, полагаем необходимым пересмотреть нормы, которые регулируют отношения в сфере трансплантации органов и тканей человека и считаем необходимым

признать их неотъемлемым нематериальным благом. Однако прижизненно и посмертно изъятые органы и ткани человека полагаем необходимым признать вещами в гражданско-правовом смысле, способными принадлежать правообладателю на праве собственности, т.к. это не будет противоречить специальным нормативным правовым актам и существованию такого объекта. Так же необходимо легально закрепить возможность безвозмездного отчуждения органов и тканей человека в пользу других лиц и ввести новую конструкцию гражданско-правового договора, оформляющего отношения по поводу отчуждения органов и тканей человека.

Литература:

1. Федеральный закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.92 № 4180-1-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон «О донорстве крови и ее компонентов» от 20.07.2012 № 125-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
3. Проект ФЗ «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения» № 97802181-2 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 16 сентября 2013 г. по делу № 11-27391.

Наследование авторских прав

Степаненко Ольга Геннадьевна, кандидат социологических наук, доцент;

Кузнецова Ангелина Павловна, студент;

Минтаева Владислава Евгеньевна, студент

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

В статье рассматривается вопрос применения норм наследственного и авторского права в рамках передачи по наследству авторских прав. Выявлены некоторые пробелы и спорные вопросы как в законодательном регулировании наследования авторских прав нормами гражданского законодательства, а также в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

Ключевые слова: авторские права, наследственное право, наследование, исключительное право, интеллектуальные права, автор.

The article deals with the application of the norms of hereditary and copyright law in the framework of the transfer of copyright by inheritance. Some gaps and controversial issues in the legislative regulation of inheritance of copyright norms of civil legislation, as well as in the Resolution on the inheritance of intellectual rights.

Keywords: copyright, inheritance law, inheritance, exclusive right, intellectual rights, author.

Авторские права являются неоднозначной категорией в гражданском праве. Правовому регулированию наследственных отношений посвящён раздел V Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) «Наследственное право», содержащий как общие положения о наследовании, так и нормы о наследовании отдельных видов имущества [1].

В главе 69 «Общие положения» и главе 70 «Авторское право» ГК РФ содержится небольшое количество статей, которые упоминают о наследовании авторских прав. Существует некоторые неурегулированные проблемы, которые связаны с наследованием авторских прав. Приведем несколько из них.

Авторское право при разделе наследства может достаться всем наследникам, некоторым из наследников, или одному наследнику. В том случае, когда наследников несколько, может возникнуть ситуация, когда раздел в натуре невозможен, тогда наследники прибегают к компенсации. Один из наследников кто получает авторское право на определенное произведение, должен компенсировать остальным при разделе прочих объектов наследства [2].

Спрашивается, а допускает ли законодатель деление наследства, в котором авторские права на отдельные произведения распределяются между наследниками? Допустима ли

такая ситуация, когда один наследник, к примеру, становится обладателем одного произведения, второй наследник другого произведения, третий наследник третьего произведения? ГК РФ не содержит статьи по данному вопросу. Можно сделать вывод, что такой раздел не находится в противоречии с природой авторского права, потому что, наследник получает по наследству комплекс авторских прав — личных неимущественных и имущественных. Какой мы видим выход из данной ситуации, предлагаем ввести в законодательство ограничение для наследования разными авторами. Возникают ситуации, когда необходимо создать сборники, циклы произведений.

Иногда же возникают ситуации, когда наследники вообще отсутствуют или не имеют права наследовать. Тогда в соответствии с п. 2 ст. 1283 ГК РФ «в случаях, предусмотренных статьей 1151 настоящего Кодекса, входящее в состав наследства исключительное право на произведение прекращается и произведение переходит в общественное достояние». Соответственно делаем вывод, что исключительное право будет выморочным. В ГК РФ отсутствует положение, о том, кто получит свидетельство о праве на наследование авторского права и как дальше происходит реализация государством этого права. Необходимо предусмотреть данное положение.

Помимо этого, важнейшим вопросом при наследовании авторских прав является состав наследства (какие авторские права наследуются). В соответствии с п. 1 ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят вещи, которые принадлежат наследодателю на день открытия наследства, другое имущество, включая имущественные права и обязанности. Основные трудности с определением состава наследства, связаны, с тем, переходят ли по наследству иные авторские права и какие полномочия наследников они включают. Стоит иметь в виду, что в состав наследства не входят права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя. Тогда возникает вопрос, какие же права можно считать неразрывно связанными с личностью наследодателя-автора? Э.П. Гаврилов, выделяет три права, которые стоит считать неразрывно связанными с личностью: право следования, право на получение вознаграждения авторами служебных результатов интеллектуальной деятельности, право автора музыкального произведения, включённого в аудиовизуальное произведение, на получение вознаграждения [3].

ГК РФ и ПП ВС РФ № 9 противоречат друг другу. Однако мы знаем, что постановления пленума не являются источником права. Но судьи при вынесении решений руководствуются положениями пленумов.

Пункт 91 ПП ВС РФ № 9 говорит, что «право на вознаграждение за служебные результаты интеллектуальной деятельности, причитающееся работнику — автору служебного изобретения, служебной полезной модели или служебного промышленного образца, служебного селекционного достижения переходит к его наследникам на оставшийся срок действия исключительного права» [4].

Тогда как согласно абзацу 4 ч. 2 ст. 1295 ГК РФ, «право на вознаграждение за служебное произведение неотчуждаемо и не переходит по наследству», но права автора могут наследоваться

по договору, заключенному с работодателем, помимо этого, подлежат наследованию неполученные автором доходы.

Размер и порядок выплаты авторского вознаграждения за каждый вид использования служебного произведения устанавливаются договором автора с работодателем. Такой договор носит гражданско-правовой характер, и на него распространяются общие правила о порядке заключения договоров.

Проанализировав судебную практику за последние 3 года, мы видим, что не было ни одного судебного решения по иску о признании права за служебное вознаграждение по наследству. В большинстве случаев, не только иски наследников по выплате неполученных доходов остаются неудовлетворенными, но и иски самих авторов о выплате вознаграждения за использования служебных произведений. Суд приходит к выводу об отсутствии задолженности по авторскому вознаграждению ответчика перед истцом и об отказе в удовлетворении требования о взыскании недополученного авторского вознаграждения.

Решением Сокольского районного суда Вологодской области 1 июня 2017 г. по делу № 2–663/2017 было отказано Собенину А. В. в исковых требованиях к обществу с ограниченной ответственностью «Энерго-Монтаж» об обязанности выплатить вознаграждение за использование созданных им служебных произведений. Собенин А. В. при разработке являющихся предметом спора рабочих проектов действовал по заданию работодателя, порядок оплаты за которые определен Положением об оплате труда. Размер вознаграждения определялся согласно Положению об оплате труда работников ООО «Энерго-Монтаж» в редакции от 31.03.2014 года (то есть в размере 25% от объема выполненных проектных работ без НДС и затрат на геодезию). Проанализировав материалы настоящего гражданского дела, суд пришел к выводу о правильности начисления истцу вознаграждения за созданные им служебные произведения [5].

Суд отказывает в исках, потому что работодатель выполняет возложенные на него обязанности, а именно выплачивает вознаграждение. Но не исключаются и ситуации, когда работодатель не исполняет свои обязанности, тем самым нарушает право автора.

Мы предлагаем внести изменение в абзац 4 ч. 2 ст. 1295 ГК РФ, а именно изложить ее в следующей редакции «право на вознаграждение за служебное произведение переходит к его наследникам». Мы считаем это целесообразным, для того чтобы была возможность наследников защитить права автора по заключенному договору с работодателем. В соответствии с абзацем 3 ч. 2 ст. 1295 ГК РФ «Если работодатель в срок, предусмотренный в абзаце втором настоящего пункта, начнет использование служебного произведения или передаст исключительное право другому лицу, автор имеет право на вознаграждение. Автор приобретает указанное право на вознаграждение и в случае, когда работодатель принял решение о сохранении служебного произведения в тайне и по этой причине не начал использование этого произведения в указанный срок». То есть в данном случае автор исполняет свои обязательства по созданию служебного произведения, а работодатель, используя служебное произведение нет.

Делая вывод, всему вышесказанному, хотим отметить, что в этой статье были подняты некоторые проблемы наследования авторских прав. Переход авторских прав по наследству

имеет ряд вопросов, которые остались не решенными, оптимальное решение которых видится в законодательном закреп-

лении более подробных положений о наследовании как авторских прав в частности, так и интеллектуальных прав в целом.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. 18.07.2019). [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> [Дата обращения: 21.05.2020 г.];
2. Еременко В.И. Об имущественных правах на произведения науки литературы и искусства / В.И. Еременко.— Адвокат, 2018. № 4. С. 13.
3. Гаврилов Э.О. Наследовании интеллектуальных прав / Э.О. Гаврилов.— Хозяйство и право. 2011, № 10. С. 46–57.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 23.04.2019) «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета, № 127, 06.06.2012. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> [Дата обращения: 23.05.2020 г.].
5. Решение Сокольского районного суда Вологодской области от 01.07.2017 по делу № 2–6632017. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc> [Дата обращения: 23.05.2020 г.].

Некоторые актуальные проблемы правового регулирования взаимоотношений Центрального Банка Российской Федерации с кредитными организациями

Тимофеева Анна Викторовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автором произведена попытка наиболее полно осветить некоторые актуальные проблемы правового регулирования взаимоотношений Центрального Банка Российской Федерации с кредитными организациями, предложены варианты разрешения данных проблем.

Ключевые слова: Центральный Банк Российской Федерации, кредитные организации, финансовое право, правовое регулирование.

In the article, the author made an attempt to most fully cover some urgent problems of legal regulation of relations between the Central Bank of the Russian Federation and credit organizations, and proposed solutions to these problems.

Key words: Central Bank of the Russian Federation, credit organizations, financial law, legal regulation.

Банковская система включает себя множество структурных элементов, которые взаимосвязаны, а возможно и взаимозависимы. Для более верного и детального раскрытия банковской системы необходимо, прежде всего, раскрыть используемый в настоящем исследовании понятийный аппарат.

Банковская система, в свою очередь,— один из видов системы, как отмечают зарубежные исследователи, «структуру банковской системы страны определяют два основных фактора — экономический и юридический» [3].

Банковская система России — это целостное образование, представляющее собой совокупность урегулированных нормой права форм и методов деятельности органов или организаций банковского надзора и регулирования, а также организаций, основным направлением деятельности которых является осуществление банковских операций или непосредственное обеспечение осуществления отдельных банковских операций. Субъектами банковской системы России являются Банк России, кредитные организации, в том числе банки и небанковские кредитные организации, Агентство по страхованию вкладов.

Развитие российской банковской системы в целом невозможно без анализа законодательства, регулирующего данную

сферу. Банковское законодательство России динамично формируется уже почти два десятилетия, хотя процесс принятия новых правовых документов становится все сложнее. Часто даже на внесение незначительных изменений в ту или иную статью действующего закона уходят многие месяцы согласований.

На сегодняшний день банковское законодательство насчитывает более 8500 тысяч нормативных актов различного характера и содержания. Примечательно, что многие из них противоречат друг другу, порождают пробелы и коллизии в праве, которые негативно сказываются на практике правоприменения. Ни для кого не секрет, что проблемы правового регулирования банковской деятельности в Российской Федерации сегодня, особенно в условиях кризиса и пандемии COVID-19 стоят наиболее остро.

Так с самого момента основания Центрального Банка Российской Федерации традиционными в науке и практике были и остаются дискуссионные вопросы определения его правового статуса, пределов полномочий и ответственности, который имеет черты как юридического (примечательно — негосударственного лица), так и в тоже время наделен государственно-властными полномочиями. Многие ученые отмечают сово-

купный правовой статус Банка — конституционно-правовой, финансовый, бюджетный, государственно-административный и т.д.

В федеральном законодательстве механизм согласованного регулирования денежных и кредитных отношений и система взаимосвязанных институтов отсутствуют, вследствие чего формируются условия, которые способствуют возникновению внутрисистемных противоречий. Представляется, что в целях устранения таких противоречий необходимо усилить развитие банковского законодательства, придав особое значение процессу принятия новых правовых актов, регулирующих банковскую деятельность и направленных на совершенствование правовой базы в интересах эффективной деятельности финансовых институтов [1].

Нельзя не отметить, необъяснимость следующего пробела в праве — отсутствие законодательного закрепления и правового понимания дефиниции «банковская деятельность». Отсюда получается весьма комичная ситуация — государство де-юре не знает и не понимает — какую именно деятельность осуществляют банки и в чем она выражается.

Определение терминологической базы любой сферы правового регулирования принципиально важно для понимания пределов той или иной деятельности. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-«О банках и банковской деятельности» установил правовые основы функционирования банковской системы Российской Федерации, порядок лицензирования, регистрации и ликвидации кредитных организаций, обеспечения их стабильности, гарантий банковской тайны, прав и интересов вкладчиков и кредиторов, сберегательного дела, межбанковских отношений, бухгалтерского учета, а также ведомственного надзора [1].

Правовая регламентация Центрального Банка Российской Федерации (далее — Банк России) и банковской системы в целом в материальном праве находит отражение, в первую очередь, в Конституции РФ. Центральное место в Банковской системе занимает Банк России, деятельность которого регламентирована детально в Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»

По нашему мнению, в Основном Законе РФ имеются некие разногласия, противоречия, так как именно фраза «независимо от других органов государственной власти» порождает множество споров и дискуссий вокруг правового статуса Банка России.

Так, в п. 2 ст. 3 Конституции РФ сказано, что народ осуществляет свою власть именно через органы государственной власти, которая, в соответствии со ст. 10 вышеуказанного нор-

мативно-правового акта, осуществляется путем разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

Трактование ст. 10 Конституции РФ позволяет сделать вывод, что любой государственный орган должен быть отнесен к одной из ветвей государственной власти. Однако на практике существуют некоторые органы, не относящиеся ни к исполнительной, ни к судебной, ни к законодательным ветвям власти (например, контрольно-надзорный орган Прокуратура, Счетная палата РФ и пр.).

Таким образом, можно заключить, что в Конституции не разъясняется, относится ли Банк России к каким-либо органам государственной власти, или это некий отдельный институт. Банк России не был чем-то новым, а был создан на основе уже действующих Госбанка СССР и РСФСР соответственно [4].

В определении Конституционного суда РФ от 14.12.2000 № 268-О говорится, что «статус Центрального банка Российской Федерации установлен Конституцией Российской Федерации, в ст. 75 которой определены его исключительное право на осуществление денежной эмиссии (ч. 1) и в качестве основной функции — защита и обеспечение устойчивости рубля (ч. 2). Данные полномочия по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения... Нормотворческие полномочия Банка России предполагают его исключительные права и обязанности по установлению обязательных для органов государственной власти, всех юридических и физических лиц правил поведения по вопросам, отнесенным к его компетенции и требующим правового регулирования» [2].

По нашему мнению, так как Банку России присущи полномочия государственного органа, то он не может быть признан коммерческой организацией. Также следует упомянуть, что некоторыми учеными предлагалось определить Банк России как государственную корпорацию, однако он таковой являться не может в силу того, что обладает государственно-властными полномочиями.

Таким образом, следует заключить, что Банк России не относится ни к одному из органов ветвей власти, однако обладает особым конституционным публично-правовым статусом, наделяющим его самостоятельностью и независимостью, а также возможностью принятия нормативно-правовых актов в подведомственной ему сфере. Также следует подчеркнуть, что описываемый орган нельзя определить к иной ветви власти, которую невозможно выделить при наличии всего одного органа, имеющего свои исключительные специфические черты. В связи с вышеизложенным, определим Банк России к органам государственной власти, не относящемуся ни к одной из ветвей власти.

Литература:

1. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 06.06.2019) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 05.02.1996. № 6, ст. 492; 10.06.2019, № 23, ст. 292.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2.
3. Рид. Э Коммерческие банки / пер. с англ. М., 2015.
4. Рождественская Т. Э. Банковское право: Учеб. пособие. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2015.

Проблемные вопросы правоприменения статьи 145.1 УК РФ

Тодосейчук Дмитрий Олегович, студент магистратуры
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

В работе исследуются вопросы развития законодательного регулирования ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ, а также проблемы, возникающие при практической деятельности как судов, так и следственных органов, в этой сфере, предлагаются определенные пути решения данных проблем, для совершенствования правового механизма привлечения к уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовно-правовая ответственность, ст. 145.1 УК РФ, заработная плата, стипендии, пособия, пенсии, иные социальные выплаты, проблемы правоприменения, суды, следственные органы, доказывание.

Key words: criminal liability, pensions, wages, article 145.1 of the Criminal code of the Russian Federation, other social payments, investigative authorities, courts, proving.

На сегодняшний день можно уверенно утверждать, что уровень преступлений, которые связаны с невыплатой не только заработной платы, но и различных пенсионных начислений, пособий, стипендий, или других установленных законом выплат, остается очень высоким. Помимо того, что для России, преступления такого рода не являются чем-то «особенным», главным все же, остается то, что эти преступления посягают на большой массив прав и свобод, которые установлены в Конституции Российской Федерации [1] (далее — Конституция РФ) (например, ст. 39, ст. 37 Конституции РФ). За нарушения данных конституционных прав и свобод граждан предусмотрена как административная ответственность (например, ст. 5.27, 5.41 КоАП РФ), так и уголовно-правовая ответственность по ст. 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее — УК РФ). В силу этого, главным для правоохранительных органов является именно предупреждение и пресечение этих преступлений, и для выполнения своей основной функции должен быть стабильный правовой механизм привлечения к ответственности по ст. 145.1 УК РФ.

Изначально, к моменту принятия УК РФ в 1996 году, в нем отсутствовала норма о привлечении к ответственности за нарушение одних из фундаментальных прав и свобод граждан. Ст. 145.1 появилось в УК РФ только спустя 3 года — в 1999 году, ввиду всплеска таких событий в 1990-х годах. И норма звучала отлично от настоящей редакции, в отношении срока и субъектного состава.

Но и введение в действие данной статьи абсолютно не решило данную проблему. Число преступлений, совершенных по ст. 145.1 УК РФ, увеличивалось с каждым годом. Например, в 1999 году в стране было зарегистрировано лишь 44 преступления, в 2004 г. по ст. 145.1 УК РФ было зарегистрировано уже 1724 таких преступления, а к 2009 г. число преступлений уже превысило 2000. [3, с. 33] Не идеальная ситуация, согласно исследованиям складывалась и с точки зрения судебной практики, и только в 2010 году с принятием поправок в УК РФ, законодательно были решены вопросы, которые препятствовали полноценной работе данной статьи — а именно, был конкретизирован срок не выплаты, и увеличен список лиц, специальных субъектов преступления.

Но, к сожалению, на практике, до сих пор возникает большое количество вопросов, связанных с применением ст. 145.1 УК

РФ, и не все проблемы данного состава были решены принятием поправок.

В частности, как в судебной практике, так и в научных кругах очень часто поднимается вопрос [4, с.288] доказывания факультативного признака субъективной стороны данного состава преступления — а именно корыстного мотива, или личной заинтересованности, которые предусмотрены непосредственно в диспозиции ст. 145.1 УК РФ.

Так, целесообразно воспользоваться понятийным аппаратом Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [5], исходя из которого, можно сказать, что корыстные побуждения — деяние, предусмотренное ст. 145.1 УК РФ, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц, или избавления от материальных затрат. Иная же личная заинтересованность, согласно другому Постановлению Пленума [6] можно охарактеризовать как выгоду неимущественного характера, обусловленную карьеризмом, семейственностью и др.

В отличие от убийства, в котором признак мотива является образующим только для квалифицированного состава (ч. 2 ст. 105 УК РФ), здесь, в ст. 145.1 УК РФ, он предусмотрен во всех частях данной статьи, и без него, лицо невозможно привлечь к уголовной ответственности по данной статье.

Это порождает огромное количество проблем как на этапе судебного правоприменения, так и при работе других правоохранительных органов. Например, Московский городской суд в кассационной инстанции отменил своим определением приговор мирового судьи, и постановление апелляционной инстанции [7], именно на основании того, что отсутствовал состав преступления. Этот, и многие другие случаи указывают на то, что не выполняется одна из основных целей уголовного закона — наказания, и лица, совершающие данные преступления просто остаются безнаказанными.

Говоря именно о работе иных правоохранительных органов, которым данная конструкция диспозиции не позволяет в полной мере сосредоточиться на доказывании самого деяния, а не на мотив, то многое ложится именно на плечи следователей.

Так, обвинительное заключение по делу о преступлении, которое предусмотрено ст. 145.1 УК РФ должно содержать: те имущественные выгоды, для реализации которых виновное лицо

не выплачивал данные платежи (пособия, заработная плата, и др.), либо, в случаях иной личной заинтересованности немущественные выгоды. Будет недостаточным установить лишь мотив, нужно его еще и конкретизировать. Именно данное обстоятельство «тормозит» следственные и другие органы, во многих случаях просто не позволяя подвести, хотя и фактически совершенные действия к составу статьи 145.1 УК РФ.

Также, в юридической литературе присутствует мнение о несоответствии санкции данного преступления его общественной опасности. Так, Калугина Е. А. в своем исследовании [8], приходит к выводу о том, что в судебной практике, зачастую, за деяния, предусмотренные ст. 145.1 УК РФ, применяется такая санкция как штраф, и только в очень редких исключениях — лишение свободы. В большинстве своем, от 10 тысяч рублей — 120 тысяч рублей, по части первой данной статьи. Во-вторых, помимо этого, суды в некоторых случаях по результатам уголовного дела назначают санкцию в размере как при административном правонарушении. Это, не соответствует принципам уголовного закона, а именно неотвратимости и соразмерности, справедливости наказания за уголовные преступления, что в свою очередь влияет прямым образом на падение авторитета власти в глазах населения.

Для решения данной проблемы, предлагается исключить из статьи 145.1 УК РФ, такой вид наказания как штраф, либо, кардинальным образом изменить его нижний и верхний предел, увеличив их соответствующим образом, для того, чтобы потенциальные нарушители не нарушали конституционные права граждан. Изменив санкцию данной статьи, будет решено сразу несколько вытекающих из нее проблем, а именно: во-первых, полностью будут соблюдены принципы наказания (ст. 43 УК РФ), и справедливости (ст. 6 УК РФ), во-вторых, это будет способствовать более ярким способом предупреждения данного рода преступлений.

Помимо этого, некоторые авторы отмечают большую сложность самого процесса выявления данных преступлений. Во многом это связано с периодами невыплаты как заработной платы (так и иных платежей), и доказыванием сумм, которые не были выплачены потерпевшим. Помимо прочего, хочется отметить и тот факт, что преступления, предусмотренные ст. 145.1 УК РФ, являются преступлениями небольшой тяжести (срок давности которых составляет 2 года, согласно ст. 78 УК РФ), и вследствие их небольших сроков, следственным органам предстоит совершить огромное количество работы, за крайне непродолжительный временной промежуток.

В случаях с различными денежными выплатами, обычно, требуются различного рода бухгалтерские или финансовые судебные экспертизы, которые, как правило, проводятся достаточно долго, помимо этого, следователь должен проводить допросы, установить определенные факты (наличие трудовых отношений, наличие наступления страхового случая по социальному страхованию, оснований для выплаты иных социальных выплат, и многое другое), и подготовить целый пакет документов (журнал регистрации приходных и расходных средств, бухгалтерские документы, и иные документы, подтверждающие позицию обвинения), что в своей совокупности, занимает огромное количество времени.

Все это, в сумме с сложностью установления обязательного признака субъективной стороны (мотива), приводит к проблеме не просто сложности квалификации по данному составу того или иного деяния, но и к строго ограниченному временным рамкам, ведь сроки давности начинают исчисляться не с момента возбуждения уголовного дела, а с момента последнего эпизода преступления, и с учетом нагрузки и всех трудностей, делает восстановление справедливости по таким важным делам практически нереальным.

Так, еще в 2010 году данный вопрос поднимался президентом, на послании Федеральному собранию. Тогда, было указано на необходимость внесения изменений в данную статью, именно акцентируя внимание на достаточно спорном вопросе о корыстном мотиве, или личной заинтересованности. По мнению Д. А. Медведева, следовало расширить данную статью в практическом плане, исключив данные признаки из обязательной части состава преступления.

Этот вопрос, как уже было сказано выше очень часто поднимается также и в научных кругах, и среди практикующих должностных лиц правоохранительных органов. Так, например, по мнению Л. Г. Мачковского, «существуют опасения, что виновный может заявить, что им движет не корысть или месть, а «ложно понятая производственная необходимость», и, соответственно, вследствие этого, он не может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ [9, с.33].

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, с учетом всех проблем, и возникающих сложностей с доказыванием и установлением корыстной заинтересованности, или иной личной заинтересованности, при квалификации деяния по ст. 145.1, считаю оправданным отказ от таковой конструкции диспозиции статьи (и всех ее частей), и в частности этого признака.

На мой взгляд, целесообразным является следующий вариант диспозиции «Частичная невыплата свыше трех месяцев заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат, руководителем организации, работодателем — физическим лицом, руководителем филиала, представительства или иного обособленного структурного подразделения организации», что решит многие практические проблемы правоприменения, а вследствие этого, также, обеспечит должной защитой граждан, чьи права и свободы были затронуты такими действиями.

На мой взгляд, логических, правовых или иных барьеров, для отказа в использовании данной формулировке нет. Макаров Д. Ю. в своей статье подмечает, что в случаях, если объективно отсутствует возможность для совершения данных выплат (зарплаты, пособий, и др.), в частности отсутствия финансирования в бюджетных организациях, банкротства организации или индивидуального предпринимателя, то в данных случаях речь следует вести об отсутствии вины в принципе, и, следовательно, об отсутствии состава преступления, что не позволяет вообще привлекать к ответственности руководителя организации, обособленного структурного подразделения организации или работодателя — физического лица [10].

Помимо этого, также, предлагается внести изменения и в санкцию статьи 145.1 УК РФ, полностью исключив (или

повысив нижний и верхний предел), такого вида наказания как штраф. Это обусловлено тем, что правоприменительная практика судов, в большинстве своем, исходит именно из назначения штрафа как основного вида наказания по ст. 145.1 УК РФ. Это в свою очередь, порождает несколько проблем, а именно: «безнаказанность» лиц, виновных в совершении преступлений по данному составу, в силу того, что общественная опасность данного деяния в корне не соответствует общественной опасности преступления, а также потому, что не выполняется ни частная, ни общая превенция совершенных преступлений, а также не соблюдаются основопола-

гающие принципы уголовного права — справедливости и соразмерности наказания.

На мой взгляд, указанные изменения не только усовершенствуют правовой механизм привлечения к ответственности по ст. 145.1 УК РФ, но и упростят работу всех правоохранительных органов, которые задействованы в делах по данным преступлением. А также самое главное, что не только в теории, но и на практике будут исполняться основные принципы уголовного права, а также у граждан, чьи права нарушены будет больше правовых возможностей для защиты своих основных конституционных прав и свобод.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) / Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, №31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ [в ред. федерального закона РФ от 07.04.2020 № 112-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Эффективность уголовно-правовых гарантий реализации права на оплату труда и получение установленных законом выплат (ст. 145.1 УК РФ) // Российский следователь. 2016. № 19. С. 32–35.
4. Колосова В. И. Мотив как криминообразующий признак преступления, предусмотренного статьей 145.1 УК РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 3–1. С. 286–290.
5. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/>
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. №19 г. Москва «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». //URL: <https://rg.ru/2009/10/30/postanovlenie-vs-dok.html>
7. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 27 декабря 2010 г по делу. № 22–16358. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/59512007/>
8. Калугина Е. А. Обзор практики возбуждения следственными органами уголовных дел по ст. 145.1 УК РФ (на основании материалов государственной инспекции труда) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2018. № 2
9. Мачковский Л. Г. Охрана личных, политических и трудовых прав в уголовном законодательстве России и зарубежных государств. М., 2004. С. 33
10. Макаров Д. Ю. Корыстная или иная личная заинтересованность при совершении преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2013. № 19 (120).

Некоторые вопросы невыплаты социальных пособий по статье 145.1 УК РФ

Тодосейчук Дмитрий Олегович, студент магистратуры
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

Проводится анализ состава преступления по ст. 145.1 УК РФ, раскрывается понятие социального пособия. Акцентируется внимание на определение субъекта, объекта субъективной стороны преступления. Рассмотрены некоторые проблемы их определения.

Ключевые слова: социальное пособие, субъект и объект преступления, тяжкие последствия.

Key words: social benefits, subject and object of the crime, grave consequences.

Всеобщей декларацией прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, устанавливается, что все люди, как члены общества, имеют право на социальное обеспечение и осуществление необходимых для поддержания его достоинства и свободного развития его личности прав в эконо-

мической, социальной и культурной областях посредством национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства [1].

В России же началом активизации и становления социальной политики справедливо можно считать период при-

нения положений Конституции Российской Федерации в декабре 1993 года. В связи со сложной социально-экономической обстановкой в стране и необходимостью обеспечения конституционного права граждан на оплату труда, Федеральным законом от 15 марта 1999 г. № 8-ФЗ «О дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 145.1» [2] закреплена ст. 145.1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность в случае если срок невыплаты руководителем предприятия, учреждения или организации независимо от формы собственности заработной платы, пособий, стипендий, пенсий и иных установленных законом выплат из корыстной или иной личной заинтересованности превысит два месяца.

В настоящие дни в экономике России существуют явные проблемы противодействия невыплатам заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат, которые приобретают большую значимость. В условиях, когда у значительной части населения кардинальным образом ограничиваются возможности по удовлетворению материальных потребностей, невыплата зарплаты, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат обостряет и без того незавидное материальное положение многих граждан, в связи с инфляцией, ростом цен на товары и услуги, платными медициной и образованием.

Изменения в УК РФ не решило насущную проблему получателей выплат. Согласно статистическим данным, приведенным Л. А. и М. Л. Прохоровыми, число преступлений, квалифицируемых по ст. 145.1 УК РФ, увеличилось. Так, в 1999 г. в стране было зарегистрировано лишь 44 преступления, к 2004 г. зафиксировано уже 1724 таких преступления, а в 2009 г. число преступлений превысило 2000. Перспективы разрешения дел подобной категории в правоприменительной практике оставляли желать лучшего: в суд попадали 30% дел, из которых только по 14% дел выносились обвинительные приговоры [3, с.33].

Число преступлений по ст. 145.1 УК РФ не перестает убавляться. Многие авторы связывают подобную ситуацию с нестабильной экономической обстановкой.

Борис Титов, являющийся омбудсменом РФ по защите предпринимателей, связывает большое количество преступлений, по ст. 145.1 с состоянием российской экономики:

«...Минэкономразвития говорит о переходе к умеренному экономическому росту, уголовные дела продолжают расширяться. С 2013 года число «зарегистрированных преступлений» выросло в 6 раз — с 397 до 2332 — и ситуация продолжает ухудшаться...» [4, с.4–5].

Большая часть авторов проводят свои исследования по данной теме обходя ряд альтернативных действий, предусмотренных данной статьей, стороной, ограничиваясь лишь таким предметом как заработная плата. Это на мой взгляд неправильно, ведь бланкетная диспозиция ст. 145.1 предусматривает помимо заработной платы пенсии, пособия, стипендии и иные выплаты. Именно поэтому, в первую очередь, хотелось бы уделить внимание такому предмету преступления, как социальные пособия.

Для начала стоит отметить, что же представляют из себя социальные пособия. Так, в соответствии с Федеральным законом «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 24.04.2020) социальные пособия — это безвозмездное предоставление гражданам определенной денежной

суммы за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что они представляют собой одну из разновидностей форм социального обеспечения Российской Федерации. Представляют собой регулярные (пенсии), или же разовые (материнский капитал), из средств различных фондов (социального страхования, пенсионного фонда, и т.д.), или из государственного бюджета. Помимо денежной формы, могут состоять и в натуральной помощи (например, продуктами, лекарствами и др.). Это является главным отличительным признаком социальных пособий от заработной платы и иных выплат.

Говоря о законодательно закреплённом определении потенциального субъекта преступления, по признаку «невыплаты социальных пособий», следует отметить, что он — всегда специальный. Помимо того, что он всегда имеет отношение к государственному органу, лицом, которое можно привлекать всегда является руководитель организации, работодатель — физическое лицо. В.Ю. Малахова утверждает, что «в данном случае речь идет о лицах, которые в соответствии с законодательством и внутренними нормативными актами организации уполномочены принимать решения о выплате заработной платы, пенсий и иных выплат» [5]. С.П. Костылев предлагает в диспозиции ч. 1 ст. 145.1 УК РФ слова «руководителем организации, работодателем — физическим лицом» заменить словами «обязанным или уполномоченным лицом», что, по его мнению, улучшит качество применения данной статьи. [6 с. 53]

При квалификации такого элемента состава преступления как субъект, нужно в первую очередь отметить, что социальные пособия выплачивает не работодатель, а различные государственные органы такие как фонд социального страхования, пенсионный фонд, и другие.

Говоря об объекте посягательства, следует в первую очередь определить, на каким именно общественным отношениям угрожает данное деяние. Так, можно определить, что объектом преступления, установленного ст. 145.1 УК РФ выступают общественные отношения, которые обеспечивают права граждан на получение социальных пособий, в силу их социальной защищенности (старость, болезнь, инвалидность, и другое).

Некоторые авторы рассматривают объект преступления данного состава, только в его прямой связи с предметом преступления (социальных пособий), и это не обосновательно. Ведь предмет преступления закреплён в диспозиции ст. 145.1 УК РФ.

В юридической литературе часто встречаются предложения об изменении названия ст. 145.1 УК РФ для унификации понятий различного рода выплат. Так, Е.И. Сокоева предлагает такое название ст. 145.1 УК РФ «Невыплата социальных выплат» [8, с. 10].

Объективная сторона основного состава преступления в редакции Федерального закона от 23 декабря 2010 г. № 382-ФЗ выражается в частичной невыплате свыше трех месяцев указанной выше сумм (ВИ). При этом под частичной невыплатой в соответствии с примечанием к ст. 145.1 УК РФ понимается осуществление платежа в размере менее половины подлежащей суммы [9 с.190].

Нерешенным остается проблема понимания термина, закреплённого в ч. 3 ст. 145.1 УК РФ, а именно «тяжкие последствия». Сложность его толкования заключается прежде всего

в том, что данное понятие носит оценочный характер, и не закрепляется и не толкуется ни законом, ни пленумом Верховного суда. Исходя из этого, под тяжкими последствиями можно понимать что угодно, вред здоровью, повреждение имущества, смерть, утрату трудоспособности и многое другое. Сходная конструкция находится, к примеру, в ст. 131 УК РФ, и Пленум по данным делам дает ответ на этот вопрос, что к тяжким последствиям может относиться самоубийство или попытка самоубийства потерпевшего [10]. На мой взгляд, такое толкование не подойдет к данному составу, в ст. 131 это обусловлено особенностями психологического состояния потерпевших, вследствие преступления. Преступление, предусмотренное ст. 145.1 УК РФ не сравнимо с ним по данному критерию.

Рассматривая субъективную сторону данного состава преступления, следует отметить, что диспозиция к обязательным ее признакам относит корыстную, или иную личную заинтересованность, исходя из чего можно сделать вывод что данное преступление всегда характеризуется прямым умыслом. Корысть, выступающая как мотив совершения преступления по мнению Б. С. Волкова, «означает, что в основе побудительных причин общественно опасного деяния лежит стремление получить какую-нибудь материальную выгоду, пользу» [11 с.45]. Личная же заинтересованность может проявляться в любом нематериальном благе, которое желает получить преступник при совершении им деяния (карьеризм, установление личных связей, кумовство, избавление от неудобных работников, и многое другое).

Для установления личной заинтересованности лица в совершенном им преступлении, следует учитывать определенные обстоятельства его совершения. Именно в их установлении состоит большая проблема. Это обусловлено в первую очередь тем, что тяжело установить, когда заинтересованность лица в невыплате социальных пособий становится преступной, и также, установление того, что эта заинтересованность касается именно пособий, а не других действий.

Для решения данной проблемы в научной литературе приводятся обоснованные мнения о том, что необходимо сравнивать личный интерес и общественный. В случаях, если личный интерес ставится выше общественного, это означает что преступный мотив однозначно присутствует. Данный анализ позволяет отличать личный интерес, совершаемый людьми при осуществлении ими сознательных действий, от того интереса, который имеет под собой преступную основу [12, с. 20].

Также, следует отметить, что данные действия будут образовывать состав преступления ст. 145.1 только в тех случаях, когда невыплата социальных пособий имела место при наличии фактической возможности сделать это. Во всех других случаях, состав преступления будет отсутствовать.

Правонарушения именно в социальной сфере относятся к числу одних из самых опасных, в свете того, что они затрагивают интересы большого количества граждан России, которые, к тому же, являются социально-незащищенными.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека (Всеобщая декларация прав человека / Принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.

Большая часть следственных и судебных органов, применяя ст. 145.1 УК РФ, сталкивались с большим количеством вопросов, которые требовали разрешения. Однако, отсутствие распространенной судебной практики по делам, связанной с невыплатой социальных пособий, эти вопросы долгое время были неразрешенными. Следует отметить, что этому способствует рассмотрение данной категории дел в особом порядке судебного разбирательства.

25 декабря 2018 г. Верховный Суд РФ осуществил толкование применения положений ст. 145.1 УК РФ в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [13].

Среди проблем, возникающих в судебной практике, значительную роль играет вопрос о субъектном составе статьи 145.1 УК РФ. В ней субъектом преступления обозначено строго определенное лицо — работодатель.

В целом вся норма акцентирует внимание на невыплату заработной платы, так как в диспозиции нормы она стоит в первом ряду. Вследствие чего уголовно-правовая исследованность невыплаты именно социального пособия крайне мала. В связи с чем в дальнейших своих исследованиях хочу предложить уголовно-правовую и криминологическую характеристику невыплаты социальных пособий.

В настоящее время существуют значительные проблемы в сфере оплаты труда, различных выплат, производимых в соответствии с законом, в том числе пособий, пенсий, стипендий, о чем могут свидетельствовать статистические данные. Так, по сведениям Росстата, на 1 января 2020 г. на долги, образовавшиеся в 2019 г., приходится 992,7 млн рублей (47,0%), в 2018 г. — 495,1 млн рублей (23,4%), в 2017 г. и ранее — 626,4 млн рублей (29,6%), общая итоговая задолженность по заработной плате составила 2114,2 млн рублей. В Хабаровском крае итоговая задолженность составила 30,4 млн рублей, от суммы общей задолженности, в ДВФО это является вторым показателем после Приморского края с общей задолженностью в 56,8 млн рублей [14 с.]

Таким образом, при определении субъекта преступного посягательства, стоит обратить внимание в первую очередь на правовую природу невыплаченных сумм, так как определение субъекта напрямую зависит от правильной квалификации объекта и предмета преступного посягательства. Вопросы возникают при определении предмета преступления, диспозиция статьи предусматривает «пособия и иные выплаты», к какой категории стоит относить социальные пособия? Невыплата социальных пособий по ст. 145.1 представляется недостаточно изученной в юридической литературе, возможно причина этой ситуации кроется в недостаточности судебной практики и акцентировании авторов на проблеме невыплаты заработной платы, являющееся актуальной в любое время.

2. О дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 145.1: Федер. закон от 15 марта 1999 г. № 48-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 11. Ст. 1255.
3. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Эффективность уголовно-правовых гарантий реализации права на оплату труда и получение установленных законом выплат (ст. 145.1 УК РФ) // Российский следователь. 2016. № 19. С. 32–35.
4. Титов Б. Ю. Доклад «уголовное преследование по экономическим делам — 2017» — 15с., [Электронный ресурс] режим доступа: <http://president-sovet.ru>
5. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В. Ю. Малаховой. М.: Эксмо, 2010. 752 с. 359
6. Костылев с. П. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 145. 1 уголовного кодекса Российской Федерации (невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат).— Юридическая наука и правоохранительная практика, № . 4 (14), 2010, С. 49–53.
7. Татьянанина, Л. Г. Установление предмета и объекта преступления при доказывании невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ) / Л. Г. Татьянанина, Е. А. Калугина.— Вестник Удмуртского университета. Серия 2.— 2016.— Вып. 3.— С. 93–96.
8. Соктоева Е. И. Уголовная ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат: по материалам судебной и прокурорской практики Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук.— М., 2005.— 22 с.
9. Бикеев А. А., Талан М. В. Общественная опасность нарушения правил установления и выплаты заработной платы и социальных выплат.— Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, № . 4, 2012, С. 187–195.
10. Пункт 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Росийская газета.— 12 декабря 2014.— № 284.
11. Волков Б. С. Мотивы преступления.— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982.— 152 с.
12. Варанкина Ю. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых из корыстной или иной личной заинтересованности (на примерах судебно-следственной практики по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 145.1 УК РФ) // Уголовное право. 2008. № 6. С. 17–22.
13. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.
14. О просроченной задолженности по заработной плате на 1 января 2020 года: режим доступа: www.gks.ru

«Снятие корпоративной вуали» в российском праве

Третьякова Алёна Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Есенова Валентина Петровна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Проблема злоупотребления субъективными правами является одной из наиболее значимых в современном частном праве и носит не только теоретический, но и практический характер. Наибольшие дискуссии вызывает правовая категория «злоупотребление законом». В настоящей статье рассматриваются правовые механизмы борьбы со злоупотреблениями корпоративными правами: обход закона и раскрытие корпоративных завес. Также были проанализированы дела, связанные с вышеупомянутыми механизмами.

Ключевые слова: корпоративное право, корпорация, корпоративные правоотношения, снятие корпоративной вуали, злоупотребление, недобросовестные участники гражданского оборота.

«Removing the corporate veil» in Russian law

The problem of the abuse of subjective rights is one of the most significant in modern private law and is not only theoretical but also practical. The legal category of «abuse of the law» is the most controversial. This article examines the legal mechanisms for combating the abuse of corporate rights: circumvention of the law and disclosure of corporate veils. Cases related to the above-mentioned mechanisms were also analyzed.

Keywords: corporate law, corporation, corporate relations, removal of corporate veil, abuse, unscrupulous participants in civil trafficking.

Как известно, в основе развития корпоративных правоотношений лежит принцип независимости юридического лица

и его ограниченной ответственности за свои обязательства. Тем не менее, защита интересов участников и членов корпорации,

а также контролирующих ее лиц, в виде «корпоративной вуали» не является абсолютной. В случаях злоупотребления корпоративными правами (когда компания используется для совершения незаконных, мошеннических действий и фактически не имеет независимости), учредители (участники) лишаются привилегии «корпоративной завесы» и привлекаются к ответственности судом за долги или обязательства компании. Эта процедура называется «удаление корпоративной вуали» [3].

С переходом к рыночной экономике и принятием Гражданского кодекса Российской Федерации в 1994 г. принцип ограниченной ответственности учредителей (участников) юридического лица по его обязательствам стал важнейшим и основополагающим принципом функционирования юридических лиц. В качестве необходимого условия для развития бизнеса этот принцип, в условиях недобросовестного поведения, действий и решений субъектов гражданского оборота, противоречит принципу полного восстановления нарушенного права корпорации, кредиторы юридического лица не получают то, что они ожидают при вступлении в договорные отношения с этим юридическим лицом [1]. Таким образом, в России возникла проблема злоупотребления принципом ограниченной ответственности юридического лица.

Необходимость реализации этой доктрины в российском гражданском законодательстве еще в 2009 г. упоминалось в Концепции развития Гражданского кодекса Российской Федерации. В частности, было предложено ввести субсидиарную ответственность учредителей, участников, бенефициаров и других лиц, которые имеют возможность определять решения по сделкам, совершенным юридическим лицом перед его контрагентами по сделке.

Специальная статья об ответственности лиц, контролирующих юридическое лицо, по обязательствам последнего (статья 53.4 ГК РФ) также присутствовала в законопроекте о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ, подготовленном в соответствии с Концепцией развития Гражданского кодекса Российской Федерации [4]. Эта статья, в которой была предпринята попытка ввести доктрину «снятия корпоративной завесы», была исключена из законопроекта о внесении изменений в Гражданский кодекс России при подготовке ко второму чтению. Однако, с 05 мая 2014 г. частью 3 статьи 53.1 Гражданского кодекса РФ установлена ответственность лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания единоличному исполнительному и коллегиальным органам юридического лица (части 1 и 2). В случае согласованных действий указанные лица несут солидарную ответственность. Более того, любые соглашения об ограничении ответственности ничтожны. Таким образом, законодатель хоть и с осторожностью, но реализует доктрину «снятия корпоративной завесы» в российском законодательстве.

В России проблема «снятия корпоративной завесы» является одной из самых обсуждаемых тем в юридическом сообществе. Суды, применяя такой механизм, не всегда используют данную терминологию в судебных решениях. Исключением является решение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2012 г. № 16404/11 по делу Parex Bank

по иску российского ООО «Олимпия» к латвийским «Парекс-банку» и «Цитадель-банку» о взыскании суммы по договору депозита и процентов по нему. В рассматриваемом деле центральными вопросами являются определение юрисдикции и вопрос о том, создал ли латвийский банк представительство в Российской Федерации в результате своей деятельности.

Согласно материалам дела, осуществлялась банковская деятельность на территории Российской Федерации через офисы и филиалы, которые не были должным образом аккредитованы Центральным банком Российской Федерации в соответствии с российским законодательством. Однако были оборудованы специальные офисы, адреса которых были указаны в документах, в рекламной информации и на официальном сайте банка в качестве его представительства [5].

В результате клиенты компаний формируют представление о том, что эти представительства в России являются законными. Суд отметил, что отсутствие официального символа представителя банка не означает, что ответчик не имеет фактической деятельности в России. Однако жалоба была отклонена, поскольку договор был подписан в Латвии с центральным банком, а не через представительство. Хотя снятие завесы компании широко использовалось в этом случае, важность этого решения нельзя недооценивать. Фактически, Высший Арбитражный Суд РФ одобрил подход, принятый в России, чтобы снять защиту компании [2].

Верховный Суд РФ (после ликвидации в 2014 году Высшего Арбитражного Суда РФ) так и не сформировал своих позиций по этой важной проблематике. Интересным является Определение Конституционного Суда РФ [6], в котором подробно проанализированы правовые связи основного и дочернего юридических лиц (в контексте снятия «корпоративной вуали»), данную проблему отличает сложность и недостаточная урегулированность в законодательстве.

Конституционный Суд РФ признал, что «установление различного порядка для защиты прав лиц, изначально обладающих разными возможностями по отстаиванию своих интересов (исходя из их правового положения, особенностей создания и функционирования и оснований ответственности), дифференцирование механизмов управления дочерними обществами, а также закрепление возможности возложения на акционерные общества, являющиеся основными («материнскими») обществами, ответственности за действия лиц, выдвинутых ими в состав исполнительных органов дочерних обществ» должны быть установлены федеральным законодательством. Выявленные в Определении проблемы не решены до настоящего времени.

В судах общей юрисдикции, значительно реже, чем в арбитражных судах, но доктрина также применялась при рассмотрении гражданских споров. В недавнем случае кипрская компания Dalemont Limited пыталась взыскать с российского бизнесмена с. большую сумму, которую он был должен российскому банку. В январе 2012 года Мещанский районный суд взыскал задолженность с банка и в обмен на его погашение вернул несколько десятков объектов недвижимости. Однако имущество принадлежало не самому предпринимателю, а нескольким российским ООО, предположительно контролируемым им.

Суд пришел к выводу, что «через всех юридических лиц, участвующих в деле в качестве ответчиков, с. осуществляет бенефициарное владение имуществом, то есть он является фактическим владельцем имущества, к которому истец обратился с просьбой о взыскании». Исходя из этого, взыскание задолженности физического лица взималось с активов юридических лиц. Кроме того, на основании того же вывода был решен вопрос о юрисдикции спора в суде общей юрисдикции (а не в арбитражном суде, как настаивали общества) [2]. Насколько правильно была определена компетенция Мещанского районного суда по рассмотренному спору, вызывает вопросы, (поскольку речь шла о корпоративных отношениях с участием коммерческих корпораций в предпринимательской сфере), но все они находятся за пределами настоящей работы.

Можно сделать вывод, что российское законодательство закрепляет определенные элементы доктрины удаления корпоративной завесы («снятия корпоративной вуали») и, скорее всего, в ближайшие годы рассматриваемая доктрина должна более активно применяться судами.

Положения Гражданского кодекса Российской Федерации, обязывающие участников гражданского оборота действовать добросовестно, а также запрет на извлечение преимуществ из своего недобросовестного поведения, положения касающиеся злоупотребления правом (статья 10), могут служить правовой основой для применения в России доктрины «раскрытия корпоративной завесы» или «снятия корпоративной вуали». Однако суды нуждаются в ясных нормативных правовых положениях, которые должны регулировать весь спектр сложных корпоративных правоотношений. В сфере реализации доктрины «раскрытия корпоративной завесы» положения Гражданского кодекса РФ, которые во многом воспроизведены в законодательстве об обществах, явно недостаточны.

Литература:

Литература:

1. Асосков А. В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 122.
2. Гольцблат А., Трусова Е. Снятие корпоративной вуали в судебной и арбитражной практике России // Закон. 2013. № 10.
3. Канашевский В. А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 27–38.
4. Подшивалов Т. П. Злоупотребление корпоративными правами: участие в гражданском обороте номинальных и операционных юридических лиц // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 13.
5. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. 2-е изд. М., 2015. 456 с.
6. Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании »Ланкренан Инвестментс Лимитед« на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 3 статьи 6, пункта 1 статьи 71, пункта 2 статьи 84 Федерального закона »Об акционерных обществах« и пункта 4 статьи 393 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 08.04.2010 № 453-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

Причинение смерти по неосторожности: теория и практика

Унагаев Егор Иванович, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Статья посвящена вопросам теории и практики причинения смерти по неосторожности, приводится анализ действующего законодательства и примеры из судебной практики.

Ключевые слова: причинение смерти по неосторожности, легкомыслие, небрежность, уголовное законодательство, приговор.

Стремительное развитие научно-технического прогресса создаёт наряду с благами и новые вызовы обществу. В таких условиях преступления, связанные с причинением смерти по неосторожности, являются серьёзной проблемой для современного общества, т.к. в промышленное производство и иные сферы жизнедеятельности человека внедряются новое оборудование, механизмы и иные источники повышенной опасности.

Право на охрану жизни и здоровья гарантировано Конституцией РФ. Поэтому Уголовный кодекс РФ содержит нормы, охраняющие безопасность жизнедеятельности, жизнь и здоровье человека как высшую ценность.

Уголовный кодекс РФ 1996 года содержит статью об ответственности за причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) вместо «неосторожного убийства», оставшегося в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года. Однако стоит отметить, что само понятие «причинения смерти по неосторожности» в уголовном законе не раскрывается.

Современный УК РФ определяет убийство как умышленное причинение смерти другому человеку. В отличие от убийства, причинение смерти по неосторожности хоть и выпадает из категории убийств, может быть совершено либо по легкомыслию, либо из небрежности. В обычной жизни подобные преступления, квалифицируемые по части 1 ст. 109 УК РФ, как пра-

вило происходят при неправильном обращении с оружием, несчастных случаях на охоте, в быту, при неосторожном взаимодействии с источниками повышенной опасности под управлением человека, нередко в состоянии алкогольного опьянения.

Так, приговором Усть-Илимского городского суда Иркутской области от 04 марта 2019 года осужден гражданин Т., который будучи в состоянии алкогольного опьянения находился совместно с гражданином Е. в коридоре квартиры, где проявляя преступную небрежность, не предвидя возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия, зная, что органы шеи относятся к жизненно-важным частям тела человека, и их повреждение может повлечь наступление негативных последствий для здоровья человека, вплоть до наступления смерти, не имея умысла на причинение смерти Е., в ходе прощания своей правой рукой взял за правую руку последнего, после чего своей левой рукой обхватил шею Е. по задней поверхности, и с силой прижал того к своему телу, при этом подбородок Е. был прижат к его левому плечу. В ходе сдавливания шеи потерпевшему были причинены телесные повреждения, он упал на пол, не смог подняться, был госпитализирован и умер через сутки в стационаре. [4]

Часть 2 ст. 109 УК РФ предусматривает ответственность за «причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей». [1]

Под ненадлежащим исполнением обязанностей виновным понимается поведение лица, которое полностью или частично не соответствует официальным требованиям, предъявляемым к нему при выполнении профессиональных функций (медперсонал, электрик, оператор строительной дорожной техники и др.).

Следует отметить, что эта квалификационная формулировка не ограничивает предметную область, а уточняет субъект преступления. Законодательный орган отделил простую небрежность, повлекшую смерть человека по неосторожности от неосторожного причинения смерти конкретным лицом, которое выполняет свои профессиональные обязанности и несёт повышенный риск и ответственность.

Так, приговором Усть-Илимского городского суда Иркутской области от 20 февраля 2018 года осуждён гражданин Л.,

являясь трактористом-машинистом, работая на должности асфальтоукладчика, находясь в состоянии алкогольного опьянения, управляя катком с неисправной тормозной системой, зная о неисправности, не предприняв необходимых действий в соответствии с инструкцией, допустил скатывание катка с проезжей части на пешехода, в результате чего последний погиб на месте. [3]

Часть 3 статьи 109 УК РФ предусматривает ответственность за причинение смерти по неосторожности двум и более лицам. Однако стоит обратить внимание, что в уголовном законе не рассматривается момент соучастия, так называемого сопричинения смерти по неосторожности, и разграничение ответственности в зависимости от степени участия.

Приговором Карымского районного суда Забайкальского края от 28 ноября 2018 года осуждена гражданка И., которая по просьбе нескольких лиц, выдала им для употребления внутрь в качестве спиртосодержащей продукции техническое моющее средство, предназначенное только для наружной обмывки локомотивов в зимний период, зная это. В результате чего трое граждан скончались от отравления метиловым спиртом. [2]

Таким образом, анализ теории и практики рассматриваемого состава приводит нас к некоторым выводам:

1. Уголовно-правовая регламентация ответственности за причинение смерти по неосторожности и сама конструкция статьи 109 УК РФ нуждаются в дальнейшем совершенствовании;
2. Причинение смерти по неосторожности как один из видов неосторожной преступности нуждается в определении и установлении чётких пределов ответственности. Причинение смерти по неосторожности может быть определено как деяние, нарушающее различные правила безопасности, в результате чего наступают последствия в виде смерти другого человека, наступления которой виновный либо не желал, либо вообще не предвидел такой возможности.
3. Предлагается разделить причинение смерти по неосторожности на 3 вида: а) бытовое причинение смерти по неосторожности; б) профессиональное причинение смерти по неосторожности; в) причинение смерти по неосторожности, не связанное с профессиональной деятельностью субъекта;
4. Комплекс мер по предупреждению причинения смерти по неосторожности должен основываться на общесоциальном предупреждении.

Литература:

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: (в ред. от 07. апр. 2020 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан. — М., 2019. — Доступ из локальной сети Науч. б — ки Байк. гос. ун — та.
2. Приговор Карымского районного суда Забайкальского края от 28 ноября 2018 года по делу № 1-274/2018. [Электронный ресурс] // ГАС Правосудие — Электрон. дан. — [Б. м.], 2006–2020. — URL: <https://karyumsk — cht.sudrf.ru/> (дата обращения: 05.03.2020).
3. Приговор Усть-Илимского городского суда Иркутской области от 20 февраля 2018 года по делу № 1-50/2018. [Электронный ресурс] // ГАС Правосудие — Электрон. дан. — [Б. м.], 2006–2020. — URL: <https://ust-ilimsky — irk.sudrf.ru/> (дата обращения: 05.03.2020)
4. Приговор Усть-Илимского городского суда Иркутской области от 04 марта 2019 года по делу № 1-92/2019. [Электронный ресурс] // ГАС Правосудие — Электрон. дан. — [Б. м.], 2006–2020. — URL: <https://ust-ilimsky — irk.sudrf.ru/> (дата обращения: 05.03.2020)

Уголовно-правовая характеристика торговли людьми

Фалькова Валерия Алексеевна, студент магистратуры
Петрозаводский государственный университет

В статье проводится краткий уголовно-правовой анализ состава преступления, предусмотренного статьей 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор приходит к выводу о том, что торговля людьми представляет собой одно из наиболее опасных форм преступной деятельности, имеющей транснациональный характер. Проводится характеристика основных элементов состава преступления.

Ключевые слова: торговля людьми, состав преступления, рабство, проституция, эксплуатация, транснациональная организованная преступность.

В настоящее время торговля людьми признается на доктринальном и законодательном уровне одним из наиболее опасных транснациональных преступлений, представляющих серьезную угрозу для общества.

По международным оценкам, ежегодно в мире от преступлений, связанных с торговлей людьми для различных целей, страдают свыше 40,3 млн мужчин, женщин и детей. Из них, свыше 24 миллионов привлекаются к рабскому труду, 15,4 млн состоят в принудительных браках. Денежные средства, выручаемые в результате торговли людьми, направляются на финансирование террористической и экстремистской деятельности. При этом, особо уязвимой категорией потерпевших от торговли людьми, являются женщины и дети (свыше 70% от общего числа) [6].

Статья 127.1 «Торговля людьми» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) введена Федеральным законом № 162-ФЗ от 08.12.2003 г. Официальные статистические сведения отечественной судебной практики по данной статье сравнительно невысоки. Так, с 2003 года по ч. 1–3 ст. 127.1 УК РФ привлекается к уголовной ответственности не более 30 лиц в год [2]. Однако, это скорее свидетельствует о высокой степени латентности анализируемого преступления, чем о ее относительной нераспространенности.

Формирование отечественного уголовного законодательства основано на общепринятых принципах, сформулированных в международных документах. Понятия рабства и торговли людьми закреплены в ст. 1 Женевской конвенции относительно рабства 1926 года, в ст. 4 Всеобщей декларации прав человека 1948 года установлен запрет на рабство в любых формах. Многие положения относительно рабства закреплены положение содержится в Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 года.

Перейдем к уголовно-правовой характеристике состава преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ. Непосредственным объектом торговли людьми являются общественные отношения, обеспечивающие свободу личности. В качестве дополнительных объектов преступления могут выступать общественные отношения по защите жизни и здоровья [3].

С объективной стороны торговля людьми выражается в активных действиях, перечисленных в диспозиции ст. 127.1 УК РФ. К таким действиям относится купля-продажа и иные сделки «предметом» которых является человек, вербовка, пере-

возка, передача, укрывательство или получение совершенные для последующей его эксплуатации. Наличие или отсутствие согласия потерпевшего на совершение указанных действий для квалификации по ст. 127.1 УК РФ значения не имеет [4].

Термины «купля-продажа», «вербовка», «перевозка», «передача» и «укрывательство» используемые в диспозиции анализируемой нормы, раскрываются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N58 [1].

Под куплей-продажей рассматриваются сделки, при которых человек передается от одного лица к другому за определенную плату. Ответственность в соответствии с рассматриваемой статьей наступает как для продавца, так и для покупателя. В качестве средства платежа возможно рассматривать любое имущество, обладающее признаками материальной ценности [5].

Иные сделки, помимо купли-продажи предполагают обмен, дарение, передачу в виде исполнения или прекращения обязательств лица, осуществляющего продажу человека или иные действия, направленные на реализацию имущественных интересов лиц, между которыми данная сделка производится.

Вербовка подразумевает совокупность действий (поиск, отбор и найм) для дальнейшей эксплуатации потерпевшего. Данные действия могут совершаться как на территории РФ, так и в иностранном государстве. При этом, потерпевший может быть поставлен в материальную зависимость, шантажирован, обманут, в отношении него может применяться физическое или психическое насилие и т.д.

Перемещение человека, в том числе, с использованием любого вида транспортных средств в места предполагаемой эксплуатации рассматривается как его перемещение.

Передача имеет место при предоставлении потерпевшего одним лицом другому для осуществления иных действий, охватываемых объективной стороной торговле людьми.

Укрывательство заключается в сокрытии потерпевшего от органов власти, лиц, состоящих с ним в родственных связях, а также иных заинтересованных лиц, в том числе, путем сообщения ложных сведений о его местонахождении. Способ укрывательства не имеет значения для уголовно-правовой оценки.

Состав преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ сконструирован законодателем по типу формального. Преступление считается оконченным с момента совершения любого из действий, охватываемых его объективной стороной вне зависимости от наступления общественно опасных последствий.

Торговля людьми с субъективной стороны характеризуется виной в форме прямого умысла. При этом, лица, осуществляющие вербовку, перевозку, передачу, получение человека, преследуют специальную цель, состоящую в последующей эксплуатации потерпевшего.

Термин «эксплуатация» для целей анализируемой статьи является законодательным и приводится в пункте 2 примечания к ней.

Проституция предполагает оказание сексуальных услуг за определенную плату.

В анализируемой статье предусмотрены и иные виды сексуальной эксплуатации: использование видеоматериалов или фо-

тографий для изготовления материалов порнографического характера и т.д.

Субъект торговли людьми общий — физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Подводя итог краткой уголовно-правовой характеристике, отметим, что торговля людьми является одним из наиболее опасных видов преступной деятельности, имеющим транснациональный характер и требующим координации действий правоохранительных органов на международном уровне. Правильная квалификация действий виновного в торговле людьми способствует защите прав и основных свобод личности, а также, реализации основных принципов уголовного права.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N3, март, 2020.
2. Официальные статистические сведения Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2003–2019 годы. Форма № 10-а [Электронный ресурс] // Доступ: sder.ru (Дата обращения: 22.05.2020).
3. Полянская Е. М. Об объекте и предмете использования рабского труда и торговли людьми // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2013. № 1 (36). С. 453–456.
4. Рахимов М. С. Объективная сторона торговли людьми // В сборнике: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке Материалы XII международной научно-практической конференции. Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. С. 544–547.
5. Фазилов И. Ю. Анализ вопросов, возникающих при квалификации торговли людьми в форме купли-продажи человека // В сборнике: Государство и право. Актуальные научные проблемы. Рассмотрение, решение, практика Сборник научных докладов. 2015. С. 69–72.
6. Global slavery index [Электронный ресурс] // Доступ: <https://www.globalslaveryindex.org/> (Дата обращения: 22.05.2020).

Актуальные проблемы определения объекта преступления в механизме уголовно-правовой охраны жизни и здоровья пациентов

Федорова Анастасия Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Разгильдиев Бяшир Тагирович, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В статье предлагается рассмотреть проблемы определения объекта преступления в механизме уголовно-правовой охраны жизни и здоровья пациентов, что является весьма актуальным в связи со сложившейся ситуацией мировой пандемии коронавируса. Автору видится, что в процессе реализации медицинских услуг значительно ущемляются права пациентов, что создает актуальность темы статьи. В ходе исследования автор затрагивает аспекты неурегулированности данной правовой отрасли, применяя при этом методы анализа, синтеза и сравнения. По итогам исследования автор приходит к выводу о необходимости совершенствования правоотношений субъектов здравоохранения.

Ключевые слова: здравоохранение, коронавирус, пациент, медицинский работник, преступление.

Actual problems of determining the object of crime in the mechanism of criminal law protection of life and health of patients

Fedorova Anastasia Andreevna, student

Scientific adviser: Razgildeev Bashir Tagirovich, doctor of legal sciences, professor
Saratov State Law Academy

The article proposes to consider the problem of determining the object of crime in the mechanism of criminal law protection of life and health of patients, which is very relevant in connection with the current situation of the world coronavirus pandemic. The author sees that in the process of implementing medical services, the rights of patients are significantly infringed, which creates the relevance of the topic of the article. In the course

of the research, the author touches upon the aspects of the lack of regulation of this legal branch, using methods of analysis, synthesis and comparison. Based on the results of the research, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve the legal relations of healthcare subjects.

Keywords: healthcare, coronavirus, patient, medical worker, crime.

В правовом пространстве важное значение имеет эффективное функционирование норм регулятивного характера в сфере уголовно-правовой охраны жизни и здоровья пациентов. Нельзя забывать о том, что именно нормы уголовного права являются одними из самых эффективных мер воздействия на противоправные деяния. Наиболее частыми нарушениями прав пациента являются:

- не оказание своевременно медицинской помощи;
- отказ от оказания медицинской помощи;
- неквалифицированная и ненадлежащая медицинская помощь;
- халатность медработника.

Особо остро данный вопрос встал в рамках мировой пандемии коронавируса, когда смертность в разы превышает обычные показатели, а количество «больных коронавирусом» зашкаливает, когда машины скорой помощи не успевают на вызовы, а при поступлении в больницу пациент сталкивается с множеством трудностей и бюрократической волокитой. Часты случаи в возникшей ситуации с неправильной диагностики заболеваний, статистику изменяют в зависимости от потребностей чиновников, больницы стремятся увеличить количество койко-мест для коронавирусных больных, сокращая при этом койко-места, находящихся в обслуживании остальных больных, только по причине большего финансирования медучреждений, профиль работы которых подпадает под борьбу с коронавирусной инфекцией.

Заголовки в СМИ пестрят явными правонарушениями прав больных с размещением, не соответствующим никаким санитарным и этическим нормам, отказ в госпитализации пациентов, отказ в более тщательной диагностике, не редки случаи и правонарушений, приводящих к летальным исходам пациентов, так были пострадавшие от некачественных аппаратов ИВЛ из-за которых произошел пожар и погибли люди. Практика следственных органов пестрит частыми случаями обращения граждан с заявлениями на незаконное ограничение свободы вследствие незаконной госпитализации в медицинскую организацию, при чем здесь не только психиатрические клиники, а так же роддома, в которых роженица не может выйти на улицу или встретиться с родственником, и обычные клиники, закрытые для посещения родственниками стационарных больных.

Говоря о иных заболеваниях, можно отметить случаи заражения ВИЧ-инфекцией в больницах, посредством использования нестерильного материала. Отмечается всплеск проникновения преступности и в сферу клинических исследований лекарственных препаратов и биомедицинских экспериментов, трансплантации, косметологии и пластической хирургии.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Таким образом причин правонарушений, ведущих к уголовной ответственности, можно назвать множество и конечно все это пропорционально увеличивается с ростом количества заболевших.

Описывая непосредственный объект преступления, совершаемых медработниками вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей можно назвать общественные отношения, которые «обеспечивают жизнь и здоровье конкретного больного» [3]. Так же бытует точка зрения, что в преступлениях, предусмотренных ст. 105–125 УК РФ [1] объектом выступают интересы по охране жизни и здоровья человека [2].

Ученые стремятся исследовать объект общественно опасных деяний (в форме как действия, так и бездействия) медработников с точки зрения частных интересов базируясь при этом на аргументах, воспроизводящих отношения пациента и сотрудником медучреждения, в данном случае не имеет значение какого уровня клиника (федеральная, муниципальная или вообще частная).

Цель пациента получить качественную медицинскую помощь, достаточную либо требуемую диагностику организма, в случаях неполучения требуемой помощи, пациент чаще всего обращается в контролируемые органы.

Возникающую проблему взаимосвязи частных интересов пациента и объективных критериев уголовно-правовой охраны может решить теория, относительно сути которой — объект преступления — это общественный интерес. Природу интереса можно представить как категорию, отличную от общественных отношений, элементом которых он выступает.

Охрана общественных отношений в рамках уголовного права обеспечивается только писанным нормам позитивного законодательства, проблемы составляет неурегулированность множества вопросов, касаемых поведения врача в тех или иных ситуациях, правоприменитель не может полагаться при квалификации деяния только лишь на нормы неписанного кодекса медицинской этики, показаний пациента или совести врача. Отсутствие законодательной регламентации правового статуса медработников и пациентов сокращает уровень правоотношений между субъектами, переводя их в неправовое поле.

Следует отметить, что практически бессильным будет уголовный закон в данной ситуации, который не может определить критерии оказания профилактической или диагностической деятельности врача. Таким образом, надлежит совершенствовать законодательный уровень в области регулирования прав и обязанностей субъектов отношений в рамках охраны жизни и здоровья.

2. Коробеев А.И. Неоказание помощи больному// Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2007. № 1–2. С. 35.
3. Мыц Я.А. Оставление в опасности в уголовном праве России: автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2007 г. С. 18.

Правовой статус обществ с ограниченной ответственностью по современному российскому законодательству

Цаликова Марина Борисовна, кандидат юридических наук, доцент;
Лолаев Эдуард Черменович, студент магистратуры
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

Общество с ограниченной ответственностью — одна из самых распространенных форм юридического лица, которая относится именно к субъектам малого предпринимательства. В статье были проанализированы вопросы правового положения общества с ограниченной ответственностью и предложены некоторые пути решения.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, имущественная обособленность.

Гражданский кодекс Российской Федерации посвятил обществу с ограниченной ответственностью целый слой особых норм, прописанных в статьях 87–94, в тоже время включил в статьи 66–68 совместные правила для любых хозяйственных обществ и товариществ.

Российским гражданским законодательством зафиксированы неотъемлемые признаки юридического лица, которые в своей совокупности позволяют признавать такую организацию самостоятельным субъектом гражданских правоотношений.

Таковыми признаками являются:

- организационное единство;
- имущественная обособленность;
- самостоятельная имущественная ответственность по своим обязательствам; выступление в гражданском обороте и при разрешении споров в судах от собственного имени.

Для конкретики всей организационных особенностей обществ с ограниченной ответственностью этого, безусловно, недостаточно.

Многие пункты этого акта были приняты во внимание при разработке Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ, в котором впервые в современном российском праве предоставлена детальная, полностью соответствующая актуальной необходимости упорядочивание правового положения обществ с ограниченной ответственностью.

В частности, термины «хозяйствующий субъект» и «предприятие» для описания субъектов малого и среднего бизнеса представляются не совсем правильными оттого, что они употребимы и для некоммерческих организаций, целью которых не представляется извлечение систематического дохода [9].

Функционирование обществ с ограниченной ответственностью регламентируется в таком порядке.

Главный источник законодательства — это, конечно, Конституция Российской Федерации и Гражданский Кодекс Российской Федерации. Следующий уровень регулирования — это Закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» [4],

который во многом сопоставим с законом «Об акционерных обществах» [5].

К третьей ступени правового регламентирования можно отнести особые законы, нормирующие деятельность таких отраслей экономики, как страховая, банковская и инвестиционная. Специфичность деятельности обществ с ограниченной ответственностью в этих отраслях экономики, скорее всего, должна регулироваться законами, изначально определяющими условия работы в обозначенных видах деятельности, а во вторую уже очередь признаками общества как избранной формы предпринимательства.

Таким образом, правовой статус обществ с ограниченной ответственностью определяется при помощи как общих норм, применяемых для всех юридических лиц, так и специальных, содержащихся в Гражданском Кодексе РФ и Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью». [6]

«Обществом с ограниченной ответственностью признается хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли; участники общества с ограниченной ответственностью не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им долей». [1]

Из ст. 87 «Об обществах с ограниченной ответственностью» особенностями общества с ограниченной ответственностью являются:

- уставный капитал, состоящий из долей его участников, размеры которых указываются в уставе;
- уставный капитал полностью может быть сформирован только вкладами участников;
- участники общества рискуют только размерами своих вкладов;
- общество с ограниченной ответственностью может состоять из одного или нескольких лиц, в том числе и юридических лиц.

«Уставный капитал общества с ограниченной ответственностью (статья 66.2) составляется из номинальной стоимости

долей участников. Не допускается освобождение участника общества с ограниченной ответственностью от обязанности оплаты доли в уставном капитале общества. Оплата уставного капитала общества с ограниченной ответственностью при увеличении уставного капитала путем зачета требований к обществу допускается в случаях, предусмотренных законом об обществах с ограниченной ответственностью». [2]

Даже обозначение «общество с ограниченной ответственностью» не совсем корректное и четкое, ведь по закону общество по своим принятым обязательствам отвечает всем принадлежащим ему имуществом.

Участники общества с ограниченной ответственностью лишь несут некоторый риск убытков от действий самого общества, но не ответственность за его деятельность.

Действует такое общество в соответствии с уставом и учредительным договором, участники присваивают такому обществу собственное наименование, в котором в обязательном порядке указывают организационно-правовую форму.

Учредительным документом общества с ограниченной ответственностью является его устав.

«Число участников общества с ограниченной ответственностью не должно превышать пятьдесят. В противном случае оно подлежит преобразованию в акционерное общество в течение года, а по истечении этого срока — ликвидации в судебном порядке, если число его участников не уменьшится до указанного предела. Общество с ограниченной ответственностью может

быть учреждено одним лицом или может состоять из одного лица, в том числе при создании в результате реорганизации». [3]

Основными признаками общества с ограниченной ответственностью являются следующие:

1. Коммерческая организация, учрежденная с целью получения прибыли.
2. Хозяйственное общество, которое объединило капиталы участников в уставный капитал. Поэтому участники общества не обязаны участвовать лично в ежедневной экономической деятельности данного общества.
3. Общество учреждается одним или несколькими физическими и юридическими лицами. При выборе формы юридического лица для ведения совместного бизнеса именно эта возможность и является наиболее интересной. Это своего рода стало новеллой для российского законодательства.
4. Общество — это юридическое лицо, в котором участники имеют только обязательственные права. Общество имеет на праве собственности имущество, являющееся либо вкладом участников, либо приобретенное обществом самостоятельно в результате сделок по иным основаниям.
5. Общество, владеющее уставным капиталом, разделенным на определенные доли, утвержденные Уставом общества.
6. Общество, участники которого не несут ответственности за возникшие у общества обязательства, а рискуют лишь стоимостью своих вкладов.
7. Организация, имеющая устойчивую структуру.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // Собр. законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32., ст. 87
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. действующая с 01.01.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.08.2018) // Собр. законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32, ст. 90
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. действующая с 01.01.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.08.2018) // Собр. законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32, ст. 88
4. Закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 N14-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 7.
5. Закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 N208-ФЗ // «Российская газета» от 29 декабря 1995 г. N248, в Собрании законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. N1
6. Закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 N14-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 7.
7. Буров В. Ю., Мага А. А., Флешлер А. А. Проблемы кредитования субъектов малого предпринимательства, осуществляющих инновационную деятельность. — Чита, 2012.
8. Гафарова Я. В. Проблемы правового положения субъектов малого и среднего предпринимательства // Молодой ученый. — 2019. — № 3. — С. 234–239.
9. Ершова И. В. Современное предпринимательское право. Общие положения и перспективы. Издательство: Проспект, 2014.

Особый порядок судебного разбирательства уголовных дел в отношении несовершеннолетних: Пекинские правила и национальное законодательство

Цыбикова Сэсэг Александровна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассматривается закрепленное в Международных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правилах), требование устранения ненужных задержек при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. В качестве одного из вариантов реализации данного стандарта автором предлагается предоставление несовершеннолетним обвиняемым при их согласии с предъявленным обвинением права на рассмотрение уголовного дела в особом порядке принятия судебного решения.

Ключевые слова: Пекинские правила, особый порядок, международные стандарты, ускорение судопроизводства, несовершеннолетний подсудимый.

Интеграция России в международное сообщество предполагает приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами, в том числе в сфере защиты прав и обеспечения гарантий личности. Международные стандарты, на которые ориентируются не только отдельные государства, но и мировое сообщество в целом, являются обобщенным представлением о правах и свободах человека и гражданина, выражением общих ценностей всего человечества в соответствии с современным состоянием права и юридической науки, а также развитием идеалов законности и гуманности [1, с.26], и органично вплетаются в представления российского общества о справедливом государстве.

Особого внимания среди них заслуживают созданные на базе принципов Всеобщей декларации прав человека, Международных пактов о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), которые были приняты в 1985 году на VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Пекинские правила нацеливают государства-участники на «оказание максимального содействия обеспечению благополучия несовершеннолетних, что сведет до минимума необходимость вмешательства со стороны системы правосудия в отношении несовершеннолетних, и, в свою очередь, уменьшит ущерб, который может быть нанесен каким-либо вмешательством вообще» [7].

Согласно Пекинским правилам правосудие в отношении несовершеннолетних должно являться составной частью процесса национального развития каждой страны в рамках всестороннего обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних (п. 1.4). В связи с этим заслуживает внимания правило 20 «Устранение ненужных задержек», согласно которому любое дело несовершеннолетнего с самого начала следует вести быстро, не допуская каких-либо ненужных задержек, с целью минимизации негативного воздействия, которое претерпевает несовершеннолетнее лицо в ходе производства по уголовному делу. В качестве одного из вариантов реализации

данного положения в отечественном уголовном процессе предлагается распространить на несовершеннолетних возможность рассмотрения уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Если обратиться к УПК РФ, то можно проследить, что производство по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, осуществляется в общем порядке, установленном частями второй и третьей УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными главой 50 УПК РФ (ч. 2 ст. 420 УПК РФ). В части третьей УПК РФ расположена глава 40, регулирующая особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Ни в главе 50, ни в других главах УПК РФ не содержится запрета применения особого порядка принятия судебного решения по ходатайству несовершеннолетнего обвиняемого.

Однако, разъясняя данное положение, Пленум Верховного Суда РФ указал, что закон не предусматривает применение особого порядка принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого [8]. Вывод о невозможности применения такого порядка к несовершеннолетним обвиняемым следует и из содержания п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства при рассмотрении уголовных дел».

Нечеткая законодательная позиция в решении данного вопроса привела к отсутствию единообразной судебной практики по применению особого порядка судебного разбирательства при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2019 г. дела в отношении 191 несовершеннолетнего рассматривались в особом порядке судебного разбирательства при согласии с предъявленным обвинением, еще в отношении 3 несовершеннолетних — в случаях досудебного соглашения о сотрудничестве [9].

В теории уголовного процесса также отсутствует единое мнение по указанному вопросу. Ряд авторов отстаивают позицию, что не стоит наделять несовершеннолетнего обвиняемого правом на заявление ходатайства о постановлении приго-

вора без судебного разбирательства. Например, В. В. Горюнов утверждает, что «как досудебное, так и судебное производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних должно осуществляться с соблюдением всех гарантий их прав, что возможно лишь при проведении полномасштабного расследования и несовместимо с использованием упрощенных процедур» [2, с. 42].

В вышеназванном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 1 февраля 2011 г. указано, что правосудие в отношении несовершеннолетних правонарушителей должно быть направлено на то, чтобы применяемые к ним меры воздействия обеспечивали максимально индивидуальный подход к исследованию обстоятельств совершенного деяния (п. 3), судебные процессы по делам о преступлениях несовершеннолетних должны иметь воспитательное значение, особое внимание следует уделять их профилактическому воздействию (п. 44). При рассмотрении уголовного дела судом в особом порядке, по мнению Поповой Е. И., выполнение всего вышеуказанного невозможно, поскольку такой порядок подразумевает сокращенное судебное следствие [3, с. 133].

Противоположного мнения придерживается В. В. Дьяконова, рассуждая о необходимости использования потенциала особого порядка судебного разбирательства [4, с. 77]. Она отмечает, что в нарушение конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом, в силу запрета на рассмотрение уголовного дела в отношении несовершеннолетних в особом порядке, несовершеннолетние помимо ускоренного производства по уголовному делу лишены возможности существенно снизить возможную меру наказания (по его результатам подсудимому назначается наказание, не превышающее две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания). Соответственно, несовершеннолетние поставлены в неравное процессуальное положение по сравнению с совершеннолетним обвиняемым.

Следует отметить, что при рассмотрении уголовного дела в особом порядке по ходатайству несовершеннолетнего обвиняемого какие-либо нарушения его прав и законных интересов отсутствуют, поскольку ему в обязательном порядке предоставляется защитник (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ), обеспечивается участие законного представителя (ст. ст. 426, 428 УПК РФ), а при допросе — педагога или психолога (ст. ст. 191, 425 УПК РФ), имеется возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания (ст. ст. 430–432 УПК РФ) и прекращения уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ). Требования ст. 421 УПК РФ об установлении таких дополнительных обстоятельств как условия жизни и воспитания, уровень психического развития несовершеннолетнего, влияние на него старших по возрасту лиц, а также воспитательная направленность уголовного процесса могут быть обеспечены и при рассмотрении уголовного дела в особом порядке.

Так, выявление влияния на несовершеннолетних старших по возрасту лиц является уточнением требования об установлении виновности лица, формы его вины и мотивов (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), остальные положения — конкретизацией общего требования об установлении обстоятельств, характеризу-

ющих личность обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) [5], которые могут быть исследованы в особом порядке судебного разбирательства (ч. 5 ст. 316 УПК РФ). Кроме того, в целях максимальной индивидуализации возможного наказания и эффективного воспитательного воздействия на несовершеннолетнего участники судебного разбирательства вправе задавать вопросы об обстоятельствах, характеризующих личность несовершеннолетнего.

Необходимо отметить, что, применяя упрощенные процедуры уголовного судопроизводства, не следует забывать о рационализации процесса и необходимости принятия справедливого решения, что на наш взгляд, невозможно при рассмотрении уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Это связано с тем, что правовые последствия более тяжких преступлений серьезнее, чем то негативное воздействие, которое может быть оказано на подростка вследствие более длительного и сложного судебного разбирательства, но при котором гарантии прав подсудимых будут обеспечены наиболее полно. Поэтому, на наш взгляд, в особом порядке принятия судебного решения могут быть рассмотрены только уголовные дела в отношении несовершеннолетних, обвиняемых в совершении преступления небольшой и средней тяжести.

Также стоит обратить внимание на то, что изъятия, предусмотренные главой 50 УПК РФ, распространяются на лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, то есть на момент судебного разбирательства лицо с учетом сроков давности, установленных УК РФ, может быть значительно старше 18 лет. Соответственно, уголовные дела в отношении таких лиц не могут быть рассмотрены в особом порядке принятия судебного решения. В связи с достижением такими лицами возраста совершеннолетия их невозможно направить в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, неэффективным является применение к таким лицам принудительных мер воспитательного воздействия. Таким образом, лица, совершившие преступление в несовершеннолетнем возрасте и достигшие к моменту привлечения их к уголовной ответственности возраста совершеннолетия, оказываются в менее благоприятной ситуации, чем и несовершеннолетние, и взрослые обвиняемые.

В связи с этим в юридической литературе высказаны мнения о наделении правом на рассмотрение уголовного дела в особом порядке лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, но к окончанию ознакомления с материалами дела или к предварительному слушанию, когда оно является обязательным, достигших возраста 18 лет [6]. Однако, на наш взгляд, в связи с необходимостью ускорения судебного разбирательства, обеспечения принципов справедливости, равенства граждан перед законом и судом, целесообразно применить такой процессуальный институт как особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением ко всем несовершеннолетним, обвиняемым в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, что может стать одним из направлений уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних.

Литература:

1. Ермишина Н. С. Европейские стандарты в области прав человека и их роль в обеспечении прав личности в российском уголовном процессе: дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н. С. Ермишина. — Саратов, 2012. — 234 с.
2. Горюнов В. В. Вопросы реализации прокурором полномочий по заключению досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам о коррупционных преступлениях // Государственная власть и местное самоуправление. — 2012. — № 10. — С. 40–42.
3. Попова Е. И. О недопустимости применения в отношении несовершеннолетних норм об особом порядке принятия судебного решения (гл. 40 и 40.1 УПК РФ) // Судья. — 2015. — № 7. — С. 131–135.
4. Дьяконова В. В. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. В. Дьяконова. — Екатеринбург, 2005. — 226 с.
5. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: Постатейные комментарии и книги. 2013. (дата обращения: 31.05.2020)
6. Прусс А. Р. О праве несовершеннолетних обвиняемых на выбор особого порядка судебного разбирательства // Российский следователь. — 2017. — № 21. — С. 31–33. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.05.2020)
7. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс]. — URL: [http://www. businesspravo.ru/DocumShow_DocumLD_3232.html](http://www.businesspravo.ru/DocumShow_DocumLD_3232.html) (дата обращения: 30.05.2020).
8. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февр. 2011 г. № 1 // Российская газета. 2011, 11 февр.
9. Статистические данные Судебного департамента при Верховном суде РФ [Электронный ресурс] — URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 30.05.2020).

Уголовная ответственность и ее основание

Шальгина Людмила Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Цепляева Галина Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Петрозаводский государственный университет

Уголовная ответственность является особой разновидностью юридической ответственности, представляет собой сложный юридический феномен, реализующийся в ряде форм, предусмотренных уголовным законом. В Уголовном кодексе РФ часто употребляется термин «уголовная ответственность», но в законодательстве его содержание не определяет. В науке уголовного права этот вопрос является одним из самых дискуссионных и сложных. Понятие уголовной ответственности тесно связано прежде всего с понятием уголовного закона. Уголовная ответственность по российскому уголовному праву может быть реализована только при наличии основания, которым является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом.

Ключом к пониманию нормы уголовного права, всем тем, что соединяет в себе познавательные функции закона, выступая центральным конструктом закона, является понятие состава преступления. Более того, состав преступления, его наличие или отсутствие в совокупности законодательно указанных признаков, является единственным основанием для привлечения лица к уголовной ответственности.

Необходимость исследования состава преступления заключается в том, что указанная правовая категория одинаково важна как для теории уголовного права, так и для правоприменительной практики. Уголовное наказание напрямую связано с составом уголовного преступления. Это обстоятельство обуславливает необходимость как законодательного закрепления, так и теоретической проработки элементов, входящих в состав преступления. Это необходимо для того, чтобы те органы государственной власти, которые осуществляют уголовное преследование и правосудие, могли устанавливать факт совершения уголовного — наказуемого деяния, осуществлять его правильную квалификацию, что в конечном итоге приведет к выбору нужной формы уголовной ответственности.

Обычно в науке под составом преступления принято понимать совокупность предусмотренных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление.

Следует отличать взаимосвязанные понятия «преступление» и «состав преступления». Содержание реально совершенного преступления всегда составляет некоторая совокупность фактических обстоятельств. Посредством их анализа и синтеза пра-

воприменитель должен выявить юридически значимые признаки, сопоставимые по своему характеру с признаками состава преступления. Необходимо также учитывать, что определение преступления включает в себя социальные и юридические признаки, свойственные любому преступлению. Эти признаки обозначаются в ст. 14 УК РФ (общественная опасность, уголовная противоправность, т.е. запрещенность деяния УК, виновность и наказуемость). Они позволяют отграничить преступление от иных деяний (правонарушений и проступков, не относящихся к категории правонарушений). Состав преступления, как уже отмечалось, предназначен выполнять несколько иную функцию: отграничивать один вид преступления от другого. Наиболее очевидна связь состава преступления (как законодательного описания признаков определенного вида преступления) с такими признаками преступления, как уголовная противоправность (запрещенность самого деяния УК) и виновность.

Исследователи полагают, что состав преступления является системной категорией и характеризуется наличием элементов, признаков и логической связи. Состав преступления можно охарактеризовать как систему обязательных объективных и субъективных элементов, которые позволяют квалифицировать преступления. Состав преступления всегда состоит из объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, отсутствие хотя бы одного из данных элементов определяет отсутствие состава преступления. Состав преступления с целью уголовной квалификации деяния должен отвечать требованиям полноты и точности. Наука уголовного права предусматривает наступление уголовной ответственности только при наличии состава преступления, который образуется как субъективными, так и объективными признаками. В число объективных признаков преступления включаются такие элементы преступ-

ления как: объект преступления; объективная сторона преступления.

Состав преступления имеет особенности системы. Как система состав преступления характеризуется наличием элемента, его характеристиками и его связью.

Элементы состава преступления являются компонентами, которые являются основной частью системы «состава преступления». Они входят в четыре подсистемы: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. При этом признаки состава преступления описаны как в целом, так и в специальных частях УК РФ.

Состав преступления не является случайным набором признаков, а именно системой-единицей неразделимых и последовательных признаков, наличие которых необходимо и достаточно для признания социально опасного деяния преступлением определенного рода, предусмотренного специальной частью УК РФ.

Нет двух одинаковых составов преступлений, все составы преступлений отличаются друг от друга хотя бы одним признаком.

Обобщая принципы, закрепленные в законе, состав преступления можно охарактеризовать как реальную систему объектно-объективных и субъективно-субъективных элементов деяния, составляющих его общественную опасность.

Стоит отметить, что процесс квалификации преступления напрямую связан с составом преступления, поскольку при квалификации совершенного необходимо последовательно определять объект преступления, объективную его часть, субъект и субъективные стороны совершенного. Развитие учения о составе преступления будет направлено, в первую очередь, на устранение ошибок в квалификации уголовно-наказуемых деяний.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Кобец П. Н. Понятие состава преступления по российскому уголовному законодательству // В сборнике: Права человека в современном мире: новые вызовы и трудные решения: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 32–34.
3. Николаев К. Д. Содержание понятия «состав преступления» // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 4 (28). С. 79–84.
4. Толкаченко А. А. Некоторые уголовно-процессуальные аспекты квалификации преступлений // Уголовное право. 2018. № 6. С. 100–111.
5. Шеслер А. В. Соотношение понятия преступления и состава преступления // В сборнике: Актуальные вопросы уголовного права и криминологии на современном этапе: Межвузовский сборник научных трудов. Ответственный редактор С. М. Мальков. Красноярск, 2018. С. 5–10.

Использование блокчейн-технологий при реализации государственной регистрации прав на недвижимое имущество

Шаравара Никита Олегович, студент магистратуры
Академия труда и социальных отношений (г. Москва)

Блокчейн (транслитерация от англ. «blockchain» — цепочка блоков) — распределенный реестр, состоящий из взаимосвязанных блоков транзакций. Блоки транзакций, которые регистрируют пользователи, называются узлами реестра, или нодами (от англ. «nodes»). Соответственно, технически блокчейн представляет собой децентрализованную базу данных, предназначенную для хранения и подтверждения достоверности информации. Все размещаемые в блокчейне сведения сохраняются пользователями на своих компьютерах, а достоверность регистрируемых данных обеспечивается криптографическими алгоритмами [2]. Перспективы применения данной технологии в данное время выходят за рамки технических и коммерческих областей, блокчейн стал предметом рассмотрения на государственном уровне. Минкомсвязи и Минэкономразвития рассматривают возможность применения блокчейн при разработке различных государственных программ, к примеру «Цифровая экономика». Центральный Банк РФ провел инициативу создания консорциума для изучения и продвижения блокчейна на банковском рынке. Также данной проблематике уделяется повышенное внимание на различных дискуссионных площадках, например на Петербургском Международном Юридическом Форуме, где данная технология уже рассматривается не один раз. В частности, Росреестр заявлял о регистрации более 100 договоров долевого участия с использованием данной технологии с начала 2018 года. При этом стоит ожидать, что количество таких сделок будет только стремительно увеличиваться со временем. Все это обуславливает необходимость в детальном изучении перспектив применения данной технологии в контексте действующего российского законодательства, в том числе в разрезе использования так называемых смарт-контрактов, которые являются одним из наиболее перспективных и в то же время противоречивых с правовой точки зрения направлений применения данной технологии.

Для начала, нужно разобраться в том, что из себя представляет сама технология «блокчейн». В самом общем виде блокчейн представляет собой децентрализованную распределенную базу данных («учетную книгу») обо всех подтвержденных транзакциях, совершенных в отношении определенного актива, в основе функционирования которой лежат криптографические алгоритмы.

Преимуществами блокчейна можно обозначить следующие моменты (учитывая также и некоторую недоработанность данных нововведений):

1) Децентрализация, которая минимизирует риски отказа работы в случае выхода из строя отдельной системы. Децентрализация означает, что записи может вносить не один субъект, а кто пожелает. Примером подобного механизма являются торрент трекеры;

2) Повышенная степень безопасности за счет использования средства в криптографии при осуществлении каждой транзакции. Однако до сих пор является нерешенным вопрос, касающийся сбоя и перегрузок системы, при которых могут возникать ошибки в коде и прочие нарушения работы этой системы, не будут ли появляться двойные цепочки, которые будут создавать двойственность, нарушая общий алгоритм;

3) Невозможность изменения данных блокчейна задним числом;

4) Представляется также, что использование блокчейна позволит более оперативно производить действия с той или иной информацией за счет автоматизированного обмена данными, в котором отсутствует человеческий фактор, но и здесь следует учитывать тот факт, что записи в блокчейн все же будет производить специальный человек, по сути, на первых этапах эта процедура будет представлять из себя ту же регистрацию, которая уже существует на данный момент, поменяется лишь программа;

5) Прозрачность, поскольку все действия в рамках блокчейна документируются и доступны для ознакомления участникам системы [3].

Теперь же появляется вопрос как данную технологию можно применить к сделкам с недвижимостью. Нужно в первую очередь задуматься о том, а что же из себя представляет Росреестр. Он является реестром данных о собственниках и их недвижимости, где вся информация хранится, образно, в одной, единой базе данных на сервере службы. Из этого можно понять, что при таком подходе вся информация может подвергаться атакам интернет-злоумышленников, либо злоупотреблениями сотрудников.

То есть, при перспективе перевода данных Росреестра в технологию блокчейн, безусловно повысит их безопасность и защитит от незаконных правок. И сможет при этом устранить технологическую нагрузку на реестр. Однако это лишь в перспективе, потому что нагрузка, как нам представляется, не будет существенно снижена, а за каждую транзакцию будут взиматься комиссионные сборы, потому что серверы и ноды, которые будут осуществлять процесс зашифровки данных и выстраивать цепочку блоков требуют использования ресурсов — а это все деньги.

Одно из главных свойств технологии блокчейн, это открытость всех данных, так как вся их база хранится на всех компьютерах сети, и должны быть доступны для проверки блоков информации. Возможна зашифровка какие-то данных для обычного пользователя, чтобы не были видны, например, паспортные данные участника реестра. Но, изначально главное то, что открытость информации в реестре изначально включена в блокчейн. Отсюда формируется вывод, что не должно возникнуть каких-либо проблем с получением актуальных данных, например, выписки из ЕГРН или дубликатов договоров. Их по-

лучение для лиц несомненно упростится и станет занимать меньше времени. Но, помимо удобства хранения и пользования данными перевод ЕГРН на технологию блокчейн не ограничивается.

Блокчейн еще позволяет организовывать так называемые «смарт-контракты». То есть те контракты, которые могут исполняться, условно «самостоятельно», без участия, к примеру, третьей стороны, в тех случаях сделок с недвижимостью, где стороны договора не доверяют друг другу и приглашают третью сторону. Данная сторона играет некую роль «арбитра» или «посредника». В сделках с недвижимостью им чаще всего выступает банк для проведения расчетов между сторонами посредством аккредитива либо через банковскую ячейку.

Квалификация смарт-контракта в качестве гражданско-правового договора зависит от того, что будет пониматься под ним в каждом определенном случае. Согласно статье 420 ГК РФ [1], договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Если содержанием программного кода является совершение операций, которые представляют собой автоматизированный эквивалент действий сторон, которые могут выступать предметом гражданско-правового договора, то такой смарт-контракт может быть рассмотрен в качестве юридически значимого соглашения сторон.

Факт того, что условия из договора такого вида излагаются в форме программного кода, не имеет юридического значения, так как договорное право допускает различные способы формализации договоренностей сторон. Лица могут заключать юридически значимые соглашения на любом языке. Поэтому можно сделать вывод о том, что программный код будет мало чем отличаться от любого другого языка, поскольку он понятен и доступен лицам, которые обладают специальными познаниями в языке программирования [4].

Природа смарт-контрактов подразумевает под собой, что необходимости в посреднике отсутствует. Система сама может выполнить эту роль. Например, это может произойти в такой последовательности:

1) Одна из сторон публикует контракт в блокчейне в виде программного кода. Он позволяет точно идентифицировать все условия договора. Данный контракт впоследствии становится неотъемлемой частью блокчейна, и, как было выяснено ранее, внести какие-либо поправки в контракт будет невозможно, так как он виден самой системе и уже был включен в общий реестр. Конечно, возникает правомерный вопрос: насколько участникам того или иного договора выгодно или желательно, чтобы его контракт был доступен абсолютно любому участнику системы? Это до сих пор остается довольно спорным положением и в кругу ученых-правоведов, а также практиков, ведутся споры, каким образом можно усовершенствовать данную технологию с выгодой для всех участников системы.

2) Вторая сторона соглашается с условиями контракта первой и подписывает его своей «уникальной подписью». Далее происходит блокировка его средств системой, которые он уже становится обязан уплатить по контракту первой стороне. Как только первая сторона исполняет свои обязанности по дого-

вору, то есть передать товар покупателю, система производит фиксацию этого и автоматически переводит деньги продавцу.

Как это возможно применить в сфере сделок с недвижимостью? Посредством публикации записи о праве собственности в реестре и в возможности предоставления доступа к системе без участия человека (но, как было выяснено выше, пока это не представляется возможным). В идеале на основе приведенных примеров, можно представить во что в будущем может трансформироваться сделка с недвижимостью при использовании технологии блокчейн.

Во-первых, возможна ликвидация государственного регистратора. Так как система, после подтверждения о выполнении контракта, сама проведет переход права собственности на недвижимость между продавцом и покупателем. Каким образом это будет происходить в идеале? Например, одна сторона подписывает контракт «уникальной подписью» и система в этот момент блокирует деньги, которые он внес на свой внутренний системный счет, которые он должен другой стороне. И как только другая сторона передает недвижимость первой стороне, система, зафиксировав этот момент, переводит деньги. По-другому, для того чтобы была возможность осуществления данных операций важно, чтобы у системы был доступ к объекту без непосредственного участия человека, а сам контракт мог считываться из математического описания.

Во-вторых, так же имеется перспектива исключения из прямой цепочки участников сделки банка. Он может принимать участие в сделках тем, что деньги покупателя должны перевестись в безналичное состояние, а значит находиться на счете. То есть заметно то, что банк в роли посредника больше уже не выступает, а только в качестве финансовой структуры, которая производит хранение денег, а потом занимается переводом их продавцу по сигналу системы блокчейн.

В-третьих, учитывая то, что подписание смарт контракта происходит посредством цифровой подписи, то чисто теоретически вероятно может пропасть потребность в удостоверении договора нотариусом. Так как цифровая подпись удостоверяет стороны договора.

Возвращаясь к нынешнему времени, как было сказано ранее, технология блокчейн уже начала использоваться в сделках с договорами долевого участия. И неспроста, так как на данный момент договор долевого участия имеет такую форму, которую возможно легко унифицировать. То есть, Росреестр создает стандартный рекомендованный договор и занимается его переводом в программный код. Со стороны застройщика остается только дополнить этот договор данными своего юридического лица, ценой и характеристикой конкретной квартиры. Уже сейчас при регистрации первого договора долевого участия застройщик подает данные по всему будущему дому в Росреестр. Если же со временем произойдет полный переход на блокчейн, то застройщики сразу будут вносить в реестр блокчейн данные о своих будущих объектах, и на основе этого будут готовиться смарт-контракты. Далее, потенциальный покупатель будет производить выбор объекта, после может подписать при помощи электронно-цифровой подписи смарт-контракт и произойдет мгновенная регистрация договора долевого участия.

Если подводить итог вышеизложенному можно однозначно выделить следующие проблемы, которые возникают при анализе системы блокчейн и ее дальнейшего использования в сфере сделок с недвижимостью:

1. Если рассматривать блокчейн-среду в качестве инструмента бесспорной защиты стороны, которая является покупателем, а также перевод в эту среду реестра права и сделок, несмотря на множество положительных позиций по данному поводу, нам кажется, что такие позиции не являются абсолютно обоснованными. Даже если убрать проблемы подтверждения передачи денег, подмены записей и прочего, нельзя исключить отсутствие возможных претензий третьих лиц к праву собственности, а также, насколько реально подтвердить дееспособность лица, которое подписывает контракт электронно-цифровым способом. Также нельзя забывать, что могут возникать ситуации при совершении таких сделок с недвижимостью, как купля-продажа жилого помещения, при которых могут быть затронуты права несовершеннолетних. То есть пока не будут занесены все данные людей в системе блокчейн, эти вопросы будут возникать довольно часто.

Для решения этой проблемы, представляется логичным внесение всех реестров прав на блокчейн таких, как данных ЗАГС, нотариальных реестров и так далее. Однако, в таком случае, могут возникать различные спорные ситуации, поскольку, как мы говорили ранее, данные реестры будут в свободном доступе. Отсюда вытекает правомерный вопрос — насколько это явля-

ется целесообразным и насколько это приемлемо для лиц, которые не желают, чтобы информация, содержащаяся в реестрах и непосредственно их касающаяся, была доступна любому лицу?

2. Так как внесенные в систему записи не могут быть отменены, могут возникать сложности, которые связаны с применением последствий недействительности сделок — возврат того, что было получено по сделке. Сейчас еще нет никакой информации, каким образом будет решена данная проблема, однако представляется, что вместо отмены записи о сделке в реестр будет вноситься новая запись о переходе прав прежнему владельцу.

3. Поскольку в законодательные акты так и не были внесены надлежащие изменения, которые бы регулировали технологии блокчейн и стимулировали их дальнейшее введение, потому что использование данной технологии, бесспорно, имеет огромный потенциал в сферах, где есть необходимость хранения реестров информации, а также учета данных. Представляется, что необходимо провести стандартизацию данной технологии. Перед законодателем также стоит вопрос по поводу персональных данных. Так как главная суть технологии блокчейн связана с невозможностью отмены операции, а информация, которая будет внесена в систему, чаще всего содержит какие-либо персональные данные, то могут возникать вопросы с ее хранением и дальнейшем уничтожением, и то, каким образом это будет осуществляться — одна из главных проблем, которая стоит в ряду прочих и связанных с этой технологией.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 16.12.2017) // СЗ РФ, 05.12.1994, N32, ст. 3301
2. Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности/ А. Ю. Иванов (рук. авт. колл.), М. Л. Башкатов, Е. В. Галкова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т права и развития ВШЭ — Сколково. — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 237 с.
3. Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. N5. С. 12–18.
4. Булгаков И. Т. Правовые вопросы использования технологии блокчейн // Закон. 2016. N12. С. 80–88.

Проблемы установления возраста уголовной ответственности

Шевченко София Васильевна, студент;
Худобашян Марина Размиковна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье авторы пытаются выявить проблемы установления возраста уголовной ответственности несовершеннолетних в случаях, когда отсутствуют документы, подтверждающие возраст несовершеннолетнего. Представляется обзор нормативных актов и судебной практики, регламентирующий установление возраста несовершеннолетнего.

Ключевые слова: возраст уголовной ответственности, уголовная ответственность несовершеннолетних, судебная экспертиза.

Изучая вопросы, касающиеся уголовной ответственности несовершеннолетних, важно изучить и затронуть проблему установления возраста уголовной ответственности несо-

вершеннолетних. Исследования в области института уголовной ответственности несовершеннолетних в разные времена затрагивали различные его проблемы, которым посвящены ра-

боты Ю.М. Антоняна [1], В.А. Галкина [3], А.И. Долгова [4], О.Ю. Красовской [5] и др. Данный вопрос, вопрос установления возраста несовершеннолетнего, является для уголовного права важным, поскольку возраст, в первую очередь — это необходимый признак субъекта преступления, который является одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации [11] несовершеннолетние — это те лица, которым на момент совершения преступления исполнилось 14 лет, но не исполнилось 18 лет. В соответствии с законом, несовершеннолетние могут быть привлечены к ответственности только по достижении определенного возраста. Фактически лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста к моменту совершения преступления, подлежит уголовной ответственности. Уголовный кодекс предусматривает минимальный (пониженный) возраст уголовной ответственности для несовершеннолетнего, который наступает с 14 лет за совершения преступлений. К таким преступлениям относятся, например: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ); изнасилование (ст. 131 УК РФ); насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ); грабеж (ст. 161 УК РФ); разбой (ст. 162 УК РФ) и др. Как отмечает И.А. Макаренко, установление возраста уголовной ответственности несовершеннолетнего является важной задачей следствия и суда, поскольку это помогает установить личность несовершеннолетнего, решить вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности, определить возможность совершения этого деяния с учетом физических и психологических качества несовершеннолетних [7]. Согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в ред. от 29 ноября 2016 г.) [8] считается, что лицо достигло возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в свой день рождения, а после того, как истек срок его действия, то есть с нуля на следующий день.

В юридической практике существуют способы получения объективной информации о личности несовершеннолетнего обвиняемого. Одним из способов является проведение судебно-медицинской экспертизы, которая должна использоваться при изучении личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, в тех случаях, когда это имеет значение в уголовном деле. Судебно-медицинская экспертиза является методом исследования, основанным на особой квалификации лиц, ее проводящих. Основанием для назначения судебной экспертизы является необходимость специальных знаний для установления обстоятельств, имеющих отношение к делу [2]. Анализ следственной практики показывает, что по делам о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, как правило, назначаются и производятся экспертизы, такие как: судебно-медицинская, судебно-психологическая и судебно-психиатрическая, что определяется в Федеральном законе Российской Федерации от 31 мая 2001 г. № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 26 июля 2019 г.) [9].

Основным предметом этих экспертиз является психическое состояние и процессы развития личности несовершеннолетнего. Но при проведении данных экспертиз важно учитывать тот факт, что личность несовершеннолетнего отличается от личности взрослого. Вопросы судебно-медицинской экспертизы также регулируются Федеральным законом Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 24 апреля 2020 г.) [10], в частности, вопрос установления возраста несовершеннолетнего в тех случаях, когда нет документов, подтверждающих его возраст, то он определяется экспертизой. По результатам судебно-медицинской экспертизы день его рождения считается последний день этого года, который определяется экспертами, а при установлении возраста, исчисляемого числом лет, суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица. В соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ если несовершеннолетний достиг возраста уголовной ответственности, но из-за отставания в умственном развитии, которое не связано с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог полностью осознать фактический характер и социальную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими, то он не подлежит уголовной ответственности. Судебно-психологическая экспертиза проводится в пределах своей научной компетенции и в соответствии с требованиями действующего законодательства. Основная задача судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних подозреваемых состоит в исследовании способности подростков, имеющих признаки умственной отсталости, не связанной с душевными заболеваниями, в возможности полностью сознавать значение своих действий и руководить ими.

В юридической литературе существуют различные мнения ученых по этому вопросу, например, Л.Л. Каневский считает, что основанием для назначения судебно-психологической экспертизы является невозможность усвоения учебного материала в начальный период обучения, стремление проводить деятельность и интересы, присущие несовершеннолетним [6]. Судебно-психиатрическая экспертиза проводится как правило, для изучения психического состояния в отношении обвиняемого, для выявления у лица наличия невменяемости, в отношении потерпевшего назначается для того, чтобы понимать, может ли лицо правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. При выявлении психических заболеваний необходимо учитывать тот факт, что многие психические заболевания, считающиеся неизлечимыми, вовсе не свидетельствуют о невменяемости тех лиц, которые совершили преступления совершивших преступления. Поэтому, чтобы установить степень опасности несовершеннолетнего, необходимо задать определенные вопросы, например, следующие. Есть ли у несовершеннолетнего обвиняемого отклонения в умственном развитии? И если есть, то как появляются эти отклонения? Может ли несовершеннолетний обвиняемый, учитывая уровень его психического развития, полностью осознавать значимость своих действий и в какой степени он может их направлять?

Важно отметить, что при предварительном исследовании в отношении несовершеннолетнего, помимо его биологиче-

ского возраста, необходимо выяснить соответствующий психологический возраст. Выяснить, есть ли у несовершеннолетнего психические отклонения, определить уровень умственной отсталости. Поэтому, в данном случае, необходимо, прибегнуть к помощи данных экспертиз.

Таким образом, вопрос об установлении возраста уголовной ответственности несовершеннолетнего является достаточно

важным в уголовном праве, поэтому изучение в теории и практики крайне необходимо, чтобы правильно и с умением применять. И соответственно, для верного рассмотрения, необходимо обращаться к Постановлению Пленума Верховного Суда и иным нормативно-правовым актам, касающимся вопроса об установлении возраста уголовной ответственности несовершеннолетнего.

Литература:

1. Антонян Ю. М. Предупреждение преступности несовершеннолетних. — М.: о-во «Знание» РСФСР. 1982. 40 с.
2. Аминев Ф. Г. Назначение судебных экспертиз при расследовании преступлений: учебное пособие. — М.: РИЦ БашГУ, 2013. С. 6.
3. Галкин В. А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: монография. — Москва: Палеотип. 2012. 176 с.
4. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. — М.: Юрид. лит., 1981. 159 с.
5. Красовская О. Ю. Предпреступное и преступное поведение несовершеннолетних — жертв злоупотреблений родительской властью (криминологические и уголовно-правовые проблемы) / О. Ю. Красовская; под ред. Ю. И. Бытко. — Саратов: Издательский центр «Наука», 2010. 168 с.
6. Каневский Л. Л. Тактика следственных действий по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними: учебное пособие. — М.: Уфа, 2001. 128 с.
7. Макаренко И. А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования: учебное пособие. — М.: Юрлитинформ, 2006. 232 с.
8. Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2011. № 4.
9. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291; 2019. № 30. Ст. 4126.
10. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724; Российская газета. № 93. 29 апреля 2020 г.
11. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2020. № 15 (часть I). Ст. 2235

Понятие правосудия

Щербакова Валерия Дмитриевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: правосудие, отправление правосудия, судебная власть, суд, государственная деятельность, определение правосудия.

Правосудие — это один из основных видов, направлений государственной деятельности, являющейся правоохранительной и относящейся к числу главенствующих полномочий судебной власти. Правосудие занимает центральное положение как в системе правоохранительной деятельности, так и в составе полномочий судебной власти.

Причиной этого является тот факт, что отправление правосудия неразрывно связано с принятием решений по вопросам, касающимся реализации политических, социально-экономических, личных прав и свобод человека и гражданина, а также прав и законных интересов государственных и иных организаций. Именно в процессе отправления правосудия конкретное лицо признаётся виновным в совершении преступления или же невиновным. Правосудию принадлежит определяющее слово и при назначении меры наказания или другого воздействия, определённого в законе, к виновному. Оно играет решающую роль при определении юридических последствий по спорам, связанным с реализацией авторских, жилищных, семейных,

трудовых, изобретательских и иных прав граждан и является одним из способов разрешения возникающих в сфере экономики конфликтов (как имущественных, так и некоторых других) между лицами, которые занимаются предпринимательством, государственными и негосударственными организациями.

Следует обратить внимание на то, что правосудие является сдерживающей силой, оно оберегает общество от злоупотреблений и незаконных действий, которые могут исходить от органов законодательной и исполнительной ветвей власти.

«Правосудие — правый суд, решение по закону, по совести», — такое определение даёт В.И. Даль [1]. А в словаре С.И. Ожегова определение правосудия даётся более ограничительно: «деятельность судебных органов» [2].

Необходимо отметить, что в правовой литературе существуют различные взгляды на термин правосудие, поскольку в законе нет нормы-дефиниции, которая закрепляла бы определение данного понятия.

По определению М.Ю. Тихомирова: «Правосудие (англ. justice) — совершаемая в процессуальном порядке правоприменительная деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел, а также экономических споров в целях охраны прав и интересов граждан, организаций и государств» [3].

Детальнее дал определение правосудию российский юрист, профессор А.Д. Бойков: «Правосудие — есть государственная деятельность, осуществляемая судом в специальной процессуальной форме путём рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел об общественно опасных деяниях, влекущих применение (или отказ от применения) существенных мер государственного принуждения, а также гражданских дел, связанных с защитой нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса в целях борьбы с преступностью и укрепления правопорядка» [4].

Однако, представляется, что привычное определение правосудия через деятельность, осуществляемую судом, не совсем правильно, так как суд и правосудие определяются друг через друга: правосудие — деятельность суда, а суд — орган правосудия, что является логической ошибкой.

Согласно определению С.В. Боботова: «правосудие — особый вид юридической (арбитражной) деятельности, выполнение которой возлагается обществом и государством на судебную власть» [5].

Схожую точку зрения высказывал Ю. М. Грошевой, который считал нужным дополнить данное понятие таким важным элементом, как «рассмотрение и разрешение судьями уголовных и гражданских дел на основе закона и в соответствии с правосознанием судей» [6].

Обобщая вышеперечисленное, следует отметить, что в литературе существуют два подхода к интерпретации правосудия.

Во-первых, данная деятельность рассматривается как одна из форм государственного управления. Можно разделить такую точку зрения, если определять понятие государственное управление в широком смысле, как управление обществом в целом, которое осуществляется через все три ветви власти.

Примером данного подхода является определение А.А. Мельникова: «Правосудие — это одна из форм государственного управления, средство выполнения государством внутренней функции охраны правопорядка, собственности, прав и свобод граждан путем разрешения специальным органом государственной власти — судом гражданских и уголовных дел по правилам, предусмотренным гражданским и уголовно-процессуальным правом, т.е. путем применения от имени государства норм права к установленным в судебном заседании фактам и правоотношениям, а в необходимых случаях и мер принуждения к правонарушителям» [7].

Во-вторых, на правосудие смотрят как на самостоятельный вид государственной деятельности, подтверждающий стремление социума к справедливости и обеспечивающий законные права и свободы человека.

В качестве примера можно привести определение правосудия, которое даёт С.Л. Лось: «это осуществляемый судом особый вид государственной деятельности по реализации судебной власти путём рассмотрения в конституционном, гражданском, арбитражном, административном и уголовном судопроизводстве правовых споров, обеспеченный возможным применением на основе закона государственного принуждения для установления или восстановления нарушенных прав, наказания правонарушителей и защиты законных интересов граждан, юридических лиц и государства» [8].

Таким образом, следует обратить внимание на то, что разные авторы включают в определение правосудия неодинаковое количество характеристик, необходимых для раскрытия сущности данного понятия. Разумеется, любой признак помогает создать более полное представление о сущности правосудия, а список характеристик всегда может быть дополнен. Но далеко не каждый из них является на самом деле необходимым для того, чтобы дать определение правосудию. Так, существует точка зрения, согласно которой в дефиниции правосудия излишне указывать, что это государственная деятельность. Уже сам факт того, что именно суд осуществляет правосудие, говорит о государственном характере последнего. Также нет необходимости указывать на независимость суда в определении правосудия, как это делает В.М. Семёнов: «правосудие — это деятельность независимого суда по надлежащему рассмотрению и разрешению в процессуальном порядке уголовных, гражданских и иных дел и правовых вопросов и применению на основе закона государственного принуждения к правонарушителям или оправданию невиновных в целях укрепления законности и правопорядка, предупреждения правонарушений, охраны от всяких посягательств конституционного строя, прав и интересов граждан, организаций, общества и государства» [9]. Суд является таковым в силу соответствующего конституционного принципа (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ), и указывать очередной раз на его независимость значит лишь усложнять понятие правосудия.

Подводя итог, в самой общей форме можно определить правосудие таким образом: особый вид государственной деятельности, который реализуется в форме судебных заседаний по применению судом властных полномочий в определённых законодательством случаях при рассмотрении и разрешении дел и споров, которые связаны с применением права по уголовным, гражданским и иным делам.

Литература:

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / В.И. Даль.— Москва: Дрофа, 2011.— 2734 с.— Текст: непосредственный.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов.— 16-е изд.— Москва: Русский язык, 1984.— 797 с.— Текст: непосредственный.
3. Тихомиров, М.Ю. Юридическая энциклопедия / М.Ю. Тихомиров.— 6-е изд.— Москва: Юринформцентр, 1997.— 525 с.— Текст: непосредственный.

4. Бойков, А. Д. Сущность социалистического правосудия и его виды / А. Д. Бойков.— Текст: непосредственный // Вопросы борьбы с преступностью.— 1982.— № 34.— С. 37–44.
5. Боботов, С. В. Судебная система России / С. В. Боботов.— 1-е изд.— Москва: Дело, 2000.— 336 с.— Текст: непосредственный.
6. Грошевой, Ю. М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосознание / Ю. М. Грошевой.— 1-е изд.— Харьков: Вища школа, 1986.— 183 с.— Текст: непосредственный.
7. Ларин, А. М. Конституционные основы правосудия в СССР / А. М. Ларин, А. А. Мельников, И. Л. Петрухин, В. М. Савицкий.— 1-е изд.— Москва: Наука, 1981.— 360 с.— Текст: непосредственный.
8. Правоохранительные органы: учеб. для вузов / С. Л. Лось [и др.].— 4-е изд.— Томск: НТЛ, 2011.— 552 с.— Текст: непосредственный.
9. Семёнов, В. М. Правоохранительные органы Российской Федерации: учеб. пособие / В. М. Семёнов, В. А. Байдуков.— 1-е изд.— Москва: НОРМА, 2008.— 320 с.— Текст: непосредственный.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 23 (313) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 17.06.2020. Дата выхода в свет: 24.06.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.